

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Ю. В. Богоявленская,
М. В. Плотникова,
С. В. Шустова

**ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ:
КОММУНИКАТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Пермь 2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Ю. В. Богоявленская,
М. В. Плотникова,
С. В. Шустова

**ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ:
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

МОНОГРАФИЯ

Под научной редакцией профессора М. Р. Желтухиной

Пермь 2023

УДК 81'42
ББК 81.0
Д482

Авторский коллектив:

Ю. В. Богоявленская, М. В. Плотникова, С. В. Шустова

Д482 **Дискурсивные** практики: коммуникативно-прагматический подход [Электронный ресурс] : монография / Ю. В. Богоявленская, М. В. Плотникова, С. В. Шустова; под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. М. Р. Желтухиной ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2023. – 4,36 Мб ;145 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Diskursivnyue-praktiki-kommunikativno-pragmaticheskij-podhod.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-4005-8

В предлагаемой коллективной монографии исследуются особенности современных дискурсивных практик на материале русского, французского и немецкого языков. Работа представляет интерес для преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов, студентов. Материалы могут быть использованы при разработке различных курсов, а также в научной и учебной работе.

УДК 81'42
ББК 81.0

Издается по решению кафедры лингвистики и перевода

Пермского государственного национального исследовательского университета

Научный редактор: д-р филол. наук, профессор **М.Р. Желтухина** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет)

Рецензенты: д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета **С. В. Андросова**;
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой «Иностранные языки и межкультурные коммуникации» Уральского университета путей сообщения **С. В. Балакин**

© ПГНИУ, 2023

© Богоявленская Ю. В., Плотникова М. В.,
Шустова С.В., 2023

ISBN 978-5-7944-4005-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

В представленной коллективной монографии разрабатываются аспекты и подходы к изучению дискурса. В разделе «Дискурсивные грани парцелляции» Ю.В. Богоявленская исследует парцелляцию, которая кодирует наиболее существенную и тематически значимую для последующего развертывания информацию. Функции парцеллянтного знака в дискурсе делятся на общие и частные, связанные с их локализацией. К общим функциям относятся следующие: 1) парцелляция четко очерчивает границы фокусной зоны, тем самым несет информацию об иерархизации информации в формате предложения, облегчает понимание самого сообщения и целого комплекса дискурсивных (инферируемых) смыслов; 2) создает ракурс реконструирования адресатом референтного медиасобытия, представленного в тексте, его интерпретации; 3) кодирует информацию об интенциях, установках адресанта, его эмоциях и отношении к описываемому событию; 4) активизирует фоновые знания и представления адресата, стимулирует построение инференций, которые будут подтверждены или опровергнуты при чтении текста. В разделе «Дискурсивные практики интернет-коммуникации: манипулятивный потенциал Интернет-мемов» М.В. Плотникова исследует дискурс социальных сетей, в котором Интернет-мем становится частью цифровой культуры. Большинство исследователей сходятся во мнении о вирусной природе Интернет-мема: каждая последующая вариация оригинального мема влияет на его узнаваемость, в то время как популярность исходного мема способствует продвижению его производных. Интернет-мемы формируют своеобразный метаязык распространяемых медиа. В разделе «Миграционный дискурс: к вопросу о специфике и концептуализации» С.В. Шустова исследует специфику миграционного дискурса и обращает внимание на тот факт, что по мере углубления процессов глобализации социальные, экономические и политические преобразования все больше влияют на нашу жизнь и опыт. Важная роль отводится миграции, всё больше людей вынуждены менять свое место жительства в связи с политической или экономической ситуацией. Крупные события миграции и перемещения населения способствуют увеличению конфликтных ситуаций и речевой агрессии по отношению к мигрантам. Исходя из концепции отражения действительности в языковом сознании отдельного индивида или целого общества, представляется возможным говорить о существовании особой концептосферы миграции.

Авторы коллективной монографии выражают глубокую признательность научному редактору и рецензентам за ценные замечания и поддержку исследования.

ДИСКУРСИВНЫЕ ГРАНИ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ

Введение

Изучение парцелляции в отечественной лингвистике началось в 60-х годах XX века. Были предприняты глубокие и многоаспектные исследования особенностей данного феномена как на материале русского, так и на материале других языков. Это обусловило, с одной стороны, значительное развитие этой теории, постоянно обогащающейся данными, полученными на материале разноструктурных языков, но с другой стороны, обозначило появление многих дискуссионных вопросов, так и не нашедших однозначного решения (обзор трудов по теории парцелляции см. в [Богоявленская 2018 а]).

Систематизация научного опыта позволяет выделить основные подходы к ее исследованию: *синтаксический* (см. работы [Ванников 1965], [Добрычева 2012], [Combettes 2007], [Gautier 2010]), *риторико-стилистический* ([Сковородников 1981], [Копнина 2003], [Noailly 2002]). Предпринимались попытки описания *прагматического аспекта парцелляции* на материале отдельных языков ([Суровенкова 1982], [Хаймурзина 2008]), некоторые особенности и дискурсивные функции парцелляции ([Гурьева 2014], [Куучтсуан 2009]), ее восприятие ([Зелепукин 2007]), когнитивные особенности ([Sanford 2006]) и диахроническая динамика ([Литвиненко 1984]). Несмотря на устойчивый интерес, который удерживается в зарубежной и отечественной лингвистике более 60 лет, многие вопросы, связанные с сущностью парцелляции, ее природой, механизмами построения и функционирования еще не получили должного освещения.

Представляется, что решение данных вопросов возможно при рассмотрении парцелляции в когнитивно-семиотическом ракурсе, относящимся к актуальным направлениям когнитивно-дискурсивной парадигмы. Заявленный подход позволяет изучить этот феномен с опорой на данные когнитивной психологии. Эксперименты, проведенные в лаборатории А. Сенфорда (Университет Глазго), позволили ученым определить парцелляцию

¹ Доктор филологических наук, профессор; Уральский федеральный университет им. первого Президента Б. Н. Ельцина; г. Екатеринбург, Россия.

как одно из средств «захвата внимания». Ученые установили, что парцеллянтный разрыв деавтоматизирует внимание, направляя его на парцеллы, и таким образом обеспечивает лучшее запоминание информации, содержащейся в нем. Парцелляция при восприятии требует концентрации внимания (несет когнитивную нагрузку) и является одним из эффективных средств перераспределения внимания синтаксического формата [Sanford 2006: 109].

Целью предлагаемого исследования является выявление сходств, различий и специфики когнитивно-дискурсивных свойств парцелляции на материале французско-русского сопоставительного объектно-ориентированного корпуса (подробнее о данном типе корпуса см. [Богоявленская 2016 с]).

Материалом для исследования послужил корпус французских и русских статей, отобранных методом случайной выборки, из наиболее популярных газет, относящихся к респектабельной и массовой прессе: *Le Monde, La Tribune, Le Figaro, Le Parisien, L'Humanité, Libération, Российская газета, Аргументы и факты, Коммерсантъ, Московский комсомолец, Независимая газета, Комсомольская правда* за период 1999–2023 гг. Французский корпус (286 314 словоупотребления) включает 307 текстов, содержащих 1147 парцеллем. Русский корпус (231 530 словоупотреблений) включает 347 текстов, содержащих 1472 парцеллемы.

Теоретико-методологической основой исследования является интеграция когнитивно-дискурсивного, сопоставительного и корпусного подходов в языкознании. Методология исследования сложилась под влиянием *теорий парцелляции в романистике, германистике и русистике* (Ю.В. Ванников, А.П. Сквородников, Е.А. Иванчикова, Б.Ю. Норман, В.Г. Гак, Е.Г. Сидорова, Н.С. Валгина, Г.Я. Солганик, Е.А. Реферовская, Е.А. Вильчицкая, Е.В. Литвиненко, Л.С. Суровенкова, Р.О. Зелепукин, А.Э. Цумарев, Ж.А. Винтман, А.З. Хаймурзина, М.О. Ступкина, Б. Турсунов, Л.А. Рачковская, А.А. Добрычева, Я.Н. Пинегина, М. Cohen, G. Dubois, A. Dauzat, V. Combettes, A. Kuyumcuyan, M. Noailly, A. Gautier, B. Bosredon, I. Tambamecz, E. Navu, F. Lefeuvre, C. Emmott, A.J. Sanford, C.G. Frett, H.C. Lodge, P. Roberts и т.д.). Представленная работа опирается на положения таких отраслей языкознания как *лингвокогнитология* (О.К. Ирисханова, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, А.В. Кравченко, А.А. Кибрик, Т.Г. Скребцова, А.П. Чудинов, Т.А. van Dijk,

L. Talmy, R. Langacker, B. Warwick, и др.), *лингвосемиотика* (А.А. Худяков, Н.Б. Мечковская, В.Т. Садченко, Ю.С. Степанов, А.А. Уфимцева, N. Cattach, C. Tournier, S. Pétilion-Boucheron, I. Fonagy и др.), *сопоставительная лингвистика* (В.Г. Гак, В.Д. Аракин, В.Н. Ярцева, А. Гудавичюс, Г.М. Алимжанова, З.Д. Попова, В. Скаличка, Э. Косериу, В. Матезиус, К. Джеймс, У.К. Юсупов, И.Н. Кузнецова, А.П. Евдошенко и др.). Значительную роль играют исследования в области *аттенциональности в когнитивной психологии и лингвистике* (О.К. Ирисханова, Р.Л. Солсо, Ю. Щербатых, L. Talmy, R. Langacker, B. Warwick, R.E. MacLaury, G. Taylor, P. Lemaire, A. Triesman, M.W. Matlin, O. Houdé, G. Fauconnier) и работы, выполненные в русле *когнитивно-семиотического (семиологического) подхода* (А.С. Самигуллина, А.А. Худяков, С.Н. Сыроваткин, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырев, И.В. Рогозина). Важное место в данной методологической системе занимают достижения отечественной и зарубежной *корпусной лингвистики* (А. Н. Баранов, В.А. Плунгян, А.А. Кибрик, В.В. Рыков, В.И. Беликов, Р.Г. Пиотровский, A. Kilgariff, B. Cartoni, L. Deléger, V. Habert, L. Goeuriot, G. Leech, J. Sinclair и др.).

В процессе работы использовались следующие методы: сопоставительный, семиотический, корпусный, метод интроспекции, когнитивно-дискурсивного, стилистического и контекстуального анализа, лингвистического эксперимента. Также в работе использовались разработанные нами методика верификации достоверности данных (см. [Богоявленская 2016 б]) и методика сопоставительно-параметрического анализа.

1. Парцелляция: когнитивно-семиотический подход

В научных работах по проблеме парцелляции для обозначения расчлененных на части предложений используются конкурирующие термины «парцеллированные высказывания (предложения)», «парцеллированные структуры», «парцелляции» или «парцеллированные конструкции», каждый из которых акцентирует внимание на структурном или структурно-семантическом аспекте явления. Исследуя парцелляцию с позиций когнитивно-семиотического подхода, мы не можем не признать, что данные термины не имеют достаточной объяснительной силы и не отражают тех специфических смыслов, которые проявляются при рассмотрении парцелляции с когнитивно-семиотической позиции. В связи с чем в рамках настоящей монографии в качестве рабочего используется термин «парцел-

лема». Подробно парцеллема рассматривается в [Богоявленская 2018а, 2018б]; здесь мы напомним основные положения, касающиеся сущности данного феномена.

Под *парцеллемой* понимаем сентенциональный знак, денотатом которого выступает сущность неязыковой онтологии – фрагмент реальной или вымышленной действительности (ситуации, положения дел). Данный термин может иметь два значения: 1) эмическая единица, отнесенная к уровню абстрактных сущностей, реально не существующих, но выводимых на основе выявления общих черт их вариантов. То есть, парцеллема есть идеализированный объект, соответствующий классу однородных реальных объектов – конструкций с парцелляцией; 2) парцеллема есть проявление этой абстрактной единицы, ее материальное воплощение в дискурсе. В этом воплощении парцеллема содержит в своем составе особый элемент, который и делает ее парцеллемой – *парцеллографему*, под которой мы понимаем финальную синграфему, используемую для операции парцелляции. Инвентарь парцеллографем включает четыре знака: точка, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие. Введение этого термина необходимо, на наш взгляд, как для упорядочения лингвистической терминологии, используемой в работе, так и для функционального разграничения финальных синграфем, выступающих в своей первичной функции, и парцеллографем как операторов парцелляции (классификацию парцеллографем см. [Богоявленская 2019]).

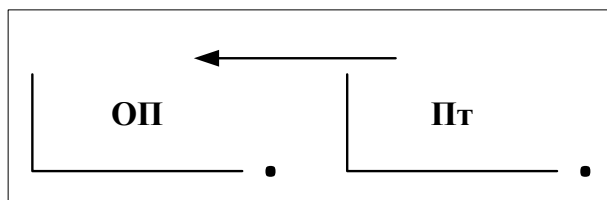
Таким образом, мы трактуем парцеллему как сложный гибридный знак, план выражения которого сплетен из элементов вербальной (словесной) и невербальной семиотической систем (парцеллографемы), взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга в вербальной коммуникации. Это переплетение двух семиотических систем, смешение свойств их знаков позволяет адресанту передавать сообщение в компактной форме, а адресату – распознавать широкий диапазон контекстуально-обусловленных смыслов.

Материально-графическое воплощение парцеллема получает благодаря парцелляции – специальной визуально-графической операции, расчленяющей единую структуру предложения на конститuentы. Результатом парцелляции является двухчастная структура, включающая основу парцеллемы и парцеллят; оба конститuentа начинаются с заглавной буквы. В конструкцию включается парцеллографема, создающая визуальный разрыв

между основой. Финальная синграфема в роли парцеллографемы и заглавная буква являются устойчивыми маркерами предложения и в данной конфигурации становятся экзогенным фактором (внешним стимулом), управляющим распределением внимания адресата посредством смещения фокуса на парцеллят.

Анализ материала позволил выявить инвариантную модель изучаемого построения. Под моделью парцеллемы мы понимаем отвлеченный схематический образ, то, в чем заключается ее тождество с другими парцеллемами, оставшееся после вычета из нее всех ее переменных или индивидуальных элементов.

Схема 1. Инвариантная модель парцеллемы

Здесь:

ОП – основа парцеллемы,

• – парцеллографема и постпарцеллятная финальная синграфема,

Пт – парцеллят,

| – заглавная буква;

← – направление синтаксической зависимости и ретроспективный характер восприятия.

Разновидности модели имеют свои отличительные особенности, но всегда вписываются в общую инвариантную модель: основа + парцеллят (разновидности модели парцелляции подробно описаны в [Богоявленская 2016 а]).

Приведем примеры «материального воплощения» этой модели:

– On y découvre un Michel Houellebecq la mine éprouvée, le regard perdu dans une torpeur postorgasmique, clope au bec. *Torse nu dans des draps blancs immaculés, le cheveu en bataille, embrassant et serrant éperdument contre lui une jeune néerlandaise tatouée à la robe fleurie.* (Libération, 07.02.2023)

– Trois ans quasi-jour pour jour après avoir été battu par le Japonais Kokoro Kageura le judoka et colosse est de retour sur les lieux du crime. *Sans vraiment*

trembler cette fois, pour décrocher l'or en battant en finale des plus de 100 kg, le Japonais Hyoga Ota aux pénalités. (Le Parisien, 05.02.2023)

– Трижды удостоилась Сталинской премии черт знает за что. За роль в пьесе Анатолия Сурова – его имя было синонимом бездарности – «*Рассвет над Москвой*». Или за роль похитительницы советских детей фрей Вюрст в фильме Александра Файнциммера и Владимира Легошина «*У них есть Родина*». (Коммерсантъ, 07.02.2023)

– Мы расписались ровно во вторую годовщину нашего знакомства. *Тихо, скромно, вдвоем* (АиФ, 07.02.2023)

– По сути, получилась кухонная беседа двух подруг. *Без премудростей и пафоса*. (Московский комсомолец, 07.02.2023)

Как показало исследование, постоянным свойством основы парцеллемы является наличие, по крайней мере, одного грамматического предиката, как правило, распространенного. В отличие от основы парцеллят может представлять собой актант (за исключением одиночного актанта), сирконстант, атрибут или так же, как и основа, содержит предикативную основу.

Некоторые значения, закладываемые автором, в соответствии с его интенцией в результате компрессии «сворачиваются» и кодируются в парцеллограмме, расшифровка которой происходит с большей или меньшей успешностью при восприятии текста адресатом. Декодирование парцеллограммы восстанавливает прогнозируемые, объективно порождаемые на основе трансформации словесные конститутенты.

Рассмотрим следующий пример, взятый из статьи, в которой автор рассуждает о празднике 1 мая – о том, как его праздновали раньше и сейчас. Красной нитью в статье проходит критическое отношение автора к традиции проведения Первомай за городом, на приусадебных участках, в заботах о будущем урожае:

– Я хочу, чтобы нам наконец-то дали «области жирком». *Чтобы покупать все эти дела по вменяемым ценам. Чтобы Первомай стал реальным праздником, а не днем битвы за урожай*. (АиФ, 30.04.2014)

Графическая операция расчленения на основу парцеллемы и парцелляты посредством парцеллограммы кодирует смыслы, расшифровка которых становится возможным постольку, поскольку такое кодирование произведено автором намеренно, с учетом смыслокомпрессионного потенциала парцелляции. Смысловой доминантой этого фрагмента является индивидуально-авторское представление праздника, возрастающее негодование

и гнев по поводу сложившейся в «голодные годы» традицией, которая несмотря ни на что существует и поныне. Парцеллографема – знак, нацеленный на активацию этого смысла при интерпретации. Повтор союза «чтобы» и параллелизм придаточных предложений выполняют интегрирующую функцию и повышают экспрессивность всей конструкции. Автор создает яркий контраст между «реальным праздником» – нерабочим днем, о котором мечтает автор, днем отдыха, когда стол можно накрыть, купив необходимые продукты по «вменяемым ценам», и с другой, Первой такой, каким он его видит в действительности – днем вынужденной «битвы за урожай». Элиминация вербальных знаков, смысл которых можно, например, сформулировать следующим образом: «Обратите внимание! Я возмущен сложившейся ситуацией» (план содержания) сопровождается инкорпорированием невербального знака – парцеллографемы – средства, позволяющего привлечь и заострить внимание на выделенной в парцелляте информации. Инферируемый выше смысл представляет собой смысл, приращенный к кодифицированному «наиболее важное, новое в текущем выражении». Мы согласимся с мнением М.В. Никитина о том, что имплицитные приращения смысла могут значительно превосходить эксплицитные в суммарном объеме информации, извлекаемой из языковых выражений: «имплицитные смыслы не только дополняют и осложняют эксплицитные значения, но могут вступать в конфликт с ними, модифицируя суммарное содержание высказываний» [Никитин 1988: 10]. Выведенная инференция может быть дополнена другими, основанными на жизненном опыте интерпретатора.

Применение парцеллятного кода, таким образом, ведет к расширению объема передаваемой информации при условии, конечно, адекватного его распознавания и интерпретации. Наблюдаемое нарушение корреляции планов выражения и содержания в яркой форме демонстрирует гибкость данной единицы, ее экспрессивный и лингвокреативный потенциал, способность порождать новые смыслы, используя, так сказать, «подручный материал». Парцеллятная конфигурация текста является более динамичной, и, судя по всему, обладает бóльшим перлокутивным воздействием на адресанта.

Прием реинтеграции² парцеллятов в основную часть и элиминация парцеллографем приводит к обеднению содержания конструкции, снижению экспрессивности, частичной потере индивидуально-личностного смысла, закладываемого автором:

– Я хочу, чтобы нам наконец-то дали «образы жирком», чтобы покупать все эти дела по вменяемым ценам, чтобы Первомай стал реальным праздником, а не днем битвы за урожай.

Депарцеллированная структура, во-первых, не передает в полной мере эмоций автора (возмущение, негодование) и не заостряет на этом аспекте внимания; во-вторых, становится менее динамичной, более плавной (изменение ритмомелодического рисунка).

Итак, включение парцеллографемы в семиотическую структуру сентанционального знака приводит к усложнению плана содержания. При этом в плане выражения наблюдается компрессия: экономия вербальных знаков образует «смысловые скважины», которые заполняются смыслом, активизируемым невербальным знаком.

Эффект, производимый парцеллемой, строится на *конflikте между визуально-графическим (пунктуационным) и семантико-синтаксическим аспектами, на нарушении контекстного ожидания*. Финальная синграфема, обычно означающая завершение одной самостоятельной структурно-семантической единицы и переход к следующей, в составе парцеллемы меняет свое назначение: разрывая линейную последовательность графических вербальных знаков, она выделяет наиболее значимый с точки зрения автора информационный отрезок. Такая функциональная трансформация указывает на *амбивалентную, деструктивно-конструктивную природу парцелляции*.

Парцеллятный разрыв не остается незамеченным, он *деавтоматизирует и стимулирует внимание* к отчленяемому сегменту и способствует его лучшему запоминанию. Следовательно, парцелляция несет когнитивную нагрузку, является эффективным средством перераспределения внимания в высказывании, свидетельствует об осознанном выборе и размещении в

² Прием реинтеграции в нашем исследовании – это экспериментальный прием восстановления допарцеллятной структуры, заключающийся в реинтеграции отчлененного конституента в предыдущий контекст. Данный тест заключается в снятии финальной синграфемы и восстановлении исходной структуры – «обычного» предложения без дополнительных трансформаций. Мы допускаем перемещение отделенного конституента на «свое» (условно) место в случае с дистантно расположенными парцеллятами.

аттенциональном фокусе³ какого-либо аспекта информации о референтной ситуации. Выбирая парцеллярную аранжировку высказывания, субъект полагает, что *в данном случае и в данный момент, она является оптимальным средством, способным представить описываемую ситуацию в соответствии с авторским восприятием (интенцией)*: в фокус внимания вынесен именно тот объект / отношение / аспект ситуации, который ему представляется наиболее значимым. Что, в свою очередь, свидетельствует о том, как субъект «сканирует» описываемую сцену, о том, как он воспринимает наблюдаемые объекты и события и как их конструирует.

В следующих примерах фокус внимания «наведен» на (1) темпоральный и (2) каузальный аспекты ситуации:

1) Lui assure qu'il a appris le contenu de l'enquête au moment de la production du rapport d'expertise. *Deux mois plus tard...* (Le Figaro, 11.04.2013)

2) Сейчас этот контакт начинает опять теряться. *По вине обеих сторон.* (Российская газета, 18.05.2001)

Парцеллярная подача говорит о выраженной субъективной интерпретации действительности. Наблюдающий выделяет временной промежуток, прошедший между тем моментом, когда министр внутренних дел Мануэль Вальс изучил содержание экспертизы (якобы в момент производства) и моментом реального ознакомления (*Через два месяца*), что имплицитно указывает на расхождение между тем, что утверждает министр и действительным положением вещей. Многоточие после парцеллята также указывает на неоднозначный временной разрыв и способствует построению различных инференций.

Во втором примере фокусируется причина потери контакта между компаниями. Судя по предпочтению парцеллярного оформления высказывания, продуцент речи, конструируя ситуацию, не только эксплицитно накладывает вину в происходящем на обе стороны, но и настаивает на их обоюдной ответственности. Именно это обстоятельство представляется наиболее значимым в данном сообщении с его точки зрения. Оставаясь «за кулисами», вне фокуса, продуцент таким образом выводит в фокус внимания свое собственное восприятие ситуации, ставит акцент на том, как он

³ Под фокусированием, вслед за О.К. Ирисхановой, понимаем целостный многофункциональный когнитивный процесс, имеющий широкий диапазон разноформатных языковых воплощений, как лексико-семантических, так и синтаксических, активно взаимодействующих в дискурсе [Ирисханова 2014: 14].

сам ее видит и переживает, интерпретирует. Парцелляция, не меняя объекта, позволяет «скорректировать» фокус внимания на субъективности суждения.

Итак, выделенные парцеллографемой фрагменты обнаруживают субъекта конструирования:

– то, как он *воспринимает, интерпретирует ситуацию* (объект конструирования) и что именно представляется ему значимым в этой ситуации;

– в какой степени он *чувствует себя вовлеченным в нее, дает оценку со стороны* как наблюдатель и

– какой он *хочет представить эту ситуацию* получателю речи.

Результатом аттенциального фокусирования становится распределение на фигуру и фон. В предпарцеллянтной структуре, которую можно восстановить при помощи теста реинтеграции, выделенные сегменты служат фоном, вторичным фокусом или в фокусе находится иной аспект значения:

1* Lui assure qu'il a appris le contenu de l'enquête deux mois plus tard, au moment de la production du rapport d'expertise.

2* Сейчас этот контакт начинает опять теряться по вине обеих сторон.

В 1* парцеллят, вернувшийся «на свое место» представляет собой фон, контекст ситуации, в котором характеризуются обстоятельство (это его обычная функция); воспринимается с меньшими когнитивными затратами и рассматривается продуцентом речи как менее значимый. Слова министра под сомнение не ставятся. В 2* «по вине обеих сторон» находится в приоритетной конечной, а значит, фокусной, позиции. Суждение представляется более объективным, нежели в парцеллянтной презентации.

Рассмотрим еще примеры:

– La perspective d'une loi d'amnistie des délits politico-financiers est inacceptable. *Scandaleuse. (1) Révoltante. (2)* (L'Humanité, 08.07.2002)

– En même temps, l'auteur ne cesse pas de regarder au-delà des apparences. *De chercher à débusquer partout les signes d'un sens général. (1) Comme dans cette image d'une nouvelle race de grands-parents, affublés de ridicules vêtements de sport. (2) Ou dans l'impression de chaos organisé des images à la télévision. (3) Ou encore dans les manifestations de quelques penchants notoires de l'époque. (4)* (L'Humanité, 11.10.2020)

– Незнакомка – то ли профессионалка на отдыхе, которой втемяшилось в голову свести с ума образцового, как его представляют себе авторы

фильма, интеллигента. *То ли переводчица-синхронистка, свободно владеющая языками. (1) То ли нимфоманка навыворот. (2)* (Коммерсантъ, 04.02.2023)

– У всех у них есть одна общая и невыносимая черта – страсть рассказывать свои сны или фантазмагорические детские воспоминания. *О колдунах-цыганах, пробиравшихся по ночам в дом, чтобы рассыпать на столе соль и воткнуть в матрасы иголки. (1) О шаровой молнии, застрявшей в проводах. (2) О том, как мертвая бабушка ищет свой паспорт. (3) О какой-то странной собаке. (4)* (Коммерсантъ, 27.12.2022)

Здесь мы наблюдаем распределение на несколько фокусов, каждый из которых в одинаковой мере значим для продуцента речи, а потому выделен в отдельный парцеллят.

Следовательно, в парцеллятной аранжировке происходит:

- 1) перераспределение фокуса внимания, и этот механизм сопровождается обращением фигуры и фона;
- 2) корректировка фокуса внимания;
- 3) расщепление на множественные фокусы внимания.

Выделенные в особую, парцеллятную, позицию, сегменты приобретают признак салиентности (выделенности) благодаря своей визуальной очерченности, замкнутости в определенных графических границах; конфликт между пунктуацией, синтаксисом и семантикой на границе основы и парцеллята (искусственное прерывание связи) обращает их в фигуры или корректирует / расщепляет аттенциальный фокус, указывая на то, как сознание продуцента речи членит конструируемую ситуацию на фокусные и нефокусные сегменты. В этом контексте парцелляция может рассматриваться в качестве средства «регулирования» степени салиентности: от минимальной (фон и вторичный фокус в основе парцеллемы) до максимальной (первичный фокус в парцелляте). Это предположение подтверждается также свойствами фигуры, реализующиеся в парцелляте: он имеет более простую форму, часто меньший размер, зависим от окружения (подчинен или координирует с основой, но функционировать самостоятельно не всегда способен), находится в линейной цепи «впереди» по отношению к основе, более значим и привлекает внимание. Его декодирование требует больших когнитивных усилий, чем основа.

Итак, при когнитивно-семиотическом ракурсе анализа парцелляция предстает как сложный гибридный знак, план выражения которого сплетен

из элементов вербальной (словесной) и невербальной семиотической систем (парцеллографемы), взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга в вербальной коммуникации. Материально-графическое воплощение парцеллема получает благодаря парцелляции – специальной графической операции, расчленяющей единую структуру предложения на конститuenty. Результатом парцелляции является трехчастная структура, включающая основу парцеллемы, парцеллографему, создающую визуальный разрыв между основой и парцеллятом. Именно инкорпорирование парцеллографем в семиотический комплекс высказывания приводит к усложнению семантической структуры и формированию сложного парцеллятного знака, в котором вербальная знаковая система выступает в качестве отдельного уровня, коррелирующего с уровнем невербальной семиотической системы. В парцеллятной аранжировке происходят следующие процессы: перераспределение фокуса внимание, его корректировка или расщепление на множественные фокусы.

Парцеллятный разрыв не остается незамеченным, он деавтоматизирует и стимулирует внимание к отчленяемому сегменту и способствует его лучшему запоминанию. Таким образом, парцелляция является эффективным средством перераспределения внимания в высказывании, свидетельствует об осознанном выборе и размещении в аттенсиональном фокусе какого-либо значимого аспекта референтной ситуации.

2. Дискурсивные измерения парцелляции: сопоставительно-параметрический анализ

Большинство работ, выполненных в русле когнитивной лингвистики, нацелены на исследование языка как средства хранения и упорядочивания информации – явлений offline: категорий, концептов, лексической семантики, метафор и других. Однако, как справедливо замечает А.А. Кибрик, когнитивный подход также продуктивен в изучении явлений on-line, то есть процессов построения и понимания дискурса, в исследованиях динамического использования структур, их употребления в дискурсе [Кибрик 2003: 24–25]. Ученый пишет: «при описании любого языкового явления важно стараться понять, в какой мере его форма определяется его функцией, а в какой мере имеющаяся форма, каким-то образом кристаллизованная в языке, ограничивает возможности употребления» [Кибрик 2003: 26]. Распределение внимания относится к когнитивным феноменам типа online, ответствен-

ным за использование языка в режиме реального времени и связанными с коммуникативной функцией языка – функцией передачи информации.

Одним из типичных и наиболее ярких средств аттенциального фокусирования в языке в формате предложения, как мы полагаем, является парцелляция.

Когнитивно-дискурсивный ракурс исследования позволяет перейти от описания парцеллемы с позиции ее внутренней организации (статический аспект), к ее изучению с точки зрения участия в построении более крупных, глобальных структур дискурса – абзаца и текста, где раскрывается лингвокреативный потенциал парцелляции и ее дискурсивные свойства (динамический, функциональный аспект). В дискурсивном формате, как мы увидим, парцелляции представляются широкие возможности для манипулирования аттенциальным фокусом.

Изучение парцелляции под указанным углом зрения требует предварительного уточнения понятия «дискурс» в его отношении к тексту. В научной литературе «дискурс» предстает как расплывчатое понятие, наполнение которого в значительной степени зависит от научного направления и исследовательской программы. Поскольку нет единой точки зрения на определение и соотношение названных понятий, представим те их дефиниции, которые принимаются в настоящем исследовании. Вслед за Н.Д. Арутюновой, дискурс понимаем как связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами: прагматическими, социальными, психическими и др., как «речь, погруженную в жизнь», или «текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова 1988: 136–137], который, «преломляя и интерпретируя поступающую в языковое сознание информацию, становится своеобразным смыслогенерирующим и миропорождающим «устройством» [Алефиренко 2016: 49]. Текст является единицей, продуктом дискурса. Дискурс – это «одновременно и семиотизация культурно-исторического события, и речевая деятельность, ее продукт (текст)» [Алефиренко 2005: 9]. В такой трактовке дискурс выходит за рамки чисто лингвистических параметров. Для его адекватного описания необходимо учитывать как вербальную составляющую, продукт речемыслительной деятельности – текст, так и экстралингвистическую.

Данный ракурс допускает множество измерений дискурса:

- прагмалингвистическое;
- психолингвистическое;

- когнитивно-семантическое;
- лингвостилистическое;
- структурно-лингвистическое;
- лингвокультурное;
- социолингвистическое.

Эти измерения, как пишет В.И. Карасик, не являются взаимоисключающими [Карасик: эл.изд.], допускают комбинирование. На наш взгляд, при анализе дискурса оно неизбежно, поскольку, по справедливому замечанию У. Чейфа, «дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям» [Chafe 1996: 49].

В нашем исследовании используется комплексная методика анализа, объединяющая когнитивный, структурно-лингвистический и прагмалингвистический подходы. Позиция когнитивного подхода позволяет нам рассматривать парцелляцию и ее результат – парцеллему как материализованную репрезентацию аттенциального фокусирования в сознании и языке. Структурно-лингвистический компонент методики позволит выявить потенциал парцеллемы в зависимости от ее локализации в глобальных структурах дискурса (тексте и абзаце), а также участие в обеспечении когерентности дискурса. Прагмалингвистический ракурс позволит учитывать интерактивный характер дискурса, его эмоциональную и информационную составляющие, прагматические свойства и отношения, существенные для адекватного восприятия и понимания текстов. Во втором параграфе будет привлечен также стилистический аспект. В ходе анализа мы также в ряде случаев будем прибегать к иным дискурсивным «измерениям» парцеллемы, объясняющим то или иное ее применение.

Важным понятием, требующим раскрытия для дальнейшей работы, является «когерентность», которая определяется как фундаментальное свойство текста / дискурса, его семантическая (внутренняя) целостность. Когерентность – это не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические (тематические, функциональные и так далее) аспекты смысловой и интерактивной, локальной и глобальной связности дискурса.

Когерентность реализуется в трех измерениях: вертикальном, горизонтальном и глубинном. Вертикальное измерение создается формально-тематическим содержанием начиная с темы текста, которая разворачивается во все более мелких фрагментах; горизонтальное – формальными и

смысловыми связями между высказываниями; глубинное – «отражает процесс построения речевых высказываний и включения их в текст. Языковые средства, которые говорящий использует для передачи задуманного сообщения, служат своего рода «кирпичиками смысла», и в каждом высказывании они отбираются и организуются таким образом, чтобы интерпретировать значения относительно друг друга и относительно обозначаемой ими реальности», при этом степень понимания будет для каждого реципиента различной [Казаченко 2009: 89].

Понятие когерентности тесно связано с когезией. Под когезией понимается линейная внутренняя организация текста посредством различных средств языка. Она охватывает формально-грамматические аспекты связи высказывания внутри текста (структурная, линейная связность). Когерентность воспринимается как свойство текста, а когезия как свойство элементов текста. Таким образом, когерентность шире когезии. С позиций когнитивной лингвистики когезия как формальная связность текста соотносится с когерентностью функционально, поскольку служит репрезентации категорий информативности и целостности текста [Алефиренко 2016: 54]. Р. Лонгакр указывает на две функции когезии: 1) ретроспективную референцию и 2) перспективную организацию информации [Longacre 1989]. Первая функция позволяет осуществлять связь между предложениями или абзацами, вторая обеспечивает «перспективное связывание».

Данный подход позволяет вскрыть дискурсивные свойства парцелляции и перейти от вопросов ЧТО есть парцелляция, того, КАК распределяется в парцеллеме фокус внимания и ПОЧЕМУ это происходит, к вопросу о том, ЗАЧЕМ, с какой целью продуцент речи прибегает к парцелляции в дискурсе, использует ее в дискурсивных структурах (блоках).

Особое внимание мы уделим тому, как это употребление различается во французском и русском массмедийном дискурсе; тому, как какие сходства и различия существуют в корреляциях формы и функции парцелляционного знака и чем они специфичны.

Анализ использования парцеллем в массмедийном дискурсе позволил выявить их различную локализацию: она встречается как в сильных позициях, так и внутри текстов (интротекстовые позиции). Большая часть парцеллем встречается, разумеется, в самих текстах. Во всех выделенных позициях наблюдается определенная корреляция между локализацией парцеллемы в структуре текста / дискурса и ее функциональным назначением.

2.1. Парцелляция в сильных позициях текста

Под сильной позицией текста понимаем композиционный блок, имеющий специфическую смысловую и структурную организацию и обеспечивающий установление значащих связей между элементами текста. К сильным позициям массмедийного текста традиционно относятся заголовок, лид (вводка), концовка. С позиций лингвокогнитологии сильные позиции представляют собой когнитивные опоры при восприятии и понимании текста.

Прежде всего, обратимся к количественным данным.

Таблица 1. Квантитативные показатели текстовой парцелляции

Типы текстовой парцелляции	Французский корпус, %	Русский корпус, %
Пц в тексте ⁴	84,47	81,5
Пц в заголовке ⁵	0	7,8
Пц в лиде	5,46	3,85
Пц в концовке	8,39	4,5
Пц в лиде и концовке, включая кольцо	1,78	1,44
Сквозная Пц	0	0,1

Итак, в области текстовой парцелляции наблюдаются как существенные различия, так и сходства:

1) общим является преобладание внутритекстовой парцелляции в обоих корпусах, но несколько чаще она встречается во французском корпусе (84,47 % и 81,5 %);

2) далее по частотности в русском корпусе следует заголовочная парцелляция (7,8 %), концовочная (4,5 %), в лиде (3,85 %), парцелляция в лиде и концовке (1,44 %);

3) во французском корпусе фиксируем аналогичное распределение, которое следует тому же порядку: концовочная парцелляция (8,39 %), затем в лиде (5,46 %) и в лиде и концовке (1,78 %);

4) специфической чертой русского корпуса является парцелляция заголовка, составляющая 7,8 % текстового корпуса;

⁴ В эту группу включены тексты, в которых парцелляция не встречается в сильных позициях.

⁵ Заголовочная парцелляция, как и все остальные нижеследующие типы не исключают внутритекстовой парцелляции.

5) редким типом текстовой парцелляции является сквозная парцелляция⁶ (0,42 %), также составляющая специфику русского корпуса;

Полагаем, что выявленные расхождения и специфика в использовании того или иного типа текстовой парцелляции связаны с национальными традициями оформления массмедийного текста.

Заголовочная парцелляция

Заголовок является наиболее сильной позицией, это сильный текстовый знак, обязательная часть текста с фиксированным положением. Отражая в сжатой форме содержание текста, заголовок привлекает внимание, координирует или моделирует координаты описываемого мира, а также представляет собой своего рода ее рекламу [Чудинов 2005: 156]. Заголовок – точка отсчета и ключ к концептуальной структуре статьи.

Как правило, заголовок визуально выделен супралингвистическим средством – курсивом и/или полужирным шрифтом, отвечающим в этой позиции метатекстовым нормам, отражающим «социально отработанные закономерности графического оформления текста на внешнем уровне» [Шубина 2006: 181].

Квантитативный анализ показал, что в данной позиции парцелляция встречается исключительно в русском корпусе. Факт отсутствия парцеллятных заголовков во французском массмедийном дискурсе говорит, на наш взгляд, не столько о различиях в языках, сколько имеет социально-дискурсивную природу. Если в российской медиапрактике парцелляция массмедийного заголовка является конвенционально закрепленным способом «упаковки» данной сильной позиции текста, то во французском, видимо, считается неприемлимой, о чем и свидетельствует цифра «0» в соответствующей графе. Исследователями отмечалось, что существуют определенные традиции построения и оформления массмедийных текстов (см., например, [Дроняева 2004: 308]). Эти различия могут иметь национальный характер, что, в частности, проявляется и в презентации заголовка.

Рассмотрим особенности употребления парцеллемы в качестве заголовка российских газет. Приведем несколько примеров:

– Лернер хочет сидеть в кнессете. *А не в тюрьме.* (Коммерсантъ, 27.01.1999)

⁶ Под сквозной текстовой парцелляцией мы понимаем парцелляцию подзаголовков, которые составляют единую парцеллему.

– Судьба нефтяников – в секретном компьютере. *У Маслюкова*. (Коммерсантъ, 04.02.1999)

– Нефть будет взята под госконтроль. *Рыночными методами*. (Коммерсантъ, 17.10.1999)

– Борис Ельцин реабилитирован. *Генпрокуратурой и швейцарским банком*. (Коммерсантъ, 31.10.2000)

– Снесем Алешу – заимеем базу. *Натовскую*. (Российская газета, 26.11.1999)

– "Газпром" избавит "Роснефтегаз" от сетей. *Выкупив акции газораспределительных организаций*. (Коммерсантъ, 11.03.2013)

– Минфин идет на SWIFT. *Чтобы обезопасить банки от санкций* (Коммерсантъ, 28.04.2014)

Как видим, парцеллятная сетка четко выделяет границы фокусированной зоны. Проанализируем парцеллятный заголовок на конкретном примере.

"Трансиб" дотянут до Сеула.

Если не застрянут в Пхеньяне

Продолжается визит в Москву премьер-министра Республики Корея Ли Хан Дона (Lee Hang-dong). Вчера он встретился с представителями корейской диаспоры и призвал ее помочь развитию российско-южнокорейских отношений. А сегодня входящий в южнокорейскую делегацию министр транспорта Ким Юн Ги (Kim Yung-gi) проведет переговоры об участии России в проекте соединения железнодорожных путей Северной Кореи с Транссибирской магистралью.

Выступая вчера в отеле "Рэдиссон-Славянская" перед представителями проживающей в России корейской диаспоры, господин Ли Хан Дон прежде всего объяснил цель своего визита – отпраздновать десятую годовщину установления дипломатических отношений между РК и РФ и "призвать к дальнейшему развитию и укреплению двусторонних партнерских отношений". За десять лет они, по мнению корейского премьер-министра, достигли большого развития, и в первую очередь благодаря тому, что Сеул и Москва стремятся к утверждению общих ценностей демократии и рыночной экономики, опираясь на взаимодополняемый характер экономик двух стран.

Вчера же господин Ли Хан Дон встретился со спикером Совета

федерации Егором Строевым. Выступая после встречи перед журналистами, южнокорейский премьер-министр сообщил о совместных проектах по строительству индустриального комплекса в Находке и освоению газового месторождения в Иркутской области совместно с Китаем.

Еще один конкретный проект сотрудничества будут обсуждать сегодня южнокорейский и российский министры транспорта Ким Юн Ги и Николай Аксененко. Речь идет о соединении железных дорог Кореи с "Транссибом". Это позволит Южной Корее возить свои грузы в Европу не морем, что очень дорого, а по железной дороге через Россию. Возможность осуществить такой проект появилась лишь после исторической июньской встречи в Пхеньяне лидеров КНДР Ким Чен Ира (Kim Jong-il) и Республики Корея Ким Дэ Чжуна (Kim Dae-Jung). До сих пор Южная Корея была фактически отрезана от материка территорией Северной Кореи.

Встречаясь в сентябре с российскими журналистами, среди которых был корреспондент Ъ, в правительственном комплексе под Сеулом, министр транспорта Ким Юн Ги продемонстрировал неплохое знание трудностей, которые придется преодолеть, связывая корейскую железнодорожную ветку с "Транссибом": повергнув в некоторое смущение переводчицу, он рассказал известный исторический анекдот о том, почему ширина колеи российских железных дорог больше европейских (в Корее дороги строились по европейским стандартам). Эта проблема южных корейцев не пугает. Гораздо большие трудности могут возникнуть на территории Северной Кореи, где многие ветки не электрифицированы. Сейчас северокорейская сторона готова самостоятельно провести разминирование своего 12-километрового участка дороги от южнокорейской границы до города Кэсон (мины были заложены сразу после окончания Корейской войны в 1953 году), но сил на модернизацию всего железнодорожного пути от Кэсона к Пхеньяну и оттуда к границе с Россией у нее не хватит. Сегодня на переговорах с господином Аксененко его южнокорейский коллега должен обсудить и степень российского участия в этом процессе. Проект сулит немалую выгоду для России – в 2005 году Южная Корея надеется перевозить по Транссибу до 630 тысяч контейнеров груза в год.

АНДРЕЙ Ъ-ИВАНОВ

Расположенный по центру парцеллят высвечивает медиадискурсивный замысел автора – уже в заголовке указать на принципиальное условие жизнеспособности проекта, развернутое в третьей части статьи. Первая часть статьи вводит фон: приезд премьер-министра Республики Корея с делегацией в Россию, его встреча с представителями корейской диаспоры и со спикером Совета Федерации. Вторая часть освещает предмет договоренностей: соединение железных дорог Кореи с «Транссибом», которое будет обсуждаться корейским и российским министрами транспорта (расшифровка основы парцеллемы). В третьей части автор вводит в дискурс еще одно событие – встречу корейского министра транспорта с российскими журналистами, состоявшуюся недавно в Сеуле. Это позволяет уточнить препятствия, которые стоят на пути проекта: различная ширина железнодорожной колеи, необходимость ее ремонта и модернизации на северокорейском участке, до сих пор местами не электрифицированном. Все это потребует серьезных совместных усилий и немалых капиталовложений. Судьба чрезвычайно выгодного для России и Южной Кореи проекта (акцентировано в концовке) зависит от того, «не застрянет» ли он в Северной Корее. Таким образом, заголовок задает проекцию главного с точки зрения автора условия проекта.

Обращают на себя внимание следующие моменты:

1) Вынесение в парцеллят придаточного условного, которое при нейтральном порядке следования компонентов сложного предложения должно находиться в начальной позиции. Такое перемещение компонента из дефокусированной позиции в приоритетную фокусную говорит о том, что автор расценивает описываемый им элемент ситуации как наиболее значимый. С когнитивно-семиотической позиции выделение информации в парцеллят, заключенный в графически отмеченные границы, кодирует информацию о «точке обзора», занимаемой продуцентом текста.

2) Процесс приписывания свойства салиентности при конструировании фрагмента реальности – процесс субъективный, протекающий с учетом того, как оно будет воспринято адресатом речи. В данном случае автор учитывает следующие факторы: во-первых, привлекает внимание адресата, так как последний может не отреагировать на очередную, ничем не выделяющуюся из ряда подобных, статью. Во-вторых, автор облегчает задачу адресата, размечая границы фокусной зоны, где размещена наиболее су-

шественная информация, и снижая таким образом когнитивные затраты читателя на переработку информации в формате статьи.

3) В лингвокреативный процесс создания заголовка «втянуты» имена собственные «Транссиб», «Сеул» (в основе парцеллемы) и «Пхеньян» (в парцелляте), под которым понимается не сам город, а северокорейский участок железной дороги (вторичный семиозис), активизирующие фоновые знания адресата и подключающие более широкий интердискурс. Следует также отметить контрастно выделяющуюся на общем фоне лексику «застрять», имеющую здесь разговорную окраску и участвующую в выполнении общей функции привлечения внимания и его направлении на определенный аспект.

4) Манипулятивный эффект поддерживается интенциональной недосказанностью – полным дефокусированием агенса, кодирующимся глаголами в неопределенно-личной форме «дотянут», «не застрянут». Вербализация субъектов-производителей действия происходит в следующих строках – в лиде и затем в тексте, что поддерживает динамичность заголовка и его семантическую и референциальную связь с последующим текстом.

Еще пример создания заголовка при помощи парцелляции:

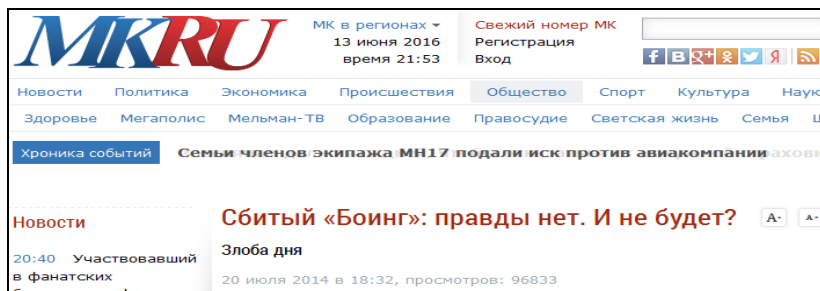

The image shows a screenshot of a news article from the website 'Аргументы и Факты' (Arguments and Facts). The page header includes the site logo 'Аргументы и Факты АИФ.RU' and navigation links for 'ОБЩЕСТВО', 'СПЕЦПРОЕКТЫ', and 'ИЗДАНИЯ АИФ'. A secondary navigation bar lists various topics: 'СЕТЬ', 'НАУКА', 'ЗДРАВООХРАНЕНИЕ', 'АРМИЯ', 'БЕЗОПАСНОСТЬ', 'ОБРАЗОВАНИЕ', 'ПРАВО', 'ИСТОРИЯ', and 'ЛЮДИ'. The article's metadata shows a timestamp of '00:09 20/12/2014', the author 'Ирина Абанкина', 5 comments, and 6717 views. The headline is 'Азию обогнали. А Европу?'. Below the headline, there is a sub-headline: 'Статья из газеты: Еженедельник "Аргументы и Факты" № 51 17/12/2014'. The main text begins with: 'Семь российских вузов вошли в топ-100 ведущих университетов стран брикс. МГУ на 5-м месте. Повод гордиться? Безусловно! Это важный сигнал для привлечения к нам студентов и преподавателей из других стран.'

Приведенный заголовок сделан к статье, отражающей проблемы российских университетов и трудности в их развитии, которые препятствуют включению в мировые рейтинги. Помимо описанных выше (имена собственные, неопределенно-личная форма глагола), здесь особо обыгрывается недосказанность, заключенная в метонимических значениях имен «Азия», «Европа», которые становятся понятными только при переходе к

лиду: речь идет об азиатских и европейских университетах. Процесс вторичного семиозиса в данном случае обусловлен следующим: номинация происходит по смежности. Метонимическая схема подобного типа с использованием имен собственных, и особенно топонимов (названия городов, государств, континентов и так далее) довольно часто обыгрывается в этой сильной позиции. В подобных случаях метонимия запускает прагматически ориентированный, культурно окрашенный процесс инференции, реинтерпретации, основанной на принципе ассоциации.

Фокусирование поддерживается комбинированной парцеллятной сеткой, включающей точку и вопросительный знак, довольно частотной в заголовочной позиции полемических и проблемных статей. Назначение такой КПС заключается в повышении диалогичности заголовка. Адресант вводит себя и адресата в пространство совместной коммуникации, побуждает к дискуссии. То есть ситуация конструируется как такая, которая требует ответа на поставленный вопрос. При этом основная часть выступает как ассертивный акт, а парцеллят апеллирует к некоему собеседнику. Ср. в следующем примере:

Аттенциальный фокус, смещающийся с основной части на парцеллят, свидетельствует о повышенной значимости выделяемого фрагмента для адресанта. В данном случае, салиентным оказывается инферируемое отношение субъекта к описываемой ситуации, а точнее, сильная обеспокоенность по поводу того, что ни российская, ни мировая общественность так никогда и не узнают правды о случившемся.

Игра с фокусом, материализуемым парцелляцией, порой эффективна для организации семиотического пространства оглавления номера, доступного на сайте газеты, как например, в следующем случае:

содружество / полоса №11
No comment / Chicago Tribune
Новый министр обороны Узбекистана / Министерство обороны Узбекистана впервые возглавил человек, имеющий гражданско
Узбеки пригласили талибов в мировое сообщество / В течение последних двух суток на одной из частных вилл в Исламабаде проходили
Литва отдаст евреям должное / Вчера в Вильнюсе начал работу международный форум "Разграбленные культурные це
Армения крепит оборону / При помощи Греции
Грузия разоружает Россию / При помощи Греции
Обнаружен чеченский след / на российско-грузинской границе

(Коммерсантъ, 04.10.2000)⁷

Полагаем, редактор скомпоновал эту страницу таким образом не случайно. Общий заголовочный парцеллят *«При помощи Греции»* связывает две разные статьи, имеющих нечто общее – решающую роль Греции, в первом случае, способствующей укреплению обороны Армении, а во втором – готовой продать военную технику Грузии, что может повлиять на дальнейшую судьбу российских баз в этом регионе.

Примером переключки заголовка и лида также может служить следующий пример из «Коммерсанта»:

⁷ Наклонная черта (/) отделяет заголовок от лида.

Андрей Колесников о Владимире Путине
26.01.2023, 23:34

Тут и говорить не о чем

Но все же Владимир Путин в канун Дня памяти Холокоста встретился с российскими евреями и поговорил

В канун Международного дня памяти жертв Холокоста президент России Владимир Путин встретился в Кремле с главным раввином России Берлом Лазаром и президентом Федерации еврейских общин Александром Бородой. Специальный корреспондент "Ъ" **Андрей Колесников** считает, что Владимир Путин услышал то, чего не ожидал.

Следует признать, что в подобных случаях заголовочная парцелляция представляет собой весьма успешный лингвокреативный прием формирования определенного, прагматически обусловленного, ментального образа медиасобытия с четко выделенной фокусной зоной. Данный прием преследует следующие цели:

- 1) рекламную, то есть используется для привлечения внимание адресата. прием эффективен в разножанровых массмедийных текстах, как в малоформатных рядовых новостных заметках, так и в проблемных статьях;
- 2) фокусирует значимый аспект макротемы медиасообщения;
- 3) задает ракурс восприятия и интерпретации;
- 4) позволяет с большей точностью прогнозировать содержание текста.

Заголовочная позиция накладывает определенные ограничения на используемые модели и типы парцеллем. Парцеллятный заголовок:

- 1) строится только по Модели 1А⁸ (включает 1 парцеллят);
- 2) ретроспективен (о ретроспективности и проспективности парцелляции см. [Богоявленская 2017 а]);
- 3) преимущественно малой протяженности;
- 4) не может быть дистантным;
- 5) в два раза чаще представляет собой симметрический парцеллят;
- 6) использует преимущественно единую парцеллятную сетку (86 %), но допускает также и КПС (14 %).

В корпусе был зафиксирован окказиональный случай, а именно: 1 двухпарцеллятный заголовок, который можно квалифицировать как экс-

⁸ Разновидности моделей см в [Богоявленская 2016 а].

периментальный случай, как сознательное нарушение конвенции, принятой относительно конструктивных характеристик заголовочной парцелляции.

Парцелляция в лиде

Лид – резюме статьи, располагающееся между заголовком и текстом. Лид поясняет заголовок и в емкой форме раскрывает основной смысл или сюжетную канву освещаемого события; ознакомление с ним помогает читателю принять окончательное решение по поводу чтения статьи. Парцелляция доступна как русским, так и французским лидам.

В целом, назначение парцелляции в лиде видится в выделении значимых и более конкретных аспектах медиасообщения их уточнении и детализации.

Рассмотрим на примерах. Проанализируем следующий лид, размещенный под заголовком «Je mesure la tâche qui m’attend», представляющий собой цитату из выступления французского президента Франсуа Олланда, произнесенного в Тюлле в 2012 г.:

Dans sa première déclaration prononcée à Tulle, le nouveau président de la République a annoncé sa volonté d’agir vite: « le changement, c’est maintenant ». *Et rappelé l’ampleur de la tâche qui l’attend. Son agenda international est très chargé.* Et des décisions doivent être prises très rapidement au plan interne. Plusieurs mesures (augmentation de l’allocation de rentrée scolaire, retraite à 60 ans pour les salariés ayant commencé à travailler à 18 ans...) pourraient être actées dès le mois de mai (La Tribune, 06.05.2012)

Контекст статьи: избранный в 2012 году президент-социалист, чей лозунг «Перемены – сейчас», обещает изменить в лучшую сторону жизнь французского народа, усилить социальную политику, провести реформирование налоговой и банковской систем и многие другие меры, причем действовать собирается «быстро». Трудная экономическая ситуация, в которой находится Франция, усложняет поставленную задачу и требует проведения ряда тщательно продуманных серьезных мер; перечень некоторых из них освещен в статье.

Лид содержит две парцеллемы. Первый выделенный в парцеллят фрагмент частично дублирует слова президента, вынесенные в заголовок (*la tâche qui l’ (m’)attend*). Акцент переносится на масштаб проблем, ожидающих решения. Это детализирует, уточняет заголовок (Ср. «Я осознаю сложность задачи, которая ожидает меня»). Во втором случае парцеллят фокусирует внимание на срочности принятия решений по внутренним де-

лам в ближайшее время. Основа парцеллемы «Его график международных встреч очень загружен» выполняет роль фона; международным делам противопоставлена важность проблем «внутреннего плана», имеющих в авторском видении приоритет, что и оформляется в парцеллятной аранжировке. Парцелляция является средством помещения в фокус внимания тематически значимых сущностей (масштаб задачи и проблемы внутреннего плана), которые последовательно разворачиваются в последующем дискурсе. На содержательном уровне это передается перечнем разнообразных мер, которые предстоит провести в жизнь, и конкретных сроков, а на языковом – употреблением рядов однородных членов, отглагольных существительных *blocage des prix des carburants, plafonnement et suppression de niches fiscales, modulation de l'impôt sur les sociétés au bénéfice des PME et des entreprises qui réinvestissent leurs bénéfices, surtaxe sur les banques et les sociétés pétrolières, retour au barème de l'ISF, suppression de l'exonération sur les grosses successions, taxation des revenus du travail comme ceux du capital, tranche d'imposition à 75% au dessus de 1 million d'euros...*, дублирующихся парцеллятов *Tout comme le rétablissement de la retraite à 60 ans ...*, *Tout comme le doublement du plafond du livret A et du livret épargne industrie...*, и так далее).

Парцеллемы в лиде несут важную информацию об авторском понимании отношений между явлениями, их оценке и позволяют адресату прогнозировать содержание статьи.

В статье «Как Владимир и Людмила Путины поделят имущество?» в лид вынесено:

Официально супруги Путины еще не подавали заявления о разводе, но, по всей видимости, вскоре президент России может стать завидным женихом. Безусловно, его политическое и моральное влияние не поддается оценке, но материальное благополучие по нынешним меркам является весьма скромным. *Даже по сравнению с коллегами.* (Московский комсомолец, 07.06.2013)

Аттенциальный фокус перемещается с оценки материального благополучия В. Путина как «весьма скромного» на объективность этой оценки, мерилom которой выступает благосостояние его коллег в Кремле. Величина достатка – понятие относительное, дать оценку которой можно только при сравнении с чем-либо, и, к тому же, индивидуально-окрашенное. Автор задействует сравнение, которое можно трактовать как когнитивный

механизм переработки субъектом опыта познания, направленного на выявление актуальных характеристик ментальной репрезентации. В статье этот механизм ложится в основу стратегии формирования образа президента и убеждение читателя в его материальной «скромности». Очевидно, автору этот эталон сравнения представляется объективным, как и та информация, которая сообщается в статье (или он хотел бы представить ее таковой): зарплата 500 тыс. рублей в месяц, квартира 77 м², 3 машины отечественного производства, в том числе раритетная «Волга», участок в Подмоскowie и автоприцеп «Скиф». Доходы членов Правительства, приведенные в статье, значительно превосходят президентские: Н. Трутнев – 22 млн. в год, И. Шувалов – 226 млн. в год и так далее.

Автор успешно играет с таким свойством аттенциального фокуса как его подвижность⁹ по ходу статьи: в заголовке он сосредоточен на разделе имущества при разводе президентской пары, в лиде же он соскальзывает на уровень материального благополучия В. Путина и его «объективную» скромность, которую автор раскрывает и доказывает далее. Становится очевидным, что основная тема статьи была в заголовке дефокусирована, сознательно выведена из фокуса, как и одна из основных ее задач: сформировать образ нашего политического лидера как человека скромного, честного, не стремящегося к наживе. Необходимую когнитивную проекцию, программирующую содержание статьи, отчасти эксплицитно («даже по сравнению с ...»), отчасти имплицитно задает парцеллят.

Отметим, что парцелляция в лиде встречается примерно в 1,5 раза чаще во французской прессе. Приведем несколько примеров для иллюстрации этого любопытного феномена:

– Du gouvernement aux oppositions, la séquence politique semble enlisée. *Jusqu'à faire le jeu de l'extrême droite ?* (Libération, 06.02.2023)

– Pour réussir à la City, la narratrice de ce premier roman grinçant, une jeune Britannique noire, a tout encaissé. *Jusqu'à casser.* (Le Monde, 01.02.2023)

Итак, ключевыми функциями парцеллятной «упаковки» лида являются:

1) уточнение фокуса макротемы в том случае, если он выражен недостаточно эксплицитно в заголовке;

2) эксплицирование значимого аспекта макротемы, если он не освещен в заголовке;

⁹ Ср. «Главное свойство фокуса <...> состоит в перемене фокуса» [ван Дейк 1978: 322]

3) детализация макротемы, заключающаяся в помещении в парцеллят фокусных микротем;

4) включение в парцеллят информации о стратегии развертывании макротемы.

Ограничения, касающиеся конструктивных особенностей парцеллемы в лиде, не столь многочисленны, как в заголовках: они могут быть различной протяженности, но только ретроспективны и примыкать к основе, содержать не более 3 парцеллятов и строиться преимущественно по линейному принципу (тип А), а также быть «упакованными» в любую парцеллятную сетку.

В целом, мы бы отметили такие очень важные черты, свойственные парцелляции в заголовке и лиде, как высокая, бóльшая, чем в других позициях текста, контекстозависимость в интерпретации парцеллемы, дискурсивный смысл которой становится более понятным после прочтения всего текста. В отличие от заголовочной позиции, парцеллят в лиде детализирует, специфицирует, задает более конкретную(ые) перспективу(ы) для реконструирующего медиасобытия адресата. В этом контексте мы бы хотели сослаться на мысль Р. Лонгака: «Сама идея дискурса как структурного единства требует, чтобы некоторые части дискурса были более заметными, чем другие» [Longacre 1983]. Эти части становятся «поисковым стимулом», «ключом» в процессах языковой обработки информации.

Парцелляция в концовке

Концовка массмедийной статьи – это сильная позиция, в которой суммируются или обобщаются впечатления, оценки и мнения, подводятся итог или делаются выводы. Особый акцент, яркое впечатление может создать в этой позиции парцеллема.

Перейдем к анализу примеров из корпуса.

Рассмотрим следующий пример концовки статьи под названием «Nicolas Sarkozy sonne l'heure du rassemblement». Статья посвящена возвращению Николя Саркози к политической жизни, которое официально состоялось 19 сентября 2014 г., после проигрыша на выборах 2012 г. Бывший президент объявил о своем намерении стать кандидатом на пост президента в 2017 г. и о новой политике, которая будет направлена на «преодоление раскола между правыми и левыми». В статье журналист анализирует предпринимаемые Саркози действия и в концовке подытоживает свои наблюдения и размышления:

Reste la question du positionnement politique, qui reste la clé de la reconquête. Patrick Buisson, l'inspirateur de la tonalité droitrière de la campagne de 2012, étant hors jeu depuis le scandale des enregistrements, et M. Sarkozy étant dans une logique de rassemblement, il s'engage à adopter une ligne plus modérée. *Mais les contours de celle-ci restent flous* (Le Monde, 13.09.2014)

Итак, «контуры» предлагаемой политики представляются на данный момент «неясными». Таков вердикт автора, изучившего деятельность Саркози и его политической позиции, убедительная финальная нота, на которой заканчивается текст.

Парцеллят в концовке – средство указания на самый важный результат, вывод, ради которого и писалась статья. Каким бы видом концовки (обобщающая, оценочная, с открытой перспективой, проблемная и так далее) не воспользовался бы автор, в фокус внимания благодаря парцелляции попадает субъективно-значимый информационный компонент.

Примерами могут служить следующие концовки:

– Le recul de la présence française en Afrique de l'Ouest complique la donne, mais des situations qui semblaient tout aussi inextricables ont connu un dénouement heureux. Parce que les soutiens n'ont jamais lâché. (Libération, 08.02.2023)

– Des zones d'ombre subsistent néanmoins, qui exigent un effort spécifique de la part des sciences sociales. *Notamment sur les massacres intrareligieux, les églises ayant été le deuxième lieu de l'exécution du génocide, après les collines.* (Le Monde, 07.04.2014)

– Plus enlevé dans la deuxième partie (trois heures avec entracte !), le spectacle ne cède jamais au malaise, à l'effroi qui perce sous les répliques. *Sauf à la toute fin, dans la scène du banquet final, qui s'apparente bien à un sacrifice.* (Libération, 25.10.2006)

– Je considère pour ma part que le débat est d'ores et déjà bien engagé. *Sur des bases très encourageantes.* (Humanité, 29.06.1999)

– Всего в 30 километрах бурлят боевые действия. *Но здесь продолжается жизнь. Жизнь, которую восстанавливают люди, съехавшие сюда со всей большой и необъятной России, чтобы помочь соотечественникам, вернувшимся домой сквозь слезы и горе.* (АиФ, 09.02.2023)

– Таким образом, ЦБ погнавшись за двумя зайцами: снижение инфляции и удешевление кредитов – не догнал обоих. *И проморгал падение рубля.* (Московский комсомолец, 15.02.2014)

– Патриотизм воспитывают не уроки, а жизнь. *В том числе и примеры взрослых.* (АиФ, 09.05.2013)

Структура парцеллятной концовки может достаточно сложной и представлять поликомпонентную структуру с множественными фокусами, где парцелляция позволяет автору расставить необходимые акценты:

– Pour être adoptée par l'Europe, la proposition requiert une adoption à l'unanimité. *A moins que la France ne décide de passer outre (1). Et d'appliquer, sur son territoire, une telle taxe (2). En attendant que l'Allemagne, ou le reste des pays de l'Union, la rejoigne (3).* (Libération, 08.01.2012)

Подобные концовки играют очень важную роль в формировании ментальных репрезентаций, которые остаются в сознании реципиента после чтения массмедийного текста. Парцелляция в этой позиции позволяет очертить границы наиболее существенного с точки зрения адресанта аспекта, который предназначен для хранения в долговременной памяти адресата.

Ограничений на типы парцеллятов в этой функции практически нет.

Анализ корпусного массива показал возможность использования парцелляции одновременно и в лиде, и в концовке, то есть сразу в двух сильных позициях. В ряде случаев такое применение парцелляции становится композиционно-стилистической фигурой – кольцом. Например, в статье о деле Андерса Брейвика используются различные виды парцеллем в начале и конце текста:

– в лиде: Пока в Норвегии судят Андерса Брейвика, в российской блогосфере судят Норвегию. *Пишут про кризис гуманизма. Про тупик западной толерантности. Про суицид западной цивилизации. Про все то, чего у нас нет и что у них якобы доказало свою несостоятельность.*

– в концовке: Единственное, в чем, на мой взгляд, норвежское общество продемонстрировало свою уязвимость, так это в неспособности предотвратить преступление. *Обезопасить себя от зла.* (Российская газета, 19.04.2012)

Такая «кольцевая» парцелляция создает своеобразную композиционно-речевую гармонию и усиливает воздействующий эффект, так как в особых – сильных – позициях оказывается ключевая информация, специально выделяемая автором.

Примером также может служить кольцевая парцелляция в статье, посвященной Ф. Черенкову. В концовке автор дробит высказывание на трехпарцеллянтное построение: В статье «Такой парень... был» в лид вынесено:

– Федор Черенков – самый народный футболист страны. *Ушел, проиграв решающий матч. За жизнь.* «Умер в 55 лет после тяжелой болезни», – сообщают в сводках.

– В концовке:

– Это сейчас чуть что – игроки за ножку хватаются и кричат на весь стадион. *А он переносил боль в себе. Всю жизнь. Которая оказалась такой короткой.* (АиФ, 07.10.2014)

В сильных позициях текста парцеллемы играют особую роль – «зацепить» внимание потребителя информации, обеспечить его заинтересованность в прочтении статьи и сформировать определенное отношение к обсуждаемому вопросу.

Интротекстовые позиции парцеллемы

Участие парцеллемы в построении дискурса заметно при анализе ее расположения в структуре абзаца, который мы, вслед за А.А. Кибриком, рассматриваем как глобальную структуру (блок, компонент) дискурса, границы которого наглядно графически маркированы [Кибрик 2003: 4, 32].

Как показывает исследование, парцеллема может быть использована в различных частях абзаца и абзацного комплекса. Для анализа мы выделили начально-абзацную, внутриабзацную, финально-абзацную и межабзацную позиции, которые предопределяют специфику выполняемых парцеллемой функций.

Обратимся к анализу парцеллированной конструкции в *начальном абзацном расположении*.

Как отмечают Дж. Браун и Дж. Юл, переход к новому абзацу вызван сменой топика [Brown, Yule 1983: 95], что говорит о снижении связности – совокупности общих для фрагмента дискурса характеристик (референциальной, пространственной, временной и событийной [Givón 1984: 896]). На стыке абзацев прогнозируется разрыв хотя бы одного из этих видов связности, что мы и можем наблюдать в приведенном ниже примере:

Brigitte Sibona, ex-responsable des opérations de HSBC Private Bank, ne fait pas mystère des intentions de la banque: «L'intérêt du client est qu'il évite

la taxe ESD et la banque a réalisé une marge en vendant des sociétés offshore, dit-elle aux enquêteurs. La finalité pour la banque, c'est de garder le client.»

C'est donc forts de ces divers éléments que les juges Daïeff et Bilger se sont résolus à poursuivre la banque elle-même. *Au risque d'entrer en conflit avec la justice suisse*. En effet, l'office fédéral de la justice a peu apprécié que les juges français aient directement convoqué HSBC, le 1er août, par voie postale, en vue d'une mise en examen. (Le Monde, 03.11.2014)

В данном примере замечен прежде всего локальный сдвиг: действие переносится из швейцарского банка во французский правоохранительный орган, происходит смена точки перспективы, с которой автор предлагает смотреть на описываемую ситуацию. Также происходит референциальный (меняются субъекты действий), временной и событийный сдвиги. В начальной позиции абзаца парцеллема создает определенную коммуникативно-прагматическую «напряженность», выводя в парцеллы информацию, ключевую для всего абзаца и требующую последующей расшифровки (Почему возможен конфликт со швейцарским правосудием? Почему это связано с риском? Что предшествовало описываемым событиям? Уже имелся прецедент?). Таким образом, парцеллы в данном положении является темой, раскрываемой в абзаце, задает правосторонний вектор ее дальнейшего развития. Такие парцеллы выполняют проспективную функцию и обеспечивают таким образом развитие прежде всего горизонтальной содержательной структуры текста.

Подобные парцеллы частотны и в русском корпусе. Например:

У нас в Одессе в саду завелась белка, ела сливы, абрикосы, самое неожиданное, что это был белка-мужчина. *Уже седой, одинокий, холостой, незапасливый*. Никого не боится – одинокие вообще никого не боятся: детей нет, жизни не жалко, на кота плюет огрызками, на пса замахнулся. Передним ходом сбегал вниз, задним ходом вверх, потом опять опустился вниз и что-то сказал псу, потом опять задним ходом вверх, пес умолк и отвалил. Белка уже пожилой, лет 5–6, абсолютно одинокий. От этого злопамятный. Урожай слив и абрикосов то бывает, то нет. И белка такой – то жирный, то тощий. (АиФ, 15.11.2014)

В фокусной зоне начальнoабзацной парцеллемы размещен парцеллы, содержащий такие характеристики белки как возраст, отсутствие семьи, неумение запасаться, которые более подробно раскрываются в абзаце. Та-

кие парцелляты «высвечивают» фокус новой микротемы и нацелены на выполнение проспективной функции.

Рассмотрим функционирование *внутриабзацной парцеллемы*:

Le procureur de Paris, François Molin, décide de l'ouverture d'une enquête préliminaire. Le dossier Cahuzac devient alors officiellement une «affaire judiciaire». François Molins a été successivement directeur de cabinet de Michèle Alliot-Marie puis de Michel Mercier, il connaît par cœur les rouages de la Chancellerie. La tradition non écrite veut que le procureur de Paris informe le cabinet, outre la direction des affaires criminelles et des grâces. *Et que le cabinet lui-même traite directement avec l'Élysée...* Le dossier Cahuzac fait partie de ces dossiers «signalés» qui sont suivis en temps réel ou presque par la Chancellerie. Christiane Taubira en connaît donc personnellement tous les rebondissements. (La Tribune, 15.03.2010)

Основная часть парцеллемы опирается на анафорический элемент les rouages de la Chancellerie, под которым подразумеваются политические и бюрократические тонкости работы в Министерстве Юстиции, раскрывает его значение, а парцеллят фокусирует необходимость учета иерархических отношений и согласования каждого шага расследования с вышестоящими структурами (метонимия *Élysée* – Елисейский дворец), на что «работает» каждый элемент парцеллята. Парцеллятная комбинированная сетка с многоточием указывает на особый подход, требуемых в делах, подобных делу Жерома Каюзака, министра финансов, ушедшего в отставку из-за скандала, разразившегося по поводу его незадекларированных многомиллионных счетов в швейцарском банке и находящимся в настоящее время под следствием (следующее предложение). Многоточие кодирует многозначительную паузу. Парцеллят звучит предупреждающе. Последствия несоблюдения «неписанной традиции» могут отразиться на самом министре Юстиции, Кристиане Тобира (последнее предложение абзаца). Реконструкция смыслов возможна при условии знания реалий и «погруженности» в дискурсивную среду, созданную в связи с этим делом.

Обратимся к еще двум примерам:

Деббуз не просто марокканец по происхождению, но еще и инвалид. Вся Франция знает, что, когда малолетнему преступнику из Нанта было четырнадцать лет, он попал под поезд и с тех пор прячет искалеченную правую руку в карман пиджака. Честь и хвала актеру. *Сумевшему, несмотря на тяжелейшую травму, сделать большую карьеру.* Но нельзя ли

было хоть как-то сценарно мотивировать увечье Сами? А то, воля ваша, странно выглядит реальный пацан, всегда прикинутый в пиджак. (Коммерсантъ, 21.12.2022)

Не исключено, что в ближайшем будущем прежние онлайн-профессии заменит должность специалиста по составлению запросов для нейросети. Так, студенту РГГУ, прославившемуся коллективной работой с ChatGPT, уже предложили работу в известном SMM-агентстве. *Чтобы тот с помощью искусственного интеллекта помогал создавать рекламные кампании в соцсети: например, обучать ИИ писать короткие тексты о розыгрышах, призывы зайти на страницу бренда.* Таким образом, можно будет быстро получить результат: выбрать креативное послание из множества вариантов, а не просить копирайтера «подумать еще». (АиФ, 07.02.2023)

Парцеллемы, занимающие промежуточное абзацное расположение, таким образом, активно участвуют в семантической прогрессии текста, всегда выполняют ретроспективно-перспективную функцию.

Конец глобального дискурсивного компонента, как и начало, – сильная позиция текста. В *финально-абзацной позиции* парцеллемы часто выполняют роль промежуточных итогов, резюмируют содержание абзаца. Парцеллят фокусирует в таких случаях ретроспективно существенную деталь или аспект события, которая представляется автору наиболее значимой:

De fait, celui-ci laissera derrière lui l'un des plus grands vertiges urbains de l'histoire de la musique américaine. Non pas l'invention du rock des villes puisque les Anglais avaient ratissé le sujet (les clubs, le tribalisme) mais l'irruption d'une vision verticale de la ville, tout aussi nocturne mais baignant dans une solitude toute citadine, littéralement ascensionnelle par la grâce de longs développements à la guitare. *Et sage, oui.* (Libération, 29.01.2023)

Приведем пример из русского корпуса. На вопрос журналиста о возможности усыновления ребенка однополрой семьей, уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов отвечает:

Позиция России выражена в наших базовых законах, в Конституции и Семейном кодексе. Там прямо указано, что, во-первых, браком считается союз мужчины и женщины. Во-вторых, у нас усыновление возможно только семейными парами. В исключительных случаях допускается, когда одиночка берет ребенка. *Но для этого должны быть какие-то определенные обстоятельства. Например, родственное усыновление.* (Российская газета, 04.02.2013)

Первый парцеллят фокусирует внимание на ограничении возможности усыновления ребенка одиноким человеком, второй – на примере этого ограничения. Тема абзаца раскрыта полностью, следующий абзац открывает новую тему.

Нередки случаи совмещения внутриабзацной и финально-абзацной парцеллем:

Он позвонил жене Алине, рассказал о ранении. Чуть позже сослуживцы Руслана сообщили ей, что Руслана отправили в харьковскую больницу. *И рассказали, что «перед отправкой в Харьков Русу ввели лошадиную дозу снотворного, мне казалось, что он даже перестал дышать».* Дальше уже было сообщение о том, что мужчина пропал без вести. *Как и еще пара его сослуживцев, которые были ранены и их так же отправили в Харьков.* (АиФ, 09.02.2023)

Внутриабзацная парцелляция выполняет ретроспективно-перспективную функцию; фокусирование на парцеллированном отрезке предназначено для подчеркивания значимости заключенной в нем информации. Руслан пропал без вести при странных обстоятельствах. Такая же участь постигла и двух его сослуживцев. Автор фиксирует фокус на неоднократной пропаже бойцов. В финально-абзацном парцелляте нагнетается тревога по поводу их судьбы.

Приведем еще один интересный пример, демонстрирующий возможности финальноабзацной парцелляции. Основная часть выполняет здесь двойственную функцию: 1) дублируя промежуточный заголовок (*conclusions édifiantes*), повторно фокусирует внимание на значимости, обоснованности выводов доктора Кьезельбака относительно недостаточного учета человеческого фактора при анализе неэффективных реструктуризаций предприятий; 2) вместе с парцеллятом прогнозирует содержание следующего, «правого» абзацного компонента. Его функцию здесь можно определить как ретроспективно-перспективную:

Des conclusions édifiantes

Que 25 scientifiques aient étudiés, sous la houlette du professeur Dr Thomas Kieselbach de l'université de Brême, l'impact des décisions prises en comité de direction sur des bataillons entiers de salariés, impact physique et psychologique, voilà qui reste inédit. Leurs conclusions sont édifiantes. *Et malheureusement toujours d'actualité!*

60% à 75% des restructurations se traduisent par un échec imputable non pas à la stratégie mais à la dimension humaine. Ne pas comprendre que chaque personne faisant partie de l'organisation montre des réactions différentes vis-à-vis du changement est une grave erreur. (La Tribune, 06.12.2013)

Завершая абзац, парцеллема подготавливает дальнейшее развитие текста, находящегося на новом отрезке тематического движения, на новой ступени, то есть включает проекцию будущего абзаца, раскрывающего актуальность этой научной работы. В следующем примере делается проекция на разъяснение причины отсутствия футбольного игрока:

Le Real Madrid a communiqué sa liste des 22 joueurs pour disputer la demi-finale du Mondial des clubs contre Al Ahly mercredi à Rabat. Et le moins qu'on puisse dire, c'est que l'entraîneur Carlo Ancelotti doit faire avec (ou plutôt sans) quelques absences. *À commencer par celle du Ballon d'Or Karim Benzema.*

L'attaquant français des Merengue s'est blessé la semaine dernière à une cuisse lors d'un match de Liga contre Valence (victoire 2-0). Carlo Ancelotti l'a laissé au repos ce week-end mais avait indiqué qu'il serait disponible pour le Mondial des clubs. (Le Parisien, 06.02.2023)

Таким образом, осуществляется вертикально-ступенчатый принцип смысловой организации. Семантические связи конструкции с «правым» компонентом достаточно сильны, но автор оставляет конструкцию в сильной финальной позиции, усиливая выделенность парцеллята, заключенного в комбинированную парцеллятную сетку с восклицательным знаком, а ее «расшифровку» помещает в следующий графически маркированный компонент. На наш взгляд, имеет место субъективный, эмоциональный подход к определению границ абзаца, оправданный в данном случае содержательной структурой текста и его прагматической направленностью. В этом контексте весьма интересно обратиться к результатам эксперимента А.А. Кибрика, в ходе которого ученый установил, что границы абзацев «не являются простой графической условностью, они маркируют границы между компонентами глобальной структуры дискурса, и носители языка с 90-процентной вероятностью сходятся в том, где эти границы находятся». Однако восприятие «существенности» разрывов связи различно, а это означает, что «границы между абзацами не полностью выводимы из прочей формы текста. То, как их расставляет редактор или автор, несет самостоятельную семантическую информацию» [Кибрик 2003: 33].

Наиболее ярким примером приращения семантической и прагматической информации при абзацировании являются *межабзацные парцеллемы*, парцеллят которых вынесен в отдельный, новый абзац. Специфика парцеллирования заключается здесь в том, что на основной части конструкции завершается горизонтальный уровень синтагматики абзаца, а синсематичный парцеллят перенесен на следующую самостоятельную ступень – в следующую глобальную структуру:

M. Sarkozy n'a pas réussi à obtenir un score soviétique et à s'imposer comme le candidat naturel de son camp pour la présidentielle. Résultat: celui qui s' imagine comme le chef incontesté de son camp n'a pas les pleins pouvoirs. Le successeur de Jean-François Copé va devoir composer avec ses rivaux.

Et en premier avec Bruno Le Maire, qui est l'autre gagnant du scrutin interne. En obtenant plus 29,18%, le député de l'Eure a réussi son pari: il a émergé en portant le thème du «renouveau». (Le Monde, 30.11.2014)

Высокая выделенность межабзацкого парцеллята обуславливает его функцию в организации содержательной структуры текстового пространства – максимальная деавтоматизация внимания, осмысление семантических связей с последующим текстом:

К счастью для УГМК, запал хозяек иссяк, а Сандрин Груда вновь взяла игру на себя. Ее быстрый отрыв на последней минуте остановить удалось только за счет фола. Груда оба броска исполнила точно и фактически поставила точку в матче – 63:58.

А заодно и в сезоне, по ходу которого УГМК выиграл три турнира из четырех, в которых участвовал. Речь помимо победы в чемпионате России идет о выигрыше Кубка России (четвертый раз подряд) и Суперкубка Европы. Единственной осечкой стало поражение в полуфинале Евролиги, которую УГМК выиграл в прошлом сезоне. (Коммерсантъ, 30.05.2014)

Парцеллят на новой абзацной ступени – значимый компонент все той же разворачиваемой макротемы (успехи команды УГМК), но задающий новую перспективу (переход от персональных успехов С. Груда к командным). Этот прием необычен, в силу чего его частотность в массмедийном дискурсе остается невысокой.

Анализ материала также дает основания для выделения еще одного типа парцеллем – *полноабзацных*:

Rushdie défend encore la puissance des mots dans «Victory City». *Avec pour mission de «donner aux femmes une place égale dans un monde*

patriarcal», selon le résumé de son éditeur Penguin Random House, son héroïne et poète Patra Kampana, qui vit près de 250 ans, est aussi le témoin de «l'orgueil de ceux qui sont au pouvoir», et assiste à l'essor puis à la destruction de Bisnaga. (Le Monde, 06.02.2023)

Каждый может удостовериться – документы подлинные. *С ошибками, кляксами, входящими номерами. Иной раз трудночитаемые. И не только из-за клякс...* (АиФ, 09.04.2014)

В приведенных примерах размер парцеллемы равняется размеру абзаца. Выделение парцеллемы в отдельный дискурсивный блок обусловлено прагматической установкой автора – визуально маркировать особую значимость того знания, которое он хочет донести до адресата.

В ряде случаев размер парцеллемы может разрастаться до нескольких абзацев, что представляет собой достаточно редкое явление и зафиксировано только в русском корпусе:

Самый поверхностный мониторинг сайта Госдумы показывает, что депутаты прислушались к совету трехвековой давности. *И попытались заpretить все. Или почти все.*

Детские конкурсы красоты, продажу «антироссийских» компьютерных игр, курение, хождение долларов, усыновление российских детей иностранцами, продажу энергетических напитков несовершеннолетним, употребление алкоголя на борту самолета, бесплатное скачивание фильмов и музыки из интернета...

Использование обценной лексики в личных сетевых дневниках, суррогатное материнство, выезд «уклонистам от армии» за границу, пропаганду сепаратизма, оскорбление чувств верующих, сомнительную и коллаборационистскую символику... (АиФ, 21.03.2014)

Во французском корпусе с небольшой частотностью встречается еще один оригинальный тип интротекстовой парцелляции – парцелляция через подзаголовков, например:

Loin de s'offusquer, Hassan II « est parti d'un grand éclat de rire et a quitté la pièce en se bidonnant ».

PLAISANTERIES SALACES

Jusqu'au jour où le roi ne rit plus. Non pas à cause du bouffon et de ses blagues vulgaires. Mais à cause de son fils, un humoriste lui aussi, prénommé Hassan (comme le roi), un gagne-petit qui anime les soirées privées « de l'élite». (Le Monde, 29.05.2014)

Confronté par les policiers à Guy Alvès, l'autre patron de Bygmalion, qui l'accuse sur procès-verbal d'avoir autorisé les fausses factures, il continuera à nier.

RÉUNIONS

Mais les enquêteurs disposent d'éléments nouveaux. (Le Monde, 06.10.2014)

Обратимся к количественным данным.

Таблица 2. Квантитативные показатели использования парцеллемы в интротекстовых позициях французского и русского массмедийного дискурса

Интротекстовые позиции	Французский корпус, %	Русский корпус, %
начальноабзацная	22,05	18,35
внутриабзацная	42,82	37,17
финальноабзацная	24,49	27,9
полноабзацная	4,49	12,27
разноабзацная	0	0,28
межабзацная	4,49	4,02
через подзаголовков	1,67	0

Сопоставительный анализ дает основания для следующих выводов.

Сходства в использовании парцелляции в интротекстовых позициях:

1) преобладание внутриабзацных парцеллем в обоих корпусах (42,82 % и 37,17 %), с небольшой разницей $\Delta = 5,65$ %;

2) порядок убывания по частотности финальноабзацных (24,49 % и 27,9 %), начальноабзацных (22,05 % и 18,35 %) и полноабзацных парцеллем (4,49 % и 12,27 %);

3) наиболее редкий тип – парцелляция через подзаголовков (1,67 % и 0,09%).

В ходе анализа были зафиксированы следующие различия:

1) преобладание русских финальноабзацных парцеллятов ($\Delta = 3,41$ %) и французских начальноабзацных парцеллятов ($\Delta = 3,7$ %);

2) преобладание полноабзацных парцеллем в русском корпусе: разница в 2,7 раза;

Специфической чертой русского корпуса является такой тип парцелляции как разноабзацный, не востребованный во французской прессе. Специфика русского корпуса – в отсутствии парцелляции через подзаголовков.

3. Парцеллятная конвергентная зона

В предыдущем параграфе мы неоднократно констатировали тот факт, что парцелляция поддерживается, взаимодействует с различными стилистически окрашенными лексико-семантическими и синтаксическими средствами, усиливающими выделенность сегмента, расположенного в парцелляте, особенно в сильных позициях дискурса. Значительное место в этом ряду занимают стилистические фигуры и тропы, способствующие повышению выразительности и/или изобразительности парцеллятного сегмента и, как следствие, увеличение прагматического потенциала парцеллемы. К этим средствам относятся: метафора и метонимия, градация, зевгма, сравнение, фигуры интертекста, различные виды повторов, антитеза, полисиндетон и другие фигуры, а также самые разнообразные варианты их комбинаций. Способность парцелляции к этому взаимодействию мы называем ее конвергентным потенциалом, понимая под конвергенцией стремление различных равноуровневых языковых средств к сближению и взаимодействию в дискурсе для выполнения единой функции. Для обозначения их сосредоточения в парцелляте будем пользоваться понятием «парцеллятная конвергентная зона».

Сопряжение стилистического и когнитивного ракурсов исследования позволит нам выявить своеобразие конвергентного потенциала парцелляции в массмедийном дискурсе как сфере, продуцирующей все новые комбинации приемов речевого воздействия.

На первом этапе мы очертим круг стилистических средств, способных к регулярной конвергенции с парцелляцией во французском и русском массмедийном дискурсе. На втором – обратимся к дискурсивно-когнитивному анализу механизма конвергенции на примере комбинации парцелляции и метафоры как наиболее распространенного типа парцеллятной конвергенции. Задачей третьего этапа будет анализ взаимодействия парцелляции и фигур, основанных на использовании прецедентных феноменов – прецедентного имени (антономасия) и высказывания (фигуры интертекста).

3.1. Конвергентный потенциал парцелляции

Круг стилистических средств, с которыми может сочетаться парцелляция, ограничен. Крайне редки контакты парцелляции с парантезой, кольцом, литотой, гиперболой и другими; их примеры в корпусе единичны.

К частотным типам конвергенции относится комбинирование парцелляции с метафорой, повтором, градацией, синтаксическим параллелизмом и некоторыми другими фигурами, усиливающими аттрактивный эффект парцеллемы.

Парцелляция и градация. Совместно с градацией парцелляция может вывести в фокус внимания члены ряда, расположенные по нарастающей смысловой или эмоциональной значимости, при этом происходит расщепление одного фокуса на множество фокусов, причем равных по значимости. Каждый парцеллят «высвечивает» новый значимый элемент эмоционально насыщенной, транслирующей субъективно-оценочные смыслы, градационной цепочки:

– Mais le plus beau c'est que je skie depuis ce week-end. *Un peu. Doucement. Précautionneusement. Amoureusement.* (Le Figaro, 15.01.2014)

Элементы, попадаемые в аттенциальные фокусы, последовательно уточняют свойства образа референта. Участие в этом механизме субъективно-окрашенной, оценочной лексики приводит к наращиванию эмоциональной оценочности, максимально воплощающейся в последнем парцелляте.

В парцеллятной конвергентной зоне градация может «притягивать» и другие фигуры и тропы:

– Есть было нечего. *Буквально. СОВСЕМ нечего.* (АиФ, 9.05.2013)

Парцеллированная нисходящая градация усиливается повтором "нечего" и использованием графона¹⁰ "СОВСЕМ", перцептивно выделяющимся на общем фоне, что переводит повтор в частично дефокусированную позицию.

Взаимодействие парцелляции и градации часто также сопровождается метафоризацией:

– D'abord refusée par les grands éditeurs britanniques, la série de J. K. Rowling, où le héros grandit au même rythme que ses premiers lecteurs, a été un événement majeur, de l'avis de tous les professionnels du secteur. *Un séisme dans le paysage littéraire* (Le Monde, 26.11.2014)

¹⁰ Под графоном понимаем средство зрительного выделения психологически акцентированного слова. Вслед за А.П. Сковородниковым, считаем, что графон представляет собой фигуру речи, стилистически значимое отклонение от графического стандарта и/или орфографической нормы [Сковородников 2009: 106–109].

Прямая номинация *événement* в структуре восходящей градации дополняется и обогащается эмотивно-оценочными, личностно-значимыми смыслами во вторичной номинации *séisme*.

Парцелляция и антитеза. Сущность антитезы заключается в «подчеркивании различия между элементами противопоставления через их разделение» [Плотникова 2012: 27]. Взаимодействие парцелляции и антитезы в массмедийном тексте позволяет привлечь внимание к актуальным сторонам денотативной ситуации либо акцентировать внимание на противоречивой сущности референта, например:

– *Et comme Auvinen n'est pas très bon, eh bien... il sera promu, le cher ange. Sur la terre comme au ciel... A moins que ce ne soit l'inverse. (Le Monde, 22.05.2014)*

– Рафаэль Надаль не сразу начал. *Но быстро закончил* (Коммерсантъ, 27.06.2012)

В статье автор описывает игру известного спортсмена Р. Надаля, который обыграл соперника, но заставил болельщиков понервничать.

Еще пример:

– В советской школе подневольно изучали «Как закалялась сталь» про героическую и трудную жизнь Павла Корчагина. *А после уроков дети с азартом читали «Двенадцать стульев» про веселую и мошенническую – Остапа Бендера* (АиФ, 17.12.2014)

Характеризуя школу советского времени, автор выводит на передний план контраст между школьной программой и действительными литературными интересами учащихся. Противопоставление создается парной антитезой *подневольно – с азартом* и *про героическую и трудную жизнь – про веселую и мошенническую*. Парцелляция поддерживает этот контраст, делает его более ярким и позволяет сфокусировать внимание на дистанции между тем, что происходило «в школе» и «после уроков».

Парцелляция и зевгма. Парцелляция может взаимодействовать с зевгмой, усиливая ее экспрессивность, передавать концентрацию мысли на определенных ключевых моментах.

Парцеллирование может проходить как перед зевгматической конструкцией, так и между ее семантически разноплановыми частями:

– Как раз до сих пор сажали мало... *Особенно людей и сельхозпродукты.* (АиФ, 15.11.2014)

– Вице-президент интересуется пропашными культурами. *И коррупцией.* (Коммерсантъ, 27.10.1999)

В данном примере речь идет об Александре Руцком, который посетил Ставропольский край, особо заинтересовавшись внедрением французской технологии переработки пропашных культур, а также максимально используя свои поездки «с сельскохозяйственным уклоном» и для того, чтобы изучить и этот аспект экономической деятельности. В данном случае вынесение второй части зевгматической конструкции в парцеллярную зону создает эффект неожиданности и привлекает внимание реципиента.

Экспрессивный потенциал зевгмы и ее способность к образованию каламбура поддерживается парцелляцией для создания ярких, «цепляющих» внимание заголовки:

– Ковалев опять парится. *Теперь в Бутырке* (Коммерсантъ, 04.02.1999)

– Леонид Маевский вышел в поле. *Став собственником Сибирского аграрного холдинга* (Коммерсантъ, 04.03.2013).

– Член ГКЧП ждет приговора. *Врачей* (Коммерсантъ, 10.10.1999)

– Аэрофлот поменял курс. *На 240 рублей* (Коммерсантъ, 09.10.1999)

Парцелляция **риторических вопросов** повышает диалогизацию, создает иллюзию непосредственного общения:

– Может, стоит начать говорить и о мудрости души? *Об образовании души?* (АиФ, 26.10.2013).

Риторический вопрос – яркое средство создания субъективности публицистического дискурса. Поддерживаемый парцелляцией, он приобретает особую эмоциональную напряженность и выражает богатый набор субъективно-модальных значений.

В следующем примере посредством конвергенции **парцелляции риторического вопроса и эпифорического повтора** публицист добивается высокой экспрессивизации текста:

– Как за последние десятилетия факт детской стрельбы стал из фантастики – реальностью? *Пугающей, ошеломляющей, но реальностью.* (АиФ, 05.11.2014)

Здесь парцеллированный повтор фокусирует внимание читателя на второй части антитезы «фантастика – реальность», которая охарактеризована автором яркими эпитетами с негативной семантикой «пугающая», «ошеломляющая».

– Du gouvernement aux oppositions, la séquence politique semble enlisée. *Jusqu'à faire le jeu de l'extrême droite ?* (Libération, 06.02.2023)

Конвергенция этих приемов позволяет эффективно воздействовать на восприятие читателя, заставляет задуматься о поднятой автором проблеме.

Парцелляция и хиазм. Хиастические конструкции предполагают двойной повтор с обратным синтаксическим параллелизмом и обменом синтаксическими функциями у повторяющихся элементов [Береговская 2004: 175] (антиметабола по [Хазагеров, Ширяева 1999: 203]). Хиазм – достаточно редкая фигура, особенно в массмедийном дискурсе. Мы обнаружили несколько примеров конвергенции парцелляции и хиазма с небольшим отклонением от структурной и семантической симметрии:

– *Peut-être que seules les femmes blanches pouvaient faire de leur servante leur confidente? Ou forcer leur servante de couleur à écouter leurs confidences ?* (Le Monde, 13.02.2014)

– Стоит только представить, что в Америке выбирают «Девушка Нью-Йорк», и многое станет ясно. *Но – немногим.* (АиФ, 09.07.2014).

В этих случаях стилистический эффект усиливают риторический вопрос (французский пример) и эллипсис (русский пример).

Парцелляция и полисиндетон. Специфической чертой русского корпуса является группа конструкций, в которых парцелляции взаимодействует с полисиндетоном, фигурой, основанной на преднамеренном многократном использовании союзов. Такие конструкции используются либо для изображения устойчивых эмоциональных состояний, либо для подчеркивания различных деталей социальной или политической жизни:

– Тут **и** нищий бюджет, **и** разрушенные дороги, **и** изношенная инфраструктура. **И** застойная отсталая промышленность, что по прямому профилю А. Гусева. **И** низкие зарплаты у учителей, врачей, работников культуры. (МК, 28.08.2013)

Следует отметить, что значительную группу в нашем материале составляют конструкции, в рамках которых реализуется конвергенция **парцелляции с фигурами, построенными по принципу синтаксического параллелизма**, которые часто входят в конвергенцию с анафорическим повтором, лексико-синтаксическим повтором, эллипсисом, антитезой и так далее:

– *Il tient sa revanche. Sur l'Ukraine, ainsi amputée d'une de ses régions, parce qu'elle a eu le culot de vouloir signer un accord commercial avec l'Union*

européenne. Sur les Occidentaux, parce qu'ils ont le toupet de soutenir les nouvelles autorités ukrainiennes. (Le Monde, 20.03.2014)

– Au Bangladesh, on fait des projets, mais la plupart du temps, ils n'aboutissent pas. *Alors qu'aux Etats-Unis on fait des projets et ils se réalisent.* (Le Monde, 13.02.2014)

– Миф оказался сильнее реальности. *А римская риторика сильнее оружия.* (АиФ, 01.04.2014)

– А она свидетельствует о любопытных вещах. *О работоспособности и активности императрицы, которую все подряд называли ленивой, праздной и не способной к государственному управлению.* (АиФ, 07.02.2023)

– «Химки» взяли группу. *А «Жальгирис» – чемпионат.* (Коммерсантъ, 06.03.2013)

– Нам угрожают радиоактивные коровы. *А американцам – радиоактивные муравьи.* (Коммерсантъ, 23.01.1999)

– Вернусь и буду рассказывать одноклассникам о том, что здесь происходит. *О том, что мы должны помогать людям в Донбассе», –* говорит юный волонтер Максим. (АиФ, 09.02.2023)

Парцеллятная конвергентная зона «наследует» свойственные фигурам синтаксического параллелизма функции (строевую и экспрессивную [Кузнецова 2003: 11]), позволяет акцентировать внимание на выделенном сегменте и вывести на первый план существенные, значимые для продуцента оттенки значений.

Парцелляция и повтор являются наиболее частотным типом взаимодействия.

Парцелляции могут подвергаться как контактные повторы (анадиплосис или стык), так и дистантные. Первые выступают эффективным средством концентрации внимания читателя на ключевом слове высказывания. Подобные примеры довольно многочисленны в обоих корпусах:

– Régis Mailhot boit pour **oublier**. *Oublier cette époque "moralisatrice" où "la franchise" serait devenue "un acte de délinquance", où les "inquisiteurs" de la bien-pensance seraient "partout" et où la "glorification de la différence" serait érigée en dogme* (Le Monde, 21.03.2014).

– Вот только членовредительство, выглядевшее у Тарантино монструозным и величественным ритуалом, у авторов «Пошумим!» не вызывает ничего, кроме искреннего, физиологического **отвращения**. *Отвращения,*

которое достигает почти космических высот, когда отсеченный язык начинает в буквальном смысле слова путаться под ногами у персонажей. (Коммерсантъ, 06.12.2022)

Почти в два раза чаще контактных в обоих корпусах встречаются дистантные повторы (подхваты), которые имитируют спонтанность развития авторской мысли, дают возможность читателю проследить за ходом ее развития: *Nous devons donc négocier avec eux. Mais il y a aussi les politiques qui prennent le relais par méconnaissance de ce qu'est notre droit. Méconnaissance non seulement de ce qu'est la Sacem mais de toutes les sociétés d'auteurs, en particulier européennes, qui sont unies dans ce domaine.* (Humanité, 31.01.2014)

Распространение ключевого слова *Méconnaissance* более точно и полно очерчивает рамки его значения.

Пример из русского корпуса: Фильм начинается с **наплыва** камеры на пишущую машинку писателя Алекса. *Наплыва, столь зловеще многозначительного, что кажется: вот-вот машинка оживет и превратится, как в «Голом завтраке» Уильяма Берроуза, в плотоядного монстра.* (Коммерсантъ, 06.02.2023).

Еще один вид повтора – кольцевой, достаточно редко встречающийся в массмедийной речи. Повторяемые слова *polémique, удивили* находятся в начале основной части конструкции, а повтор – в конце парцеллята:

(1) « Une polémique ayant été entretenue sur la validité de ce règlement et quelle qu'en soit la réalité, je ne puis la laisser prospérer », écrit encore M. Sarkozy. *Mais l'affaire dite « des pénalités » ne saurait se résumer à une simple « polémique »* (Le Monde, 04.12.2014)

(2) Приятно удивили сборные Алжира, Франции и Голландии. *А вот россияне никак не удивили* (Московский комсомолец, 14.07.2014)

В конвергентной зоне парцелляции кольцевые повторы выводят в аттенциальный фокус уверенность, незыблемость оценки или же противоречивость того или иного явления, становятся средством противопоставления (2), выражением иронического или саркастического (1) отношения автора.

Конвергенция парцелляции и анафорического повтора свойственна как французским, так и русским массмедийным текстам:

– Il y aurait donc deux **Beyoncé**. D'un côté, la reine des abeilles. *Celle qui pollinise une féminité fière, militante et émancipée depuis le début des années*

2000, lorsqu'elle officiait au sein du "girl's band" Destiny's Child, dont elle repêche ici le tube Survivor – coffre profond, léger vibrato. **Celle** qui vocalise pour l'investiture de Barack Obama, guinche avec Michelle pour lutter contre l'obésité, organise une collecte de vêtements pour Emmaüs avant ses concerts parisiens. **Celle** qui, casquette queer vissée à la tête, se targue de ne compter, hormis une paire d'aimables acrobates français, que des femmes sur scène à ses côtés: une dizaine de musiciennes, une dizaine de danseuses. (Le Monde, 27.04.2013)

– И весь город, включая грозное начальство лагерного региона, подыгрывал его **безобидной** игре. **Безобидной до поры до времени.** (Коммерсантъ, 19.01.2023)

– И, конечно, именно **красота** их мира, запечатленная в фильме, не дает оторваться от действия. **Красота неприкаянных шоссе и случайных ночевков. Красота горящих в ночи – как рождественские елки – фар и стремных придорожных баров. Красота той самой гигантской парковки и ночного балета обитающих на ней шалав.** (Коммерсантъ, 23.12.2022)

– Я чувствовал **чувство** общности со всеми. **Чувство вины и стыда.** (Московский комсомолец, 06.02.2023)

Данная комбинация позволяет ввести полную, исчерпывающую характеристику референта (референтной ситуации), сделав акцент на каждом парцеллированном элементе и подчеркнув его многогранность и сложность.

В области конвергенции парцелляции и повторов наблюдаются существенные различия, касающиеся типов повторов, их структуры и морфологических особенностей.

Специфической чертой русского корпуса являются примеры **нераспространенных повторов.** В этом случае автор дважды фиксирует внимание на важном для него фрагменте, например:

– И насколько я понимаю, у Хиллари Клинтон и Лаврова **очень хорошие отношения. Очень хорошие отношения.** (Российская газета, 03.07.2012)

И все родители хотят любить своего **хорошего** ребенка. **Хорошего...** (АиФ, 12.11.2013)

Парцеллированный повтор «очень хорошие отношения» использован во внутриабзачной позиции. В данном дискурсивном контексте дублирование компонента и его размещение в конвергентной парцелляционной зоне

несут имплицитную информацию об авторской оценке отношений между политиками, которая и вынесена в аттенциальный фокус. Происходит «настройка» угла зрения и вводится соответствующая микротема.

Во втором примере конвергенция парцелляции и повтора «хорошего» позволяет подчеркнуть и вывести на первый план одну из ключевых идей публикации: для родителей их ребенок всегда хороший, даже если он стал преступником. Они всегда найдут оправдание его поведению. На значимость парцеллята и имплицитного смысла, который он несет, указывает и комбинированная парцеллятная сетка с многоточием.

В фокусе подобных парцеллированных повторов – пространство говорящего, его ментальное состояние, оценки или отношение к чему-либо. В следующем примере, начинающем статью о журналисте, находящегося в заложниках, в фокус внимания выводится невероятный срок заключения – 22 месяца: *Cela fait vingt-deux mois, ce mercredi 8 février, que le journaliste Olivier Dubois est retenu en otage au Sahel. Vingt-deux mois!* (Libération, 08.02.2023)

Данный прием позволяет в свернутой, компрессионной форме выразить смысл целого высказывания, сосредоточить мыслительные усилия реципиента на выделенном сегменте, часто – создать интригу или повысить градус напряженности.

Во французском корпусе зафиксированы примеры парцелляции повтора – указательного местоимения, дублирующего существительное и согласующееся с ним в роде и числе: *Ce qu'elles partagent, c'est l'angoisse de l'échec, la crainte lancinante de ne pas réussir à reproduire les codes. Ceux du maître blanc.* (Le Monde, 13.02.2014); *Cela n'empêche pas la rage. Celle d'une finale de Coupe de France, face à Sedan* (Le Figaro, 16.05.1999)

Парцеллятные местоименные повторы позволяют выстраивать протяженные и поликомпонентные конструкции, строящиеся по Модели (n)ABb и включающие до шести парцеллятов:

– *Derrière ces pas de danse se tient l'autre Beyoncé. La fusée fuselée. Celle qui propulse, du haut de ses talons aiguilles, les archétypes d'une certaine Amérique rutilante, gentiment croyante et phallocrate. Celle qui chanta, le 31 décembre 2009, pour la famille Kadhafi, ou, en février dernier, à la mi-temps du Superbowl. Celle qui a baptisé sa tournée The Mrs. Celle qui simule en combinaison dentelée, sur Naughty Girl, un peep show de pacotille, et fait rugir les lance-flammes tous azimuts. Celle, encore, qui entrecoupe sa prestation*

d'extraits du documentaire qu'elle a réalisé pour HBO, Life is But a Dream, ode un brin édifiante à l'épanouissement familial, avant de promener des landaus zébrés. Celle, enfin, qui grimpe les tonalités crescendo sur Love on Top, hit jacksonnien en diable de son quatrième et dernier album à ce jour (Le Monde, 27.04.2013)

Парцелляция местоименного повтора позволяет сфокусировать внимание реципиента на том или ином свойстве референта или элементе описываемой ситуации, неоднократно перенастраивая фокус, направленный на одного и того же референта и его свойства. При снятии парцелляции местоимение оказалось бы в дефокусированной позиции. В сложных поликомпонентных конструкциях парцелляция призвана также решить проблему плотности синтаксического ряда, который при расчленении становится менее громоздким и более приемлимым для восприятия. Следует также отметить, что в русском корпусе максимальное количество парцеллятов-повторов не превышает трех. Полагаем, что именно использование указательного местоимения дает возможность выстраивать такие сложные парцеллемы.

Местоименные повторы демонстрируют грамматическую (морфологическую) вариативность парцеллированного повтора наряду с **изменением артикля при повторенном слове**: 25% d'entre eux, en primaire, bénéficient **du retour** de la semaine de quatre jours et demi. *Un retour qui devrait être salué tant l'organisation précédente, sur quatre jours, était l'exception française décriée par tous les acteurs et les experts, les politiques de droite comme de gauche.* (Libération, 06.10.2013)

В данном случае происходит замена определенного артикля в основной части на неопределенный *un* в парцелляте, что подчеркивает характер отношения между частями парцеллированной конструкции с повтором. Прослеживается определенная закономерность в употреблении артиклей перед повторяемым существительным в парцелляте. Если в основной части определенный артикль выступает в генерализующей функции, а неопределенный – в выделительной, то при повторе реализуется индивидуализирующая функция этих артиклей. Это соответствует функциональной направленности парцеллята – значению уточнения, сосредоточения внимания на важной с точки зрения автора детали.

Редкие случаи **эпифорического повтора** зафиксированы только в русском корпусе. Подобные парцелляты подчеркивают непреложность конечного вывода, результата, который чаще всего носит пессимистическую или

отрицательную окраску, как наглядно иллюстрирует следующий пример: Я отчетливо увидел, что, взрослея, мы много **теряем**. *Что-то обретаем, но очень-очень много **теряем***. (АиФ, 26.04.2013).

В фокус внимания читателя попадает парцеллированный повтор «много теряем», усиленный двойным наречием со значением интенсификации «очень». Его воздействующий эффект также возрастает за счет парцелляционной антитезы «обретать – терять». Автор стремится донести до читателя, что с возрастом человек теряет все же больше, чем приобретает на своем жизненном пути. Эпифорический повтор в парцелляте транслирует чувство сожаления и нацелен на то, чтобы вызвать у читателя эмоциональный резонанс. Говорящий апеллирует к опыту, общей базе фоновых знаний и интересов. Повтор и парцелляция взаимодействуют таким образом, чтобы создать имитацию звучащей речи и ее особый плавный ритм, настраивающий на доверительное общение.

Спецификой русской корпуса являются также **поликомпонентные парцеллемы с повторами, подключающимися по линейному принципу** (Модель 2А): А вот теперь – как и обещано, почему лично для меня фильм кажется **цельным**. *Более того, не просто **цельным**, а внятным, легко читаемым предсмертным посланием* Алексея Германа. *И не просто **посланием**, а **посланием** покаянным* (АиФ, 06.03.2014).

Уточняющие парцелляты-повторы структурируют парцеллемы, выводя на первый план существенные для говорящего элементы. Посредством данного приема автор последовательно расставляет акценты, поочередно вводя в центр внимания характеристики важных элементов.

Конвергенция парцелляции и метафоры

Одним из наиболее эффективных «партнеров» парцелляции в конвергенции является метафора, которая в стилистике определяется как троп, обладающий яркой внутренней формой, эмотивностью и образностью, а в когнитологии – как одна из ведущих моделей непрямо́й (вторичной) номинации [Киосе 2015: 62]. Приведем некоторые примеры:

– En reportant l'ensemble du projet de loi sur la famille, le président de la République fâche la gauche, contente la droite et légitime un camp réactionnaire. *Sans pouvoir prédire où s'arrêtera ce jeu de dominos*. (L'Humanité, 04.02.2014)

– Mediapart a publié depuis déjà dix jours le contenu d'un message téléphonique où une voix, présentée comme celle de Jérôme Cahuzac, évoque un compte en Suisse. *Et l'Élysée entre dans la danse*. (Le Figaro, 11.04.2013)

– Bettencourt, Karachi, Tapie, Kadhafi, sondages de l'Elysée, écoutes Buisson, trafic d'influence à la Cour de cassation... L'avalanche d'« affaires » dans lesquelles apparaît le nom de Nicolas Sarkozy donne le vertige (Le Monde, 08.03.2014)

– Сигаретные магнаты объединяются. *Чтобы дать прикурить конкурентам.* (Коммерсантъ, 19.01.1999)

– Возможно, он хотел поломать жанр художественного фильма как таковой. *Об коленку* (АиФ, 06.03.2014)

Нередки случаи применения развернутой метафоры, имеющей сложную синтаксическую организацию и реализующейся как в основной части, так и в парцелляте:

– Авторынок выехал из кризиса. *Но на этом и забуксовал* (Коммерсантъ, 16.01.2013)

– В московские аэропорты налетели консультанты. *Но не всем разрешили посадку* (Коммерсантъ, 24.12.2012)

В когнитивной лингвистике метафора рассматривается как основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы (ментальные пространства) и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы [Чудинов 2001: 37] (см. также [Budaev, Chudinov 2017]; [Плотникова, Скворцов 2020]; [Плотникова, Зеленина 2016]; [Буженинов 2015]; [Метафорическая конструкция]). М.И. Киосе относит метафору к группе средств непрямой номинации с участием семантического скачка и отмечает, что для метафорической техники перефокусирования «характерна актуализация концептуального элемента оценочного типа, репрезентирующего ментальное пространство, не пересекающееся с пространством исходного образа референта» [Киосе 2015: 28]. Анализ совместного функционирования парцелляции и метафоры в дискурсе должен строиться, на наш взгляд, не только рассмотрением их взаимодействия в точке конвергенции, то есть локально, в месте сосредоточения, но и с учетом их участия в структуре продукта дискурса – тексте.

Рассмотрим механизм конвергенции парцелляции и метафоры и ее роль в текстообразовании на примере статьи Константина Смирнова, в названии которой используется гибриды метафоры и метонимии «Курс рубля – в Марианскую впадину. Что дальше?» (Московский комсомолец, 15.02.2014). Броский заголовок задает тон и метафорическую стратегию

развертывания макротемы «Резкое падение курса рубля». Статья насыщена метафорами: «план по спасению рубля», «играть против рубля», «пожертвовать национальной промышленностью», «вздуть ставки кредитов» и так далее. Первая часть статьи посвящена введению в контекст описываемого «положения дел»: к 14 февраля 2014 г. рубль резко упал по отношению и к доллару, и к евро, и к бивалютной корзине. Однако во второй половине дня 15 февраля во время торгов на Московской бирже «рубль развернулся в обратную сторону». Причиной изменения ситуации стала новая политика ЦБ России, оформленная в полноабзацной парцеллеме:

Вчера ЦБ вообще решил ничего не объяснять. Видимо, руководство мегарегулятора сейчас само не видит панацеи от обвала курса. Однако там сдаваться не собираются.

Нашли все-таки две микстуры. *Горькие и противные. Но в ЦБ надеются на их эффективность.*

Для начала предложена так называемая «тонкая настройка». Как поясняет пресс-служба ЦБ, с 17 февраля этого года инструменты денежно-кредитной политики дополняют операциями по «абсорбированию ликвидности», которые будут проводить в форме «деPOSITНЫХ аукционов» ЦБ. Максимальная ставка по этим операциям – не более ключевой ставки.

В метафорической номинации «микстуры» кодируется смысл «*средства защиты курса рубля*», декодирование которого опирается на предыдущий контекст: ЦБ решения проблемы пока не видит, но «там сдаваться не собираются», результатом чего является «нашли все-таки...».

Левый микроконтекст содержит словосочетание «панацея», значения которого: *панацея*, -и, жен. (книжн. ирон.). Средство от всего плохого, от всех бед [первонач. всеисцеляющее лекарство, к-рое пытались изобрести алхимики]. П. от всех зол. [Ожегов, Шведова 1992: эл.изд.]¹¹.

За счет первичного использования номинации «панацея» ускоряется актуализация значения вторичной номинации «микстуры». При конструировании образа референта значение лексемы сужается, фокусируется элемент «средство от падения рубля». Этот элемент поддерживается в тексте словосочетаниями «снижение курса рубля», «план по спасению рубля»,

¹¹ [<http://enc-dic.com/ushakov/Panaceja-44417.html>] (дата обращения: 25.01.20236). Ср. также Панацея. С латинского: Panacea. Перевод: Вселечное. Название умозрительного, несуществующего чудо-лекарства, которое, как предполагается, равно хорошо устраняет все болезни. Употребляется, как правило, иронически и в составе словосочетания «панацея от всех зол» – средство для решения всякого рода проблем – всех и сразу [Серов 2003: эл. изд].

«обвал рубля» и др. Далее следуют качественные прилагательные «Горькие и противные», которые совместно с вторичной номинацией «микстуры» формируют вторичный номинативный комплекс, который и подвергается парцелляции.

Парцеллят является оценочно-характеризующим; в нем проецируются вкусовые свойства средства, оба – негативно-окрашенные и намеренно подчеркивающие одну и ту же деталь. В основной фокус выводится инферируемый смысл «крайне неприятные». Прием реинтеграции в основу компонента, содержащегося в парцелляте, позволяет заключить, что в депарцеллятной презентации он попадает в дефокусированную зону (вторичный фокус). Очевидно, для автора эта характеристика имеет важное значение для акцентирования свойств в образе референта, в его намерения входит выдвигание данного смысла на передний план, в связи с чем применяются операции дислокации и парцелляции.

Парцеллятная аранжировка следующего сегмента диктуется двумя причинами:

1) прежде всего синтаксическими, поскольку снятие парцеллографемы приведет к построению аграмматичной структуры: *Нашли все-таки две микстуры. Горькие и противные, но в ЦБ надеются на их эффективность.

2) необходимость вывода в фокус дополнительной, но важной для публикации микротемы «надежда на эффективность применяемых средств».

В концовке встречаем конкретные прямые номинации – расшифровку «двух микстур»: Таким образом, ЦБ, погнавшись за двумя зайцами: снижение инфляции и удешевление кредитов – не догнал обоих. *И проморгал падение рубля (1). И, судя по всему, выписанные лекарства не спасут больного (2).*

Автор обыгрывает в парцелле поговорку – трансформированное прецедентное высказывание «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь»¹² и имеющий тот же оценочный модус глагол «проморгать»¹³. Текстовая цепочка номинаций, используемых для означивания того же референта «*средства защиты курса рубля*», продолжается номинацией «зай-

¹² (разг.) Пытаться одновременно достичь двух различных целей, выполнить два разных дела [Быстрова, Окунева, Шанский 1997: [<http://phraseologiya.academic.ru/252/B8>] (дата обращения: 15.04.2023)]

¹³ (разг.) Упустить, пропустить, прозевать. Проморгать удобный случай. [Серов 2003: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/135624>] (дата обращения: 25.01.2023)]

цы». В силу нетривиальности используемой метафорической проекции продуцент прибегает к его экспликации в виде пояснительного перечисления прямых номинаций: «снижение инфляции и удешевление кредитов».

Вернемся к вторичной номинации «зайцы». В фокус попадает одно из онтологически существенных свойств этого животного – способность быстро передвигаться, что и легло в основу пословичного выражения. Это помогает реципиенту установить нужные инференции: используемые ЦБ средства подобны зайцам → зайцы быстро разбегаются, догнать их невозможно → применяемые средства не могли дать и не дали нужного результата. Надежда на эффективность принятых мер не оправдалась. В парцелляте (1) вынесен предикат «проморгал», попадающий в фокус внимания за счет своей стилистической окраски: *сниж.-разг.* [Ефремова 2000: эл.изд.], *прост.* [Ожегов, Шведова 1992: эл.изд.], *разг.* [Энциклопедический словарь 2009: эл.изд.]¹⁴. Его связь с основой осуществляется при помощи сочинительного союза «и», соединяющего действия, с которыми не справился ЦБ (метонимически – руководство ЦБ): не догнал «зайцев» и проморгал падение рубля. Акцентирование внимания на предикате и его принадлежность к стилистически сниженной лексике – средства реализации тактики обвинения руководителей ЦБ в случившемся.

Финальное метафорическое предложение (2) «И, судя по всему, выпи- санные лекарства не спасут больного» содержит не прямые номинации «лекарства» (см. выше) и «больной» (о курсе рубля). В фокусе – авторская оценка к конструируемой ситуации – ее безнадежность. Выделенная в отдельный абзац (полноабзацная), в сильной текстовой позиции, парцеллема «ставит диагноз больному» – подводит категорично-пессимистичный итог статьи.

Данный компонент парцеллятной конфигурации вполне мог бы функционировать самостоятельно, без союза «и». На наш взгляд, это – псевдопарцеллят, мимикрирующий под парцеллят-часть сложносочиненного предложения. Дублирующийся союз «и» создает, во-первых, видимость сочинительной связи, во-вторых, определенный ритм. Очевидно, автор сделал это намеренно, желая воспользоваться ингерентным свойством парцелляции – выводу информационного отрезка в основной аттенциальный фокус. Такой креативный ход – конвергенция парцелляции, метафоры и композиционного

¹⁴ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/230013>; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/189546>; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/135624> [дата обращения: 25.01.2023]

решения – делает данный компонент, расположенный в сильной финальной позиции, прагматически еще более «солидным», убедительным.

Рассмотрим еще один пример конвергенции, зафиксированной в статье В. Коклюшкина «Кто бы думал!» (АиФ 08.10.2014). Статья посвящена бедам современного российского общества и полна сарказма. Метафорический лид статьи содержит парцеллированную конструкцию: Птицы улетают, деньги улетают... Казалось бы, со своих мест должны полететь и чиновники. *Клином на север.*

Опорой для метафорического номинативного комплекса, часть которой позже подвергнется парцеллированию, является первое предложение лида, содержащей метафору «*деньги улетают*», в котором происходит уподобление денег птицам в их способности «улетать», то есть в данном случае формируется предположительное значение «растрачивать, выводить деньги из государственного бюджета». Источником метафорической экспансии служит ментальное пространство Птицы. Данная орнитологическая метафора воспринимается довольно легко и адекватно в силу своей узнаваемости, относительной стертости, так как птицы – типичный источник зоометафор, используемых в публицистическом дискурсе. Немаловажную роль играют синтаксический параллелизм и повтор глагола «улетают», формирующие конструкцию, облегчающую восприятие метафоры и усиливающую вместе с парцелляцией ее воздействующий потенциал.

Далее, во втором предложении лида, основной части парцеллированной конструкции, автором развивается уже сформированная, подготовленная конфигурация ментальных пространств, только птицам здесь уподобляются чиновники, которые должны «полететь со своих мест», то есть должностей. Причина подобной меры была указана в левом микроконтексте (первое предложение лида) и уже декодирована рецепиентом – это «улетевшие» деньги, под которыми кодировались украденные или растроченные чиновниками бюджетные средства. Интересно, что «улететь», глагол вертикального перемещения, применяемый к существительным «птицы» и «деньги», заменяется в основной части парцеллемы на глагол «полететь», который в сочетании с контекстуальным распространителем «со своих мест», относится уже к глаголам каузации вертикального перемещения вниз, что передает значение «падение с вершин власти» и направлено на дискредитацию референта, обладает выраженной пейоративной окраской.

При анализе трансформации образа референта следует также учесть, что в данном случае он концептуализируется в структуре ментального пространства Не-лица (см. типологию имен Т. Гивона, в которой Живое подразделяется на Лица (люди) и Не-лица (животные) [Givon 2001]). Сближение ментальных пространств Люди и Животные также способствует тому, что в фокус выдвигается элемент оценочного типа, а именно их негативная оценка.

Краткий, состоящий всего из двух компонентов, но яркий метафорический парцеллят *Клином на север* фокусирует внимание реципиента на способе «полета» чиновников и его направлении, что транслирует отношение автора к сказанному ранее и требует от реципиента вывода инференций, которые на эксплицитном уровне находятся вне фокуса внимания. Парцеллят здесь предстает довольно сложной, комплексной семиотической сущностью, которая вовлекает в построение значения сложные структуры знаний и сложные когнитивные операции. Как отмечает О.К. Ирисханова, для оперирования многоплановыми и поэтапно разворачивающимися конструктами в текущем режиме «требуется механизм сокращения, сведения сложных ментальных образований к простым» [Ирисханова 2014: 154]. Согласно словарям, «клином» называют что-либо, располагающееся в пространстве вытянутым треугольником¹⁵ и часто применяют к способу построения стаи перелетных птиц. На наш взгляд, в данном контексте очень емкая, метафорическая номинация «клином», во-первых, продолжает развивать и усиливать уже заданную в левом микроконтексте орнитологическую метафору, имеющую выраженную пейоративную окраску, и во-вторых, выводит в фокус внимания значения: «один за другим, всей стаей». Другими словами, отвечать за растраты и вывод денег из государственного бюджета должны все «члены стаи», то есть все чиновники, нарушающие законы. Еще более сложным конструктом и сложным ключом для активации тех структур знаний, которые не выражены эксплицитно, является лексема «север», значение которой в данном контексте основано на ассоциации, связывающей 1) «направление, противоположное югу» [Энциклопедический словарь 2009] – значение, которое в данном контексте дефокусировано, и 2) место нахождения исправительных колоний и лагерей. Такое указание является весьма экономным способом установления метафо-

¹⁵ Энциклопедический словарь. 2009. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/27573> (дата обращения 21.01.2023).

рических связей и трансляции негативной оценки автором действий чиновников.

Парцеллятная аранжировка наводит аттенциальный фокус на внефокусную на вербальном уровне информацию, а именно, категоричность, жесткость позиции автора. В парцеллятной позиции эта информация приобретает признак салиентности благодаря своей визуальной очерченности, замкнутости в определенных графических границах. Прием депарцелляции нейтрализует выявленный смысл: * Казалось бы, со своих мест клином на север должны полететь и чиновники. При снятии точки парцелляции и восстановлении порядка слов выравнивается ритмомелодический рисунок высказывания, повышается автоматизированность восприятия. Фокус при такой подаче смещается и наводится на существительное «чиновники», расположенное в синтаксически фокусной, приоритетной конечной позиции.

Таким образом, фокусы образов референта в тексте трансформируют его структуру, происходит постоянное перефокусирование элементов. В этом процессе участвуют не только прямые и не прямые (вторичные) номинации образа референта, то есть лексические средства, но и грамматические. Активную роль при этом может играть парцелляция, которая находится с метафорой в отношениях взаимной поддержки. Парцелляция, регулирующая распределение внимания в формате предложения, «наводит» аттенциальный фокус на существенные, приоритетные (имеющие интенционально-обусловленную когнитивно-дискурсивную значимость) для продуцента элементы.

Приведенный пример конвергенции парцелляции и метафоры иллюстрирует возможности взаимодействия разных когнитивных механизмов и языковых средств и их роли в реализации авторских интенций в формате дискурса.

Конвергенция парцелляции и фигур интертекста

В данном параграфе мы обратимся к анализу конвергенции парцелляции, антономазии и фигур интертекста. Объединение последних продиктовано их принадлежностью к группе прецедентных феноменов. Вслед за группой московских ученых (Д.Б. Гудковым, В.В. Красных, Д.В. Багаевой, И.В. Захаренко) под прецедентными понимаем феномены: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;

3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [Красных 1997: 9]. Прецедентные высказывания, как и прецедентные имена, – это «важная часть национальной культуры и языковой картины мира, яркий показатель специфики народного самосознания, рефлексии нации по поводу собственной истории и культуры» [Нахимова 2013: 48].

Автономазию относят к тропам, представляющим собой гибриды перифразы и метафоры или перифразы, метафоры и метонимии, основанным на использовании имен собственных вместо нарицательных [Хазагеров, Ширинина 1999: 208-209]. Семантические модификации, происходящие с именами собственными при тропеическом использовании интересны в когнитивно-семиотическом плане. Имена собственные относятся к индексальным знакам, остенсивно указывающих на некий объект. В функции нарицательного существительного, в непрямой номинации, они «обладают индексальностью прототипического личного антропонима или топонима и сохраняют способность устойчиво ассоциироваться с единичным объектом. В то же время они расширяют свою референтную базу и начинают указывать на некую группу объектов по единому признаку (талантливый, умный, богатый и др.)» [Ирисханова 2015: 150], превращаясь в знак-символ. Семиотическое усложнение сопровождается концептуальным. То есть фактически автономазия относится к гибридным семиотическим сущностям, совмещающих индексальную и культурно-символическую знаковые функции [Ирисханова 2015: 150, 151].

Рассмотрим пример: И вот его правитель, некто князь Иван, довольно-таки нагло начинает именовать себя ни много ни мало, а царем. *То есть, натурально, Цезарем.* (АиФ, 01.04.2014)

В фокус внимания попадает онтологически важный признак: князь Иван – правитель, Цезарь – знаменитый государственный и политический деятель, остальные значения (полководец, писатель и др.) дефокусируются. Парцелляция не только способствует «высвечиванию» данного значения, но и поддерживает иронически-шутливый тон, взятый рассказчиком.

Приведем еще примеры из русского и французского корпусов:

– Не скрою, совсем недавно я знал буквально все, что надо немедленно о сделать со страной, чтобы жизнь в ней стала прекрасной. *Как Ленин, когда взбирался на броневик с четкой программой счастливого будущего.* (АиФ, 30.06.2000)

– Это как? А вот Польша в НАТО вступает. Стало быть, ты теперь в безопасности поживешь. *Как Ленин*. (Независимая газета, 12.07.1999)

– Превратить страну в импероподобное образование евразийского масштаба, то есть вернуть историческую Россию, создав вокруг нее «пояс безопасности», как Сталин во второй половине 1940-х. 7. Заложить фундамент для рывка в будущее и обеспечить военный щит для него – лет эдак на 50, на всю вторую половину XXI в. *Как Сталин в 1940-е для СССР второй половины XX в.* (Комсомольская правда, 04.04.2012)

– Le sixième président de la Ve République ne croit qu'à l'offensive, qu'à la vitesse, qu'à la surprise, qu'à la rupture et qu'à son propre charisme. *Comme Bonaparte durant son quinquennat consulaire (1799-1804)*. (Libération, 07.11.2007)

– Disons, qu'il les a mis en mots de manière particulièrement pugnace. Et il est vrai que cette pugnacité manque aujourd'hui. *Mais pas seulement la sienne. Celle de Coluche, celle de Desproges, aussi*. (Libération, 18.12.2007)

Приемы, построенные на интертекстуальных ассоциациях, вслед за В.П. Москвиным, мы рассматриваем как фигуры интертекста [Москвин 2007: 795].

Интертекстовые фигуры создаются с помощью приема использования фрагментов прецедентных текстов, прецедентных высказываний. В когнитивной лингвистике прецедентное высказывание определяется как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое; прецедентное высказывание неоднократно воспроизводится в речи» [Захаренко 1997: 83]. К числу прецедентных высказываний относятся цитаты из текстов различного характера, а также пословицы, поговорки [Красных 1997].

Прецедентное высказывание используются либо в исходном – каноническом виде (без изменения структуры), либо в трансформированном. Под трансформацией понимаем творческую переработку исходного прецедентного высказывания, намеренное изменение его структуры и семантики для адаптации к целям публикации. Трансформируя высказывание, автор опирается на презумпцию равенства его знания адресатом. В противном

случае, закладываемые им оттенки значений будут «не прочитаны» адресатом, ограничены горизонтальным контекстом.

Использование прецедентного высказывания является эффективным средством активизации внимания читателя и оптимизации аттрактивных свойств публикации. Как отмечает С.И. Сметанина, массмедийная речь напоминает игровое поле, а чтение массмедийных статей с прецедентными текстами «превращается в увлекательную забаву по разгадыванию связей между «сброшенными» на одно поле фишками из разных игр». «Журналист, переводя действие в разряд игры, рассчитывает на участие в ней читателя-партнера, разбрасывает по тексту знаки, вовлекающие в процесс чтения и увлекающие красотой игры» [Сметанина 2002: 19, 31].

Анализ корпуса позволяет утверждать, что конвергенция парцелляции и фигур интертекста проявляется чаще всего в заголовочной позиции. Как правило, это трансформированные прецедентные высказывания, выполняющие креативную, игровую функции, накладывающиеся на функцию рекламную (привлечения внимания). Парцелляции подвергаются поговорки, поговорки, фразы из песен или кинофильмов, высказывания известных людей и так далее:

– Faire venir ses vieux parents et convaincre son époux de les accueillir n'est pas une mince affaire. *Mais le jeu en vaut la chandelle, suggère ce roman doux-amer, au charme ambigu.* (Le Monde, 13.02.2014) – поговорка, значение которой: Cela vaut le coup, le résultat justifie le sacrifice consenti [Reverso: эл.изд.]¹⁶

– Похороны VHS не за горами. *А за морями* (Коммерсантъ, 10.10.2000) – апелляция к вступительному четверостишию сказки П.П. Ершова «Конек-горбунок»: «За горами, за лесами, за широкими морями...»

– Французам сказали, кто виноват. *Но не говорят, что делать* (Коммерсантъ, 10.05.2012) – апелляция к романам А.И. Герцена «Кто виноват?» и Н.Г. Чернышевского «Что делать?».

В следующем примере обыгрывается поговорка «В огороде бузина, а в Киеве дядька», причем эксплуатируется не значение этой поговорки: *Народн. Шутл.-ирон.* О полной бессмыслице, чепухе, нелогичности чьих-л. рассуждений. [Мокиенко, Никитина 2007: эл.изд.]¹⁷, а ее удобная, легко-

¹⁶ [http://dictionnaire.reverso.net/francais-definition/le jeu en vaut la chandelle] (дата обращения: 20.01.2023)

¹⁷ [http://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/34315/B] (дата обращения: 20.01.2023)

узнаваемая структура, содержащая сопоставление, которая «фаршируется» автором нужным смыслом. Парцелляция здесь применяется не столько для очерчивания фокусной зоны, сколько для привлечения внимания к парцеллеме в целом: В Душанбе закрыт аэропорт. *А в Киеве бастуют дядьки* (Коммерсантъ, 16.10.1999). В ряде случаев парцелляция направлена на создание эффекта неожиданности и контраста: Таможня дает «добро». *На вывоз нефти и металлов* (Коммерсантъ, 15.10.1999).

Выражение, составляющее основу парцеллемы, «Таможня дает «добро» – известная всем фраза из кинофильма «Белое солнце пустыни». Контраст создается за счет шутливо-иронического характера [Серов 2003: эл.изд.]¹⁸ основы и «серьезности» парцеллята. Здесь парцеллят способствует созданию интригующего заголовка, фокусирует внимание и задает тематику статьи, в которой речь пойдет об установлении жесткого таможенного контроля на границах Ленинградской области и Эстонии. Несмотря на постановление на всем протяжении границы продолжается незаконный вывоз из России металлов, нефтепродуктов и продуктов питания, так как таможня и пограничники контролируют только основные транспортные магистрали.

Примером конвергенции парцелляции и творчески переработанного прецедентного высказывания может служить следующая парцеллема, которая апеллирует ко всем известным с детства словам персонажа русских сказок Бабы Яги: «Избушка, избушка на курьих ножках, повернись к лесу задом, ко мне передом! (приказка)» [Даль 1989: эл. изд.]¹⁹: Cerutti повернется лицом к спорту. *К Голливуду задом* (Коммерсантъ, 15.10.1999).

В статье речь идет о продаже контрольного пакета акций известнейшего итальянского модного дома Черутти, который перед этим успешно сотрудничал с ведущими голливудскими кинокомпаниями. Его покупателем стал крупный итальянский концерн, настроенный изменить стратегию модного дома и освоить агрессивный спортивный стиль, ибо «только так можно чего-то добиться в моде в наши дни». Сложный комбинированный прием позволяет автору в оригинальной, яркой, иронично-грубоватой

¹⁸ Из кинофильма «Белое солнце пустыни» (1970), снятого режиссером Владимиром Мотылем по сценарию Валентина Ивановича Ежова и Рустама Ибрагимбекова. Используется как шутливо-иронический комментарий по поводу чьего-либо согласия, разрешения на что-либо и т. п. [http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2673/Таможня] (дата обращения: 18.01.2023)

¹⁹ http://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/19458/Избушка (дата обращения: 20.01.2023)

форме выразить свое несогласие с новыми владельцами Черутти, сожаление по поводу отказа от их знаменитых классических линий и транслировать эту позицию читателю.

Некоторые выражения неоднократно обыгрываются парцелляцией. В качестве примера можно привести известное прецедентное выражение, приписываемое генералу наполеоновской армии Пьеру Камбронну, которые, по легенде, он произнес на поле сражения в 1815 г. в Ватерлоо в ответ на предложение англичан сдаться и, таким образом, сохранить жизнь оставшимся в живых солдатам: «*La garde meurt mais ne se rend pas*» / «Гвардия умирает, но не сдается!» (см. [Bogoyavlenskaya, Nakhimova, Chudinov 2016]):

– *Liberté de la presse meurt. Mais ne se rend pas.* (Le Figaro, 03.01.2011).

– *La City plie. Mais ne se rend pas.* (Le Monde, 25.11.2014)

– Массовый игорный бизнес доживает в России последние дни. *Но без боя не сдается, придумывая варианты, как продлить свое существование.* (Российская газета, 25.07.2007)

– Октябрьская революция оставила его вне дипломатической службы. *Но Чиркин не сдается.* (Российская газета, 06.04.2014)

Таким образом, при конвергенции с антономазией и фигурами интертекста, вторичными знаковыми образованиями, кодирующими культурно-исторический опыт, в парцеллятной упаковке особым образом выводятся в фокус внимания этноязыковые аспекты значения этих знаков. В целом, «партнерство» с данными фигурами значительно расширяет конвергентный потенциал парцелляции, повышает креативность и привлекательность массмедийного текста.

Заключение

Регулируя внимание реципиента в глобальном формате дискурса, сосредотачивая его на фокусной зоне, парцелляция кодирует наиболее существенную и тематически значимую для последующего развертывания информацию. Функции парцеллятного знака в дискурсе можно разделить на общие и частные, связанные с их локализацией. К общим функциям относятся следующие: 1) парцелляция четко очерчивает границы фокусной зоны, тем самым несет информацию об иерархизации информации в формате предложения, облегчает понимание самого сообщения и целого ком-

плекса дискурсивных (инферированных) смыслов; 2) создает ракурс реконструирования адресатом референтного медиасобытия, представленного в тексте, его интерпретации; 3) кодирует информацию об интенциях, установках адресанта, его эмоциях и отношении к описываемому событию; 4) активизирует фоновые знания и представления адресата, стимулирует построение инференций, которые будут подтверждены или опровергнуты при чтении текста.

В дискурсе парцелляция может иметь различную локализацию, обуславливающую ее функциональное предназначение. В процессе анализа были выделены две группы локализации парцеллем: в сильных позициях текста (заголовочная, концовочная, в лиде, в лиде и концовке, сквозная) и интротекстовые позиции. Сопоставительный анализ позволил выявить ряд существенных сходств и различий в этой области. Сходства проявляются в преобладании интротекстовых позиций парцелляции и достаточно высокой частотности парцелляции в лидах и концовках. Специфику русского корпусного массива составляют сквозная и заголовочная парцелляция. Отсутствие парцеллем-заголовков во французском массмедийном дискурсе говорит, на наш взгляд, не столько о различиях в языках, сколько имеет социально-дискурсивную природу: в российской медиапрактике парцелляция массмедийного заголовка является конвенционально закрепленным и продуктивным способом «упаковки» данной сильной позиции текста, во французском же используются иные способы распределения внимания.

Парцелляция заголовка рассматривается нами как лингвокреативный прием формирования определенного, прагматически обусловленного, ментального образа медиасобытия с четко выделенной фокусной зоной. Проведенное исследование показало, что данный тип парцелляции предназначен для: привлечения внимания потребителей информации; фокусирования значимого аспекта макротемы медиасообщения; формирования ракурса восприятия и интерпретации; прогнозирования содержания текста.

Заголовочная позиция накладывает определенные ограничения на используемые модели и типы парцеллем. Парцеллятный заголовок строится по Модели 1А, ретроспективен, преимущественно малой протяженности, не может быть дистантным, в два раза чаще представляет собой симметрический парцеллят и преимущественно использует единую парцеллятную сетку. Ключевыми функциями парцеллятной «упаковки» лида являются уточнение фокуса макротемы в том случае, если он выражен недостаточно

эксплицитно в заголовке; эксплицирование значимого аспекта макротемы, если он не освещен в заголовке; детализация макротемы, заключающаяся в помещении в парцеллят фокусных микротем; включение в парцеллят информации о стратегии развертывании макротемы.

Конструктивные ограничения парцеллемы в лиде менее значительны: они могут быть различной протяженности, но только ретроспективны и примыкать к основе, быть «упакованными» в любую парцеллятную сетку, но содержать не более 3 парцеллятов и строиться преимущественно по линейному принципу.

Концовочная парцеллема суммирует или обобщает впечатления, оценки и мнения, подводит итог текста. Парцелляция в этой позиции позволяет очертить границы наиболее существенного с точки зрения адресанта аспекта, который предназначен для хранения в долговременной памяти адресата. Ограничений на типы парцеллятов в этой функции практически нет.

Обрамление статьи кольцевой парцеллемой (в лиде и концовке) – эффективный композиционно-стилистический прием, создающий своеобразную композиционно-речевую гармонию и усиливающий воздействующий эффект, так как в данных сильных позициях оказывается ключевая информация, особо выделяемая автором. Парцеллографемы, своеобразные «флажки» на границах фокусной зоны, действуют как некие дискурсивные инструкции, направляющие интерпретацию в «правильное» русло. Они сигнализируют о пласте имплицитной информации и требуют когнитивных затрат на ее освоение, но эти усилия в последующем компенсируются их экономией.

В глобальном дискурсивном блоке – абзаце – парцелляция может занимать различные позиции. Начальноабзачные парцеллемы наводят потенциальный фокус на новую микротему и нацелены на выполнение проспективной функции. Внутриабзачные парцеллемы участвуют в семантической прогрессии текста, выполняя ретроспективно-проспективную функцию. В финальноабзачной позиции парцеллемы часто выполняют роль промежуточных итогов, резюмируют содержание абзаца. Парцеллят фокусирует в таких случаях ретроспективно существенную деталь или аспект события, который представляется автору наиболее значимым. Однако финальноабзачная парцелляция может выполнять и ретроспективно-проспективную функцию, подготавливать дальнейшее развитие текста, находящегося на новом отрезке тематического движения, на новой ступе-

ни, то есть включать проекцию будущего абзаца. Специфичность межабзацных парцеллем состоит в том, что на основной части конструкции завершается горизонтальный уровень синтагматики абзаца, а синсематичный парцеллят перенесен на следующую самостоятельную ступень – в следующую глобальную структуру. Функция межабзацной парцелляции заключается в организации содержательной структуры текстового пространства – максимальная деавтоматизация внимания, осмысление семантических связей с последующим текстом.

Кроме перечисленных, в корпусах были зафиксированы также полноабзацные, разноабзацные и парцеллемы через подзаголовки, которые объединяет выделенность парцеллята в отдельный дискурсивный блок. Данный прием обусловлен прагматической установкой автора – визуально маркировать особую значимость того знания, которое он стремится донести до адресата. Сходства, выявленные в процессе сопоставительного анализа корпусов, заключаются в преобладании внутриабзацных парцеллем и соотносимой частотности финальноабзацных, начальнoабзацных и полноабзацных парцеллем. Различия состоят в различной встречаемости выделенных типов в корпусах. Наличие разноабзацных парцеллем является отличительной чертой русского корпуса. Французский корпус отличают парцеллемы через подзаголовки.

Парцелляция сопровождается и взаимодействует с различными языковыми средствами (лексическими и синтаксическими) распределения внимания, с различными стилистически окрашенными средствами, усиливающими выделенность парцеллятного сегмента, особенно в сильных позициях дискурса. Способность парцелляции к этому взаимодействию отражает ее конвергентный потенциал. Под конвергенцией при этом понимаем стремление различных разноуровневых языковых средств к сближению и взаимодействию в дискурсе для выполнения единой функции.

Как показало исследование, парцелляция активно взаимодействует с повтором, градацией, антитезой, синтаксическим параллелизмом и некоторыми другими фигурами и тропами, усиливающими аттракционный эффект парцеллемы. Одним из наиболее эффективных «партнеров» парцелляции в конвергенции является метафора. Анализу взаимодействия разных когнитивных механизмов и языковых средств и их роли в реализации авторских интенций в формате дискурса посвящен отдельный параграф, иллюстрирующий как в конкретном тексте парцеллятные фокусы образов

референта трансформируют его структуру, как происходит постоянное перефокусирование элементов. В этом процессе участвуют не только прямые и непрямые (вторичные) номинации образа референта, то есть лексические средства, но и грамматические. Активную роль играет парцелляция, которая находится с метафорой в отношениях взаимной поддержки.

В последнем параграфе проводится анализ конвергенции парцелляции, антономазии и фигур интертекста. Объединение последних продиктовано их принадлежностью к группе прецедентных феноменов. Антономазия относится к гибридным семиотическим сущностям, совмещающих индексальную и культурно-символическую знаковые функции. Конвергенция с антономазией усложняет когнитивно-семиотический план парцелляции позволяет направлять аттенциальный фокус на конкретные дискурсивные значения, дефокусируя остальные. Интертекстовые фигуры создаются с помощью приема использования фрагментов прецедентных текстов и высказываний. Конвергенция парцелляции и фигур интертекста является эффективным средством активизации внимания читателя и оптимизации аттрактивных свойств публикации. Парцелляции подвергаются пословицы, поговорки, фразы из песен или кинофильмов, высказываний известных людей и так далее. Это взаимодействие проявляется чаще всего в заголовочной позиции. Как правило, парцелляции подвергаются трансформированные прецедентные высказывания, выполняющие креативную, игровую, фатическую функции, накладывающиеся на функцию привлечения внимания.

Проведенное исследование показало, что парцеллемы являются универсальной языковым и дискурсивным средством аттенциального фокусирования, средством организации дискурса, проявляющим преимущественно сходства в конструктивном и семантическом устройстве, наборе моделей, когнитивной и функциональной нагрузке в таких разносистемных языках как французский и русский.

Считаем, что перспективным и важным в теоретическом и практическом аспектах является исследование феномена парцелляции в социолингвистическом и диахроническом аспектах, а также на материале других языков и дискурсов. Предлагаемая методология может быть применена при исследовании других средств фокусирования синтаксического и дискурсивного формата.

Словари и справочники

1. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998; последняя редакция 2014 г. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 684 с.
3. Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ, 1998. 304 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа (в 3 томах). М.: Художественная литература, 1989.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-слово-образовательный [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 15.01.2023).
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 784 с.
7. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Общая и частная классификации. Терминологический словарь. М.-Л.: НАНД, 2006. 2-е изд. 376 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1992. 944 с.
9. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локкид-Пресс, 2003. 880 с.
10. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
11. Dictionnaire des expressions françaises [Электронный ресурс]. URL: <http://www.expressions-francaises.fr/annuaire-expressions-francaises.html> (дата обращения: 15.01.2023).
12. Dictionnaire Reverso [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionnaire.reverso.net/> (дата обращения: 15.01.2023)
13. Encyclopédie Larousse [Электронный ресурс]. URL: <http://www.larousse.fr/encyclopedie> (дата обращения: 15.01.2023)
14. Ricalens-Pourchot N. Dictionnaire des figures de style. Paris: Armand Colin, 2011. 218 p.

Источники

1. Аргументы и факты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru/> (дата обращения: 15.01.2023).
2. Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 15.01.2023).
3. Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ural.kp.ru/> (дата обращения: 15.01.2023).

4. Московский комсомолец [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/> (дата обращения: 15.01.2023).
5. Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ng.ru/> (дата обращения: 15.01.2023).
6. Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://rg.ru/> (дата обращения: 15.01.2023).
7. L'Humanité [Электронный ресурс]. URL: <http://www.humanite.fr/> (дата обращения: 15.01.2023).
8. La Tribune [Электронный ресурс]. URL: <http://www.latribune.fr/> (дата обращения: 15.01.2023).
9. Le Figaro [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lefigaro.fr/> (дата обращения: 15.01.2023).
10. Le Monde [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lemonde.fr/> (дата обращения: 15.01.2023).
11. Le Parisien [Электронный ресурс]. URL: <https://www.leparisien.fr/> (дата обращения: 15.01.2023).
12. Libération [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liberation.fr/> (дата обращения: 15.01.2023).

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. науч. альманах / под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. Вып. 3. С. 5–13.
2. Алефиренко Н.Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории // Вестник ВятГГУ. 2008. № 2 (1). С. 75–78.
3. Алефиренко Н.Ф. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность // Медиалингвистика. 2016. № 1 (11). С. 49–58.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
5. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: Рохос, 2004. 208 с.
6. Богоявленская Ю.В. Объектно-ориентированный корпус в сопоставительных исследованиях // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: мат-лы междунар. науч. конференции. Екатеринбург, 26–30.09.2016. Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2016 с. С. 37–38.
7. Богоявленская Ю.В. Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен. Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2016 а. 180 с.

8. Богоявленская Ю.В. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных // Политическая лингвистика. 2016 б. № 4 (58). С. 163–166.

9. Богоявленская Ю.В. Проблема парцелляции во французской лингвистике: этапы и направления исследований // Политическая лингвистика. 2018 а. № 1(67). С. 202–212.

10. Богоявленская Ю.В. Ретроспективная и проспективная парцелляция в СМИ // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 88–93.

11. Богоявленская Ю.В., Маштельд М., Пайкин, К., Плотникова М.В. Метафорическая конструкция *PLUIE de + N* и ее русские эквиваленты: лингвистический и когнитивный аспекты // Политическая лингвистика. 2018а. № 4 (70). С. 137–146.

12. Богоявленская Ю.В. Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018 б. № 55. С. 5–16.

13. Богоявленская Ю.В., Чудинов А.П. Взаимодействие парцелляции и метафоры как средств аттенциального фокусирования в художественном и публицистическом дискурсах // Язык и культура. 2018б. № 41. С. 24–39.

14. Богоявленская Ю.В. Парцеллографема и парцеллятная сетка: корпусное исследование // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 1. С. 4–10.

15. Буженинов А.Э. Термины-метафоры в анатомической терминологии французского языка // Педагогическое образование в России. 2015. № 10. С. 124–128.

16. Ванников Ю.В. Явление парцелляции в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 529 с.

17. Гурьева Н.Н. Парцелляция как стратегия авторского дискурса в печатных СМИ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 216–223.

18. Дейк Т.А. ван Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 259–336.

19. Добрычева А.А. Парцелляция в прозе С. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2012. 21 с.

20. Дроняева Т.С. Новости в газете с точки зрения организации текста // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 2. М.: Изд-во «Московский университет», 2004. С. 307–326.

21. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. Вып. 1. М.: Диалог – МГУ, 1997. С. 82–103.

22. Зелепукин Р.О. Экспериментальное психологическое исследование восприятия парцелляции // Вестник МГОПУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2007. № 1. С. 34–39.

23. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
24. Казаченко О.В. Когерентность и когезия текста // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8 (27). Часть 2. С. 88–90.
25. Карасик В.И. Лингвосомиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. 2012. № 1. С. 43–50.
26. Карасик В.И. О типах дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://ruslang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> (дата обращения: 15.01.2023)
27. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук в форме научного доклада. М., 2003. 90 с.
28. Копнина Г.А. Риторические приемы современного русского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2003. 413 с.
29. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. Вып. 2. М.: Диалог – МГУ, 1997. С. 5–12.
30. Кузнецова Н.Н. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 594 с.
31. Литвиненко Е.В. Семантическое и синтаксическое осложнение структуры предложения в результате обособления и парцелляции его компонентов: опыт диахронического исследования: дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1984. 401 с.
32. Москвин В.П. О приемах смыслового акцентирования // Русская речь. 2006. № 2. С. 30–42.
33. Нахимова Е.А. Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 48–56.
34. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
35. Плотникова М.В. Стилистические фигуры противопоставления в балладах Франсуа Вийона // В мире научных открытий. 2012. № 4-4 (28). С. 24–34.
36. Плотникова М.В., Зеленина Т.И. Образ современной России во французском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 176–179.
37. Плотникова М.В., Скворцов О.Г. Метафорическая репрезентация концепта Мегзит в британском медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 298–302.
38. Сквородников А.П. Графон // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сквородникова. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 106–109.
39. Сквородников А.П. Рефлексы постмодернистской стилистики в языке российских газет // Русская речь. 2004. № 6. С. 68–76.

40. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования. Томск: Изд-во «Томский университет», 1981. 255 с.

41. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века: дис. ... д-ра. филол. наук. СПб., 2002. 378 с.

42. Суровенкова Л.С. Присоединение и парцелляция в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 185 с.

43. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций: Слов. ритор. Приемов. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 316 с.

44. Хаймурзина А.З. Прагматические аспекты парцеллированных конструкций в художественном тексте: на материале короткого рассказа: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2008. 27 с.

45. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000 гг.): монография. Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2001. 238 с.

46. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2005. 248 с.

47. Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 256 с.

48. Bogoyavlenskaya Y.V., Nakhimova E.A., Chudinov A.P. Precedent utterances in the national historical memory: a corpus study // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 39–48.

49. Bogoyavlenskaya Yu., Chudinov A., Nakhimova E., Plotnikova M. Napoleon in historical memory of Russia and France // 5th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018: Conference proceedings, Albena, Bulgaria, 26 авг. – 01 сент. 2018 года. Vol. 5. Issue 3.6. Albena, Bulgaria: Общество с ограниченной ответственностью СТЕФ92 Технолоджи, 2018. P. 397–406.

50. Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 288 p.

51. Budaev E.V., Chudinov A.P. Transformations of precedent text: metaphors we live by in academic discourse // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1 (50). С. 60–67.

52. Chafe W. Beyond beads on string and branches in a tree // Conceptual structure, discourse and language. Stanford, 1996. P. 49–66.

53. Chafe W. Discourse, consciousness and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago University Press, 1994. 392 p.

54. Combettes B. Les ajouts après le point: aspect syntaxiques et textuels // Parcours de la phrase / M. Charolles & al. eds. Ophrys, 2007 б. P. 119–131.

55. Gautier A. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la rection? // *Travaux de linguistique*. 2010. № 60. P. 91–107.

56. Givón T. *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. 2. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1984. 406 p.

57. Givón T. *Syntax: An introduction*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001. 500 p.

58. Givón T. *Bio-linguistics: The Santa Barbara Lectures*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. 382 p.

59. Givón T. *Context as other minds: The pragmatics of sociality, cognition and communication*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005. 285 p.

60. Kuyumcuyan A. Les compléments après le point, un problème de ponctuation? // *Les linguistiques du détachement* / D. Apothéloz & al., (éds.). Berne: Peter Lang, 2009. P. 30–50.

61. Langacker R.W. *A Dynamic Usage-Based Model* // *Usage-Based Models of Language* / ed. by S. Kemmer, M. Barlow. Stanford: CSLI Publications Center for the Study of Language and Information, 2000. P. 1–64.

62. Longacre R.E. *The Grammar of Discourse*. N.Y.: Plenum Press, 1983. 362 p.

63. Noailly M. L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique ? // *Figures d'ajout: phrase, texte, écriture* / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 131–145.

64. Sanford A.J.S., Sanford, A.J., Molle, J., Emmott, C. Shallow processing and attention capture in written and spoken discourse // *Discourse Processes*. 2006. № 2 (42). P. 109–130.

65. Talmy L. *Towards a Cognitive Semantics*. Vol. I: *Concept Structuring System*. Cambridge: MIT Press, 2001. 495 p. URL: <http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/talmy/talmyweb/TCS.html> (дата обращения: 15.01.20123).

66. Taylor J.R. *Linguistic categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford, 1995. 331 p.

М. В. Плотникова¹

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Введение

Активное развитие «новых медиа» значительно изменило культуру медиапотребления. Социальные сети предлагают социально-технологическую платформу не только для массовой коммуникации, но и для активного распространения информации. Однако активная цифровизация, помимо позитивного влияния на различные сферы жизни и деятельности общества, зачастую несет в себе серьезные риски не только для отдельного индивида, но и для общественной безопасности в целом. Информация мгновенно распространяется по медиaproстранству, а какие-либо информационные фильтры возможно применить лишь постфактум либо, зачастую, невозможно вообще. В актуальных условиях обилия дезинформации и других деструктивных манипулятивных приемов в публичном пространстве персональная ответственность каждого члена общества за распространяемую и потребляемую им информацию становится одним из важнейших составляющих обеспечения социального порядка.

Политика постправды, активно проводимая посредством «новых медиа», способствует формированию определенных идеологических установок, в том числе, в сфере социально-политических ценностей. Механизмы манипулирования общественным сознанием проявляют наибольшую эффективность в молодежной среде, где традиционные форматы СМИ стремительно утрачивают потенциал влияния. При этом основное отличие социальных медиа заключается в скрытом характере подобных манипуляций, а также, зачастую, в отсутствии какой-либо верификации транслируемой информации.

Широкая доступность и простота использования сети Интернет предоставила пользователям возможность для самовыражения и активного участия в коммуникации посредством различных средств связи. В связи с

¹ Кандидат филологических наук, доцент; Уральский федеральный университет им. первого Президента Б. Н. Ельцина; г. Екатеринбург, Россия.

этим меняется и стиль потребления информации: пользователи больше не хотят довольствоваться пассивной ролью потребителя, как делали это в течение нескольких веков со времен появления печатной прессы, а позже – радио и телевидения; аудитория стремится принимать полноправное участие в процессе коммуникации, оставляя за современными СМИ роль медиатора в многостороннем информационно-коммуникационном процессе. Приобщаясь к данному процессу и все больше углубляясь в него, отдельный пользователь уже не может дистанцироваться от медиaproстранства, становясь интегративной частью цифрового общества.

По данным *Mediascope*², в феврале-июле 2022 г. среднемесячная российская аудитория сети Интернет в возрастной категории старше 12 лет составила почти 103 млн. человек. За последние 5 лет этот показатель вырос на 18 %. В августе 2022 жители России ежедневно проводили в сети в среднем 3:41 часа, о чем свидетельствуют данные *Cross Web*. Молодые пользователи проводят онлайн значительно больше времени: до 6 часов в день в возрастной группе 12–24 лет; тогда как аудитория старше 65 лет пользуется Интернет-сервисами чуть больше 3 часов в день. Порядка 2/3 всего времени, которое россияне провели в сети в августе 2022, пришлось на 5 крупнейших категорий: социальные сети (20 % от всего времени за день), видео (19 %), мессенджеры (14 %), игры (10 %) и торговые площадки (3 %).

Неотъемлемым атрибутом успешности Интернет-контента стала визуализация. При этом печатный текст уступает все больше места графическим объектам. Визуальные образы получили активное распространение и в традиционных медиа. При этом в виртуальном пространстве картинка не только всегда сопровождает текст, а все чаще заменяет его. В последние десятилетия в среде психологов и педагогов для описания способа восприятия информации, характерного для поколений «миллениалов» и «зумеров», расхожим также является термин «клиповое мышление». Подобная специфика информационной культуры молодежи была успешно монетизирована в виде новых гибридных форм медиаконтента [Плотникова 2021]. Социальные сети активно привлекают молодежную аудиторию, умело используя разнообразный арсенал информационного контента. В связи с этим, учитывая доминирующий визуальный канал восприятия молодежи, представляющей основной контингент пользователей определенных Ин-

² https://mediascope.net/news/1503475/?sphrase_id=247370

тернет-сообществ, крайне широкое распространение в социальных сетях получают Интернет-мемы.

Находясь на стыке языка, массовой культуры, массовой коммуникации и цифровых технологий, Интернет-мемы представляют собой сжатые смысловые единицы, олицетворяющие «распространяемые медиа» [Jenkins 2013]. Хотя Интернет-мемы не считаются обычным средством общения, в онлайн-сообществах они все чаще используются именно для этой цели.

Теоретико-методологические основания исследования

В 70-е годы XX века в контексте активно возрастающего интереса исследователей к сфере психологии и различным эволюционным теориям вышла в свет научно-популярная книга британского биолога Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» (“The Selfish Gene”) (1976), излагающая геноцентричный взгляд на эволюцию. Согласно концепции автора, двигателем эволюции является развитие генов. В одной из глав книги Докинз вводит понятие «мема» («мимема») (греч. *mimesis* – подобие) для описания небольших единиц культуры, которые, подобно вирусам, передаются от человека к человеку путем копирования или подражания [Dawkins 2016].

Данный подход остается актуальным и в свете современного научного осмысления феномена Интернет-мема [Бочаров, Демидов 2020]. Отечественные и зарубежные исследователи изучают Интернет-мемы с точки зрения их сатирической [Kulkarni 2017] и коммуникативной [Канашина 2016; Rastogi, Kashyap 2019] функции, с точки зрения их социокультурной роли [Адясова, Ворошилова, Провкава 2018], их воздействующего потенциала [Канашина 2017; Heiskanen 2017; Huntington 2015; Kasirye 2019; Kulkarni 2017]. Кроме того, Интернет-мемы рассматриваются как креолизованные тексты [Левченко, Изгаршева 2018] и как один из феноменов, маркирующих преобладание политики постправды в массовой коммуникации [«Политика постправды» и популизм 2018: 75–85].

Интернет-мемы стали выполнять роль современного фольклора, генерируя и сохраняя коллективную онлайн-память, нормы и ценности которой конструируются посредством совместного создания культурных артефактов. Как и вирусы, Интернет-мемы стараются «выжить» в онлайн-пространстве, соревнуясь друг с другом по скорости распространения, постоянно видоизменяясь и передавая от человека к человеку некий объем информации. При этом для мемов характерна апелляция к популярным обра-

зам, темам и сюжетам, что способствует их активной экспансии в Интернет-сообществах. Одной из характерных особенностей Интернет-мемов также является самореференция – многократная коммуникативная отнесенность к самим себе. Эти культурные единицы, виртуально «встраиваясь» в «клетки памяти» пользователей сети, постепенно начинают формировать их представления о реальной действительности.

В постмодернистской картине мира текст и дискурс рассматриваются как системообразующие элементы действительности, а познавательные процессы – как сложная семиотическая система взаимосвязанных текстов. При этом негативный аспект постмодернистской философии заключается в том, что «новая философия» принципиально отрицает возможность достоверности и объективности, в результате чего, по мнению Жана Бодрийера, происходит разрыв между знаком и его объектом, знак превращается в самостоятельный объект, который посредством длинного ряда самокопирований полностью отрывается от реальности, которую он призван обозначать и образует виртуальную реальность, не имеющую ничего общего с подлинной реальностью [Baudrillard 1990]. Концепция Ж. Бодрийера о симулякрах как вымышленных притягательных образах, конструируемых культурой и медиа для замещения элементов реальной действительности, коррелирует с понятием постправды.

В 2016 г. авторский неологизм «постправда» (англ. – post-truth), впервые использованный в художественном произведении американским драматургом Стивом Тесичем при описании войны в Персидском заливе, был назван словом года Оксфордским словарем английского языка. Всплеск интереса к слову, существующему уже почти двадцать лет, был связан с особенностями проведения избирательной кампании кандидата в Президенты США Дональда Трампа. Однако задолго до прецедентных выборов в США в арабском мире произошли сразу несколько революций, вошедших в историю как Арабская весна, одним из катализаторов которых стала активная пропаганда в социальных сетях. Поняв, насколько сильным и массовым было воздействие через социальные сети, власти Туниса ограничили, а Египта и Ливии – полностью отключили Интернет на территории своих стран. Использование воздействующего потенциала дискурса социальных медиа дало свои политические плоды и на постсоветском пространстве. В 2013 г. в изначально политически нейтральных украинских пабликах социальных сетей, посвященных спорту, путешествиям, музыке,

юмору и пр. появился навязчивый «лавинообразный» поток политической пропаганды сторонников Майдана, что сыграло немаловажную роль в развитии революционного движения.

Социальные сети активно формируют цифровые онлайн-сообщества и рамки их действий, благодаря чему их все чаще рассматривают в ракурсе исследования социальных движений. С помощью сетевого подхода можно рассматривать различные временные отрезки жизненного цикла конкретного движения. Подобные движения все чаще отказываются от традиционного уличного протеста, активно образуя коллективные онлайн пространства генерирования политических смыслов. При этом протесты «выходят в офлайн» лишь на финальной стадии формирования.

Учитывая существующую в современной лингвистике устойчивую тенденцию к преобладанию дискурсивного анализа как одного из ведущих методологических подходов, философским основанием исследования также является идея Мишеля Фуко о дискурсе, как основном способе властного воздействия и влияния.

Рассмотрение Интернет-мемов как единиц конструирования действительности и артефактов цифровой культуры приводит нас к идее об эпистеме, также сформулированной Мишелем Фуко [Фуко 1994]. С учетом культурных и исторических когнитивных установок, автор выделяет три сферы эмпирического знания, имеющих общую «археологическую» структуру: биологию, экономику и филологию. Подобный подход встречается и у Ричарда Докинза, отождествлявшего биологические и социокультурные процессы.

Развивая идеи М. Фуко, американский политолог Джон Руджи ввел понятие эпистемиологического сообщества, контуры которого формируются эпистемой [Viltard 2006]. Под эпистемиологическим сообществом Д. Руджи, а затем и его последователь Питер Хаас, понимали социальную общность, характеризующуюся сходным восприятием социальной реальности, разделяющих сходные символы и образцы, имеющих совместные ожидания и намерения, обладающих определёнными компетенциями [Haas 1992].

Распространяемые медиа, такие, как Интернет-мемы – это очень удобный инструмент для гражданской коммуникации посредством массовых действий, поскольку он значительно снижает стоимость политических кампаний и позволяет охватить аудиторию за пределами их обычной демографической группы [Jenkins 2013]. При этом Интернет-потребители

превратились в производителей контента, социальные платформы предоставили пользователям более широкие возможности для совместного творчества и активного участия в политических процессах. Подобные тенденции обозначили поворот к партиципативной политической культуре (культуре участия).

Генри Дженкинс выделяет следующие характеристики культуры участия: относительно низкие барьеры для творческого самовыражения и гражданской активности; активная поддержка творчества и обмена своими творениями с другими, неформальный тип наставничества, когда то, что знают самые опытные, передается новичкам; участники считают, что их вклад имеет значение; члены сообщества чувствуют некоторую степень социальной связи друг с другом [Jenkins 2006]. В культуре участия социальное производство смысла – это нечто большее, чем приумножение индивидуальной интерпретации; качественное отличие состоит в том, как мы осмысляем культурный опыт. В этом смысле культура участия представляет собой глубокое переосмысление грамотности. Грамотность предполагает не только культуру потребления информации, но и активный вклад в формирование социальных установок и связной картины мира. Именно этот новый тип культуры обусловил появление и столь широкое распространение социальных медиа.

Вирусный характер Интернет-мемов, высокий потенциал их влияния, в особенности, в молодежной среде, а также отнесенность политических Интернет-мемов к инструментам реализации политики постправды во многом определяют методологический подход данного исследования. Мемификация как феномен политического кодирования рассматривается нами в русле лингвоэкологического подхода.

Возникновение и активное развитие новой лингвистической дисциплины – лингвоэкологии, основывающейся на представлении о языке как о саморегулирующейся системе, все компоненты которой взаимосвязаны и взаимообусловлены, соответствует актуальным направлениям развития социально-гуманитарных наук. В рамках данного исследования лингвоэкология, а именно, экология медиадискурса, рассматривается как часть социальной экологии. Данный ракурс исследования определяет рассмотрение экологичности медиадискурса как важнейшего компонента обеспечения социального порядка, обуславливающего гармоничное сосуществование различных социальных институтов.

Помимо защиты языка, как основной функции лингвоэкологии, в круг ее исследовательских задач входит изучение угроз, которым язык подвергается извне и источником которых он является. В русле лингвоэкологического подхода рассматриваются такие деструктивные коммуникативные явления как речевое манипулирование, информационные войны, речевая агрессия и коммуникативные конфликты. Речевое манипулирование как проявление диссонанса экологичности медиадискурса лежит в основе феномена постправды.

Обращение к лингвоэкологическому подходу в изучении влияния медиадискурса на трансформацию современной политической коммуникации также обусловлено стремлением к проведению исследования междисциплинарного характера; лингвоэкология, представляя собой синтезированную форму подходов к изучению действительности посредством языка в рамках одной научной дисциплины, позволяет успешно сочетать методологию различных дисциплин социально-гуманитарного цикла.

Лимор Шифман рассматривает бихевиористскую модель функционирования Интернет-мемов. Согласно концепции автора, носитель мема и сам мем неразделимы: мем не существует вне событий, практик и текстов, в которых он появляется; следовательно, он всегда воспринимается как закодированная информация. Если бы мемы действительно были лишь абстрактными единицами информации, их было бы невозможно отделить от их проявления во внешнем мире. Определение мемов как конкретных единиц позволяет эмпирически изучать их эволюцию и распространение [Shifman 2014].

Релевантным для данного исследования является понятие мультимодальности. Вслед за А.А. Кибриком мы рассматриваем термин «мультимодальный» с опорой на понимание модальности, принятое в психологии, нейрофизиологии и информатике: модальность – это тип внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом [Кибрик 2010: 135]. Мультимодальность представляет коммуникацию как совокупность различных модусов (кодов), совокупность которых создает сообщение. В медиадискурсе мультимодальность рассматривается как совокупность средств передачи информации. Различные сочетания модусов способны усилить воздействие сообщения на реципиента. Данные особенности мультимодальности позволяют расширить предметное поле традиционной лингвистики и, следуя идеям М.А.К. Холлидея,

рассматривать взаимодействие различных знаковых систем как социальную семиотику [Halliday 1978]. При этом категории социальной семиотики «включают в себя как материальные средства, модусы (modes), так и нематериальные – концептуальные средства, категории, которые формируют социальный и культурный мир. Это категории для представления сущностей, действий и отношений; это жанры, фреймы, формы текстуального связывания (forms of cohesion); категории осмысления времени, пространства; виды реализма и фактуальности и т.д.» [Кресс 2016: 83].

Как отмечают Т.А. Гридина и Н. И. Коновалова, «поликодовый текст, представляя собой сложное семиотическое образование, предполагает многослойность его восприятия – как в плане лингвистической техники, так и в плане считывания когнитивных и социокультурных пропозиций, лежащих в его основе» [Гридина, Коновалова 2022: 50]. Поликодовый (мультимодальный) текст создает особое концептуальное пространство, где каждый из задействованных модусов усиливает потенциал воздействия на реципиента. Чем большее количество модусов содержит поликодовый текст, тем выше его суггестивный эффект.

Материалом исследования выступили Интернет-мемы, отобранные методом сплошной выборки в публикациях различных сообществ социальной сети ВКонтакте (<https://vk.com/>). Интернет-мемы рассматриваются нами как поликодовые (мультимодальные) тексты, содержащие визуальный (графический, иконический) и текстовый компоненты.

Стоит отметить, что далеко не все Интернет-мемы обладают манипулятивным потенциалом и создаются с целью влияния на общественное мнение; основными функциями большинства мемов являются ироническая функция и функция привлечения внимания благодаря визуализации и редупликации какой-либо информации. Исходя из этого, в центре внимания данного исследования находятся преимущественно политические Интернет-мемы, обладающие несомненным влиянием на реципиентов.

Под *политическим* Интернет-мемом мы понимаем креолизованный поликодовый текст Интернет-коммуникации, основной функцией которого является имплицитное эмоциональное воздействие на реципиента с целью формирования определенного политического убеждения. Манипулятивное воздействие политических Интернет-мемов позволяет классифицировать их как деструктивные элементы политической коммуникации.

Политические Интернет-мемы следует отличать от нейтральных Интернет-мемов, интерпретирующих политическую тематику, основной функцией которых является создание иронического эффекта и привлечение внимания реципиентов. При этом манипулятивный и оценочный потенциал в данной категории Интернет-мемов практически отсутствует.

Л. Беннет и А. Сегерберг полагают, что мемы служат ключевым связующим звеном между личным и политическим, поскольку они основаны на общих схемах, требующих, однако, некоторых изменений. Мемы позволяют гражданам участвовать в коллективных действиях, сохраняя при этом чувство индивидуальности [Bennet, Segerberg 2012]. Таким образом, связующая роль мемов является политическим проявлением сетевого индивидуализма. Однако персонализация политических мемов выгодна не только тем, кто их распространяет; персонализированные мемы также служат риторике политических движений [Shifman 2014].

Принимая во внимание социолингвистический вектор исследования, в работе задействован метод социолингвистической интерпретации, которая позволяет выявить корреляцию между лингвистическими и экстралингвистическими данными, функциональную нагрузку изучаемых явлений, а также потенциал их влияния на различные социальные группы с учетом полученных данных.

Рабочим инструментарием отбора материала исследования выступает контент-анализ. Подходом к анализу материала исследования выступает метод case study, где на основе анализа внутренней сущности единичного случая определяется связь частного и общего.

В качестве интегративного общенаучного методологического подхода, обеспечивающего междисциплинарный характер исследования, в проекте использован когнитивно-семиотический анализ.

Интернет-мемы как средство дискредитации

Политическая дискредитация служит не только целям проведения предвыборных кампаний. Как отмечает Н.Б. Руженцева, провокационно-манипулятивный характер является важнейшим признаком политического дискурса [Руженцева 2004: 12–13]. Сегодня дискредитирующие тактики и технологии все чаще используются для внутривнутриполитических целей. Ресурс социальных сетей способствует наиболее эффективной реализации кампа-

ний по дискредитации политических лидеров и иных политических сил [Богоявленская 2021].

Рассмотрим манипулятивный характер политических Интернет-мемов на примере популярного Интернет-мема 2016–2020 гг. Directed by Robert V. Weide. Материалом исследования выступили Интернет-мемы, отобранные методом сплошной выборки в публикациях различных сообществ социальной сети ВКонтакте (<https://vk.com/>). Авторы многочисленных Интернет-мемов позаимствовали заставку американского ситкома «Умерь свой энтузиазм» (“Curb Your Enthusiasm”), герой которого постоянно попадает в неловкие ситуации. Сериал весьма успешен у зрителей, имеет несколько престижных премий, таких как «Эмми» и «Золотой глобус», однако всемирную известность шоу получило благодаря появлению в 2015–2016 гг. Интернет-мема (рис. 1), зачастую сопровождаемого музыкальной темой сериала.

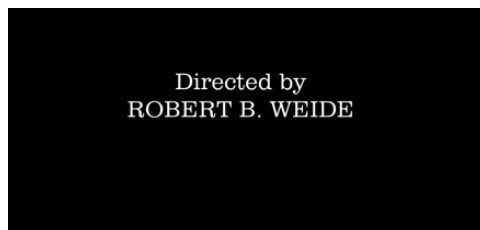

Рис. 1

Данный Интернет-мем можно рассматривать как поликодовый текст, обладающий признаками концептуальной метафоры, поскольку он имеет прочную ассоциативную основу, позволяющую соотносить его с определенными жизненными обстоятельствами (неловкие ситуации), являясь синтезированной формой визуального, акустического (в случае Интернет-мемов – подразумеваемого), графического и мыслительного кодов.

В зависимости от сопутствующего графического сопровождения (текстовый и/или визуальный компонент) мем может быть использован как нейтральный (рис. 2) или политический (рис. 3).

В РОССИИ 10:55 01 апреля 2020

В Липецкой области пройдет автомобильный крестный ход против коронавируса

12 апреля 2020 13:32

В Липецке крестный ход против коронавируса отменили из-за коронавируса

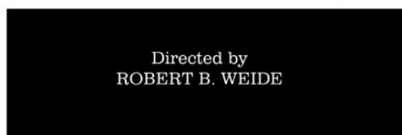

Рис. 2

Путин отметил, что российская экономика адаптировалась к внешним шокам

14:27 19.02.2019 (обновлено: 18:22 03.03.2020) 432

ПОСЛЕДНИЙ СЛУЖЕБНЫЙ ВЫЕЗД И СЛУЖЕБНУЮ КОМАНДИРОВКУ

Российский рынок пережил очередное падение на фоне дешевающей нефти

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Падение нефти до \$25 за баррель обвалило российский рынок

Доллар вырос, евро достиг 88 рублей, курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Курс евро достиг 88 рублей, а курс доллара вырос

Представьте, что у вас огромная 140-комнатная квартира, но ремонт более-менее в 1-2 комнатах, там же и отопление и водопровод и светло и сухо, а что в остальных 138 комнатах – вы уже с трудом даже представляете. Но это фигня. Главное, что у вас огромная квартира.

Это и есть Россия.

Рис. 4

Рис. 5

В целях политического манипулирования мем используется преимущественно в негативных контекстах для создания уничижительного и дискредитирующего образа России (рис. 4). Для этого был создан российский вариант данного мема, где прецедентная надпись «Directed by Robert V. Weide» наложена на очертания карты Российской Федерации (рис. 5).

Стоит отметить, что российская версия мема подверглась жесткой критике в социальных сетях по фактическому основанию: на данной версии карты в состав России уже входит Крым.

Среди признаков проявления политики постправды при использовании данного мема можно отметить его сопровождение не соответствующей действительности или не вполне достоверной текстовой информацией [Плотникова 2020].

Так, на одном из мемов (рис. 6) представлена прецедентная ситуация, послужившая резонансным информационным поводом в российских СМИ и социальных сетях: красноярский студент, член партии ЛДПР Владислав Антонов выиграл муниципальные выборы, при этом опередив кандидата от «Единой России», и на следующий день после проведения голосования получил повестку в армию. В действительности же Владислав Антонов имел отсрочку от несения воинской службы до окончания обучения в 2021 г.; повестка носила предупредительный характер для уточнения данных воинского учета.

Рис. 6

Рис. 7

На другом меме (рис. 7) также представлен широко известный исторический прецедент. В 1943 г. супруга премьер-министра Великобритании баронесса Клементина Огилви Спенсер-Черчилль обратилась к руководству СССР с просьбой разрешить ей оказать помощь какому-либо госпиталю Советского Союза, и, получив разрешение, посетила Ростов-на-Дону. Гуманитарная помощь госпиталям города в виде медицинского оборудования общей стоимостью более 400 000 фунтов стерлингов включала в том числе и металлические кровати. Однако в данный момент кровати используются лишь в клинике Ростовского государственного медицинского университета в целях сохранения исторического наследия лечебного учреждения.

Подобные противоречивые контексты использования, тем не менее, не влияют на популярность мема, проживающего нетипично долгую «жизнь». Новая волна интереса к данному Интернет-мему была спровоцирована эпидемией коронавируса и последовавшими за ней экстраординарными

событиями и мерами, серьезно повлиявшими на жизнь мирового сообщества: 2020 год назван годом, срежиссированным Робертом Б. Уайди. При этом, как и другие популярные мемы, данный мем успешно коммерциализуется в виде разнообразного «мерча» (рис. 8, 9), а значит, усиливает свою узнаваемость и потенциал влияния.

Рис. 8

Рис. 9

Интернет-мемы о коронавирусе

Пандемия коронавирусной инфекции положила начало периода социальной турбулентности. Беспрецедентные для всех ныне живущих поколений социальные ограничения не могли не вызвать активную реакцию в Интернет-пространстве. Кроме того, эпидемиологическая ситуация способствовала ускорению процесса цифровизации культуры и более активному приобщению различных возрастных групп к использованию социальных медиа, временно ставших основным посредником коммуникации.

Однако подобная социальная напряженность в полной мере выявила национально-специфичные особенности восприятия и отношения к проблемным ситуациям, отраженные, в том числе, и в поликодовых текстах. Рассмотрим популярные Интернет-мемы о коронавирусе с точки зрения их прямой (иронической) и манипулятивной (дискредитирующей) функций.

В анализируемых Интернет-мемах о пандемии коронавируса можно выделить несколько тематических групп, отражающих субтемы, вызвавшие наибольший общественный резонанс.

Одной из наиболее острых социальных проблем, вызвавших значительные разногласия в российском обществе, стала вакцинация. Неудивительно, что именно в рамках данной темы наблюдается наибольший манипулятивный потенциал. При этом вакцинация стала и центральным сюжетом Интернет-мемов, выполняющих ироническую функцию.

Так, на рис. 10 и 11 представлены иронические Интернет-мемы. Рис. 10 высмеивает многочисленные варианты вакцин, которые становятся неэффективными при появлении новых штаммов коронавируса. Отметим, что пандемия коронавируса повлекла за собой появление Интернет-мемов, отражающих ироничное отношение россиян к самим себе. В частности, рис. 11 иронично подчеркивает особенности мотивации москвичей к вакцинации: многие россияне прививались только ради того, чтобы свободно вести привычный образ жизни. Тем не менее, данные мемы не содержат элементов дискредитации и не призывают пользователей к какому-либо политическому действию, а значит, могут расцениваться как нейтральные.

Рис. 10

Рис. 11

Коммуникативная цель манипулятивных Интернет-мемов о вакцинации, как правило, состоит в дискредитации российских вакцин (рис. 12). Подобные мемы содержат имплицитный призыв к отказу от вакцинации, а значит, расцениваются нами как политические. При этом один и тот же иконический (графический) элемент Интернет-мема может использоваться как в нейтральных (рис. 10), так и в дискредитирующих контекстах (рис. 13).

Рис. 12

Рис. 13

Самоирония россиян, выраженная в Интернет-мемах, отражает реальные поведенческие паттерны, присущие нашим соотечественникам. Так, уже упоминаемая ранее беспечность по отношению к своему здоровью, подчеркивается и в Интернет-мемах, посвященных карантинным ограничениям (рис. 14, 15).

Рис. 14

**НЕДЕЛЯ ВЫХОДНЫХ В РОССИИ
ОЖИДАНИЕ:**

РЕАЛЬНОСТЬ:

Рис. 15

Кроме того, Интернет-мемы активно задействуют языковую игру, иронично обыгрывая этимологию слова «коронавирус» (рис. 16, 17):

Я: Не могу прийти на работу.
Начальник: Почему?
Я: Подхватил корона вирус

Рис. 16

КОРОНАВИРУС В РОССИИ

Рис. 17

Российский Рунет, помимо активного использования международных графических элементов Интернет-мемов (рис. 10, 13, 16), успешно развивает и собственные сюжеты. Значительный интерес в данном контексте вызывает российский паблик «Страдающее Средневековье» в социальной сети ВКонтакте (467 тыс. подписчиков). Паблик, созданный студентами-историками, предлагает своим подписчикам Интернет-мемы, созданные на основе средневековых картин и иллюстраций, которые сопровождаются актуальными юмористическими подписями. Популярность сообщества отражает запрос пользователей Рунета на интеллектуальный юмор. Подобная успешность позволила авторам производить собственный «мерч» – разнообразные товары с символикой проекта, что свойственно только самым популярным мемам [Плотникова 2020]. Кроме того, авторы издают научно-популярную литературу о Средневековье. Сюжеты данного Интернет-сообщества широко распространяются в сети и используются в качестве графического элемента при создании других мемов. Так, графический элемент, опубликованный в данном сообществе, был использован при создании Интернет-мемов, посвященных коронавирусной тематике (рис. 18):

Рис. 18

Как было отмечено ранее, Интернет-мемы могут отражать политическую тематику, являясь при этом политически нейтральными. Так, на рис. 19 представлены политические деятели, однако данный Интернет-мем, освещ-

щающий тему происхождения коронавируса, не содержит политических призывов, политической агитации или дискредитации, выполняя ироническую функцию.

Рис. 19

Интернет-мемы о «Дворце Путина»

Ярким примером манипулятивной риторики политических Интернет-мемов могут послужить мемы о «дворце Путина». 19 января 2021 г. на портале YouTube вышел ролик Фонда борьбы с коррупцией³ под названием «Дворец для Путина. История самой большой взятки», где сообщается о якобы принадлежащем Президенту России дворце, расположенном в окрестностях г. Геленджик, приобретенном в результате реализации коррупционной схемы. При этом в ролике не приводятся прямых доказательств принадлежности данного объекта В.В. Путину, а при демонстрации так называемых «интерьеров дворца» авторы активно задействуют компьютерное моделирование. 25 января 2021 г. в ходе онлайн-встречи с российскими студентами Президент России заявил, что данный объект недвижимости не принадлежит ни ему лично, ни его близким или родственникам, подчеркнув, что прецедентное видео снято с целью манипуляции общественным сознанием.

³ Запрещенная в России экстремистская организация.

При этом выход видеоролика совпал с возвращением Алексея Навального в Россию после предполагаемого отравления и лечения в Германии и его последующим задержанием. В заставке к ролику звучат призывы к участию в акции протеста 23 января 2021 г. против ареста оппозиционного блогера.

Данный видеоролик послужил безусловным триггером роста социальной напряженности в России. Популистские манипулятивные тактики, построенные на дихотомии «богатых» и «бедных» служат универсальным механизмом развития протестного мышления со времен Великой французской революции. В эпоху тотальной цифровизации современного медиапространства и доминирования политики постправды проверенные политтехнологии становятся еще более эффективными: ролик о «дворце Путина» стал главной темой обсуждения в социальных сетях на протяжении нескольких дней.

В качестве примера, рассмотрим однотипные вирусные мемы о «дворце Путина», которые на протяжении нескольких недель размещались в социальной сети ВКонтакте (сообщества «Лепрозорий», «В приколе» и пр.).

Анализ позволил выделить несколько тематических групп подобных мемов, в соответствии с потенциалом их влияния, исследуемым при помощи метода невключенного наблюдения за комментариями и иными реакциями пользователей, послужившими откликом на соответствующие мемы.

К наиболее влиятельным с точки зрения генерирования протестных настроений в обществе можно отнести мемы, созданные с использованием элемента рассмотренного выше популярного мема Рунета Directed by Robert V. Weide (рис. 20, 21). Подобную популярность можно объяснить широкой узнаваемостью иконического элемента мема, обуславливающей вирусный характер подобных креолизованных текстов. При этом графическая часть мема оказывает меньшее влияние, поскольку число «лайков» и комментариев к различным вариациям текста отличается несущественно.

Рис. 20

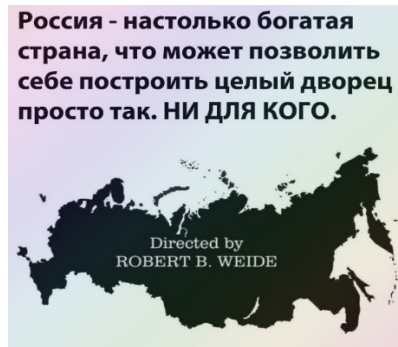

Рис. 21

Весьма распространённым видом мемов, отражающих исследуемую тематику, являются мемы с выраженным ироническим компонентом, где интерпретируется тема принадлежности дворца (рис. 21, 22, 23). Подобные мемы созданы с учетом основной традиционной функции Интернет-мема – создания иронического эффекта, чем объясняется их популярность у значительного количества пользователей, а значит, высокий манипулятивный потенциал.

Путин заявил, что дворец ему не принадлежит и никогда не принадлежал

Дворец:

Рис. 22

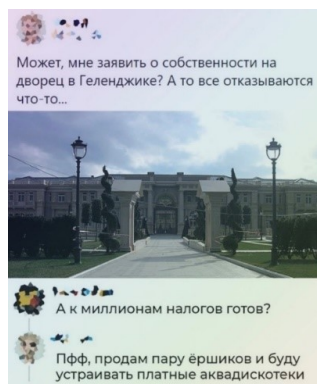

Рис. 23

Наконец, широкое распространение получили мемы, посвященные самым неординарным и узнаваемым объектам «дворца» – «аквадискотеке» и «комнате грязи». Неоднозначность наименований данных помещений вы-

звала шквал споров о реальности их существования и возможностях использования, став излюбленным объектом шуток пользователей Рунета.

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

Рис. 26

Учитывая значительный иронический потенциал самих интерпретируемых объектов, среди данной категории мемов было обнаружено наибольшее количество политически нейтральных (рис. 23, 24, 25). Тем не менее, встречаются и политические мемы с высоким суггестивным потенциалом (рис. 26).

Рис. 27

Рис. 28

При этом ряд пользователей после опубликования многочисленных опровержений обратили внимание на обилие графических эффектов и недостаточную достоверность информации, представленной в видео, что также нашло отражение в социальных сетях в виде иронических мемов (рис. 27, 28).

Интернет-мемы об антироссийских санкциях

Уже более десяти лет Россия испытывает беспрецедентное санкционное давление со стороны западных и других присоединившихся стран. Большинство из введенных санкций формально были связаны с ситуацией украинского кризиса, однако значительная часть ограничений не имела под собой очевидных оснований.

Впервые в новейшей истории России санкции со стороны США и Европейского союза были введены в 2012 г. в связи с так называемым «делом Магнитского». Санкции включали в себя политические и экономические ограничения, действующие в отношении отдельных лиц и организаций. В 2014 г. санкции были расширены в связи с присоединением Крыма. В 2016 г. были введены антироссийские санкции, связанные с предполагаемой поставкой ядерного оружия КНДР, Сирии и Ирану. Затем, в 2017 г. были введены санкции за предполагаемое вмешательство России в президентские выборы в США. В 2018 г. вводились санкции в связи с прецедентным «делом Скрипалей». В 2021 г. санкции были связаны с арестом

Алексея Навального. Наиболее серьезные санкции, затрагивающие всю экономическую систему Российской Федерации, включая внешнюю торговлю, энергетику и банковский сектор, были введены в 2022 г. в связи с началом военной спецоперации на Украине. Кроме того, под санкциями оказались не только политики и руководители крупных компаний, но и российские деятели культуры, телеведущие, а также рядовые граждане страны, столкнувшиеся с ограничениями в сферах авиаперевозок, визовой политики, банковских услуг, программного обеспечения и многих других. Санкционные пакеты разрабатываются и по сей день, что породило расхожую в российском публичном пространстве шутку про «пакет с пакетами».

Безусловно, подобная ситуация вызвала живой отклик в сети, что в полной мере отражает и отношение российского общества в целом. Политика санкций выявила еще одну характерную черту российского общества: консолидация перед лицом внешней угрозы и ироничное отношение к проблемным ситуациям.

Интернет-мемы, отражающие тематику антироссийских санкций, можно классифицировать по тематической принадлежности (субтема) и прагматической установке.

Наибольшее число мемов данной тематики посвящено уходу зарубежных брендов и компаний с российского рынка. В частности, в данных поликодовых текстах подчеркивается малая эффективность подобных санкционных мер и негативный эффект от введенных ограничений для тех стран и компаний, которые их принимают (рис. 29, 30).

Рис. 29

Ютуб: Мы отключаем рекламу в России!

Россияне: Наконец-то можно выключить блокировщик рекламы

Ютуб:

Рис. 30

Значительная часть подобных мемов в качестве графического (иконического) компонента текста содержит символ, ассоциативно связанный с уходящими компаниями (рис. 31, 32).

Рис. 31

**ОНИ МОГУТ ОТОБРАТЬ
У НАС МАКДОНАЛДС, НО
ЕЁ НЕ ЗАБЕРУТ НИКОГДА!**

Рис. 32

Одной из особенностей Интернет-мемов, позволяющей использовать их в качестве средства коммуникации, является гибкая референтная отнесенность. Мемы способны очень быстро менять тематику, перенося фокус внимания реципиента с одного референта на другой путем метафоризации. Это происходит как в поле графического, так и текстового компонента мема. Данную особенность можно объяснить существующей в цифровой культуре тенденцией к «экономии внимания»: знакомые сюжеты воспринимаются пользователями сети лучше и быстрее распространяются. Соответственно, существующие компоненты мемов начинают использоваться в иной коммуникативной ситуации. Так, Интернет-мемы, посвященные антироссийским санкциям, начали использоваться в контексте иных ситуаций общения (рис. 33, 34).

Рис. 34 также отражает еще одну отличительную черту Интернет-мемов – широкое использование прецедентности. Мемы активно тиражируют популярные прецедентные феномены и ситуации, при этом, как было отмечено выше, часто меняя их референтную отнесенность.

— Почему ты ничего не делаешь на работе?

— Я приостановил свою деятельность на территории России.

Рис. 33

COVID-19 ОТЗЫВАЕТ СВОИ ШТАММЫ И ПРЕКРАЩАЕТ РАБОТУ В РОССИИ

Рис. 34

Помимо рассмотренного иронического использования Интернет-мемов, посвященных санкциям, в сети встречаются и случаи манипулятивного, дискредитирующего использования подобных поликодовых текстов.

В данных Интернет-мемах обнаруживается типичный для определенной части российского публичного пространства нарратив бедственного экономического положения россиян и до введения санкций (рис. 35, 36).

НОВОСТИ: Еврокомиссия запретила экспорт в Россию автомобилей дороже 50 000 евро.

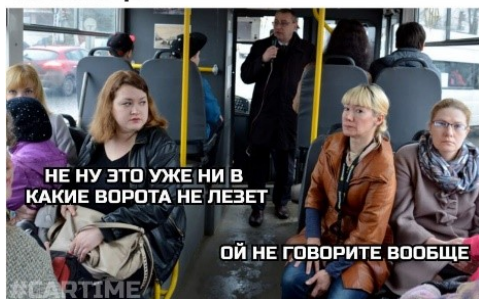

Рис. 35

Алексей Ковальков
4 дн. · 🌐

Советы, как выжить при санкциях. Пересест с личного транспорта на общественный, обедать не в кафе, а баночку на работу приносить, продукты покупать по акции, одежду — на распродажах, в кино ходить не чаще одного раза в месяц... Вопрос! А если я до санкций так жил, что делать?

Рис. 36

Кроме того, Интернет-мемы дискредитируют национальную экономику и валюту. Например, один из наиболее популярных мемов рассмотренного ранее Интернет-сообщества «Страдающее Средневековье» (рис. 37) приобрел свою «санкционную» вариацию (рис. 38).

Рис. 37

Рис. 38

Отметим, однако, что Интернет-мемы, интерпретирующие средневековые сюжеты, используются и в иронических контекстах. Помимо узнаваемого иконического компонента, на рис. 39 представлено прецедентное имя – название известного фильма, связанного с тематикой моды, а также присутствует упоминание известного бренда, покинувшего российский рынок:

Дьявол больше не носит Prada. Дьявол даже N&M больше не носит. Теперь дьявол будет носить белорусский трикотаж.

Рис. 39

Политически не нейтральными расцениваются нами и Интернет-мемы, посвященные ответным санкциям России (рис. 40, 41).

РОССИЯ ВВЕЛА ОТВЕТНЫЕ САНКЦИИ ПРОТИВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУКОВОДСТВА ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ ИЗ-ЗА ДЕЛА НАВАЛЬНОГО.

ПОХОЖЕ, НЕМЕЦКИЕ И ФРАНЦУЗСКИЕ ЧИНОВНИКИ НАВСЕГДА ПОТЕРЯЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОСЕЩАТЬ КУРОРТЫ ЧЕЛЯВИНСКА, А ИХ ДЕТИ МОГУТ ЗАБЫТЬ О ПОЛУЧЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРЕСТИЖНЫХ ВУЗАХ САРАТОВА

Рис. 40

Рис. 41

Высмеивание контрсанкций в данном контексте носит дискредитирующий, уничижительный характер, соответственно, подобные Интернет-мемы обладают значительным манипулятивным потенциалом.

Поликодовые тексты и экстремизм

В 2019 г. А.П. Сковородников обратился к исследованию вербальной эмоциональной реакции, которую можно назвать сверхсильной речевой агрессией, воплощающей такие «категориальные эмоциональные ситуации» (термин В.И. Шаховского), как ненависть, бешенство, ярость (см.: [Шаховский 2008]), и, главное, такую субъективную модальность, как желание смерти, уничтожения объекта эмоции. Опираясь на теорию злокачественной агрессии – некрофилии – Эриха Фромма, в качестве обозначения сверхсильной речевой агрессии автор предлагает термин лингвонекрофилия. Лингвонекрофилия – это такая разновидность речевой (вербальной, словесной) агрессии, для которой характерна интенция морального и/или физического уничтожения объекта негативации, сопровождаемая эмоциями враждебности, ненависти и презрения; реализуемая в модальностях цинизма, глумления, кощунства, сарказма, клеветы, очернения, уничтожения; тяготеющая к воплощению в некоторых речевых и литературных жанрах (например, в речевом жанре проклятия и литературном жанре памфлета) и в совокупности этих признаков результирующая текстом с запредельным нарушением этической нормы [Сковородников 2019]. Вслед

за А.П. Сковородниковым, мы исследуем признаки лингвонекрофилии в поликодовых политических медиатекстах.

Расценивая Интернет-мемы как группы взаимосвязанных единиц контента, которые имеют общие характеристики, Л. Шифман полагает, что такие общие характеристики могут включать содержание, форму и оценочность, а также различные их комбинации. Следовательно, определение объема того или иного мема зависит от концептуального подхода к его изучению. Например, если рассматривать Интернет-мемы с точки зрения содержания или идеи, можно утверждать, что одно и то же содержание может быть выражено в видео, тексте или изображении. В этом случае определение Интернет-мема, будет включать в себя разные формы [Shifman 2014: 54].

С началом специальной военной операции в феврале 2022 г. в украинском медиaprостранстве появилась целая серия Интернет-мемов и видео, посвященных данной тематике, которые получили общее название Мемы війни (с укр. – Мемы войны; прим. авт.). Данные поликодовые медиатексты рассматриваются нами как визуальные морбиальные метафоры с высоким манипулятивным потенциалом: призывом к насилию и убийствам, содержащие различные концептуальные признаки, репрезентирующие образ смерти. Иконический компонент данной категории мемов как правило воспроизводит прецедентные визуальные образы, вербальный – содержит призывы вышеописанного характера. Как отмечает М.Б. Ворошилова, «эволюционируют не только тексты – расширяется репертуар способов манипуляции и средств репрезентации агрессии» [Ворошилова 2017: 144].

Ярким примером подобного текста также является кровавое постановочное видео, появившееся в публичном пространстве в апреле 2022 г., где украинка в традиционной национальной одежде якобы отрезает серпом голову российскому военнослужащему. Видео представляет собой усложненный креолизованный (поликодовый) медиатекст, рассматриваемый нами как совокупность средств передачи информации. По мнению Е.Д. Малёновой, комплексный характер поликодовых аудиовизуальных текстов представляет собой серьёзное препятствие для анализа [Малёнова 2018: 167].

Визуальный компонент данного поликодового текста интерпретирует прецедентный образ, широко известный приверженцам распространенного на Украине неоязыческого религиозного течения. Героиня видео воплоща-

ет образ западнославянской богини Мары (Марены) – богини зимы и смерти, традиционно изображаемой с серпом в руке. Сверхсильная агрессия, транслируемая в данном ролике, многократно увеличивается за счет сочетания визуального, вербального и акустического компонентов, оказывая крайне деструктивный эффект с точки зрения социальной безопасности. Тем не менее, данный видеоролик не был удален с некоторых видеохостингов и остается доступным к просмотру и распространению.

Интернет-мемы, посвященные военной спецоперации, содержат визуальные и текстовые компоненты, интерпретирующие тематику смерти, имплицитные и эксплицитные призывы к убийству, а также российскую и украинскую символику. Мы не публикуем данные Интернет-мемы по этическим соображениям. Отметим, однако, что в этой категории мемов также выделяются отдельные тематические группы. Примечательной в данном контексте является серия Интернет-мемов Кохання це... (с укр. любовь – это...; прим. авт.), представляющих собой переосмысление сюжетов владышней популярной в 90-е годы XX в. на постсоветском пространстве жевательной резинки Love is... (с англ. любовь – это...; прим. авт.). Данная серия является еще одним примером гибкой референтной отнесенности мемов и широкого использования прецедентности в их визуальном и текстуальном компонентах: сюжеты, изначально интерпретировавшие тематику любви и дружбы, отражают «романтику» совместного приготовления «коктейлей Молотова», уничтожения вражеских танков, совместного убийства противника и т.п. Яркий контраст, создаваемый противоречивостью изначального и актуализируемого сюжетов и сверхсильной речевой агрессией, многократно усиливает эффект эмоционального воздействия на реципиента.

Рассматриваемые политические креолизованные (поликодовые) медиатексты, обладая значительным манипулятивным потенциалом, относятся к деструктивным элементам политической Интернет-коммуникации, способствующим социальному разобщению, разжиганию межнациональной розни, возбуждению ненависти, что позволяет классифицировать их как экстремистские. По справедливому наблюдению М.Б. Ворошиловой, нередко креолизованные тексты в современном информационном потоке провоцируют конфликты и становятся объектом судебной экспертизы, в том числе лингвистической [Ворошилова 2019]. Примечательно, что подобные тексты активно циркулируют и в пространстве российских социальных сетей.

Заключение

В последнее десятилетие в медиапространстве наблюдается повышенная активность использования Интернет-мемов. При этом, будучи неотъемлемым элементом дискурса социальных сетей, Интернет-мем становится частью цифровой культуры. Большинство исследователей сходятся во мнении о вирусной природе Интернет-мема: каждая последующая вариация оригинального мема влияет на его узнаваемость, в то время как популярность исходного мема способствует продвижению его производных. В процессе своей постоянной эволюции и широкого распространения, подобно вирусам, мемы «встраиваются в ДНК» Интернет-коммуникации, постепенно становясь самостоятельным средством общения. Представляя собой готовые мислеобразы, воплощающие различные сферы социокультурных знаний сообщества, Интернет-мемы позволяют выражать комплексные идеи и понятия с использованием минимальных коммуникативных усилий. Таким образом, Интернет-мемы формируют своеобразный метаязык распространяемых медиа. Вместе с тем данный метаязык не является абсолютно универсальным: зачастую он понятен лишь представителям определенных сообществ.

Вирусный характер Интернет-мемов обуславливает их гибкую референтную отнесенность. Мемы способны очень быстро менять сферу общения, перенося фокус внимания реципиента с одного референта на другой путем метафоризации. Это происходит как в поле графического, так и текстового компонента мема. Кроме того, Интернет-мемам свойственно широкое использование прецедентности.

Безусловно, Интернет-мемы играют важную роль и в социально-политической коммуникации. Создание и распространение мемов позволяет участникам Интернет-коммуникации выражать политические взгляды новыми творческими способами. Обладая высоким потенциалом воздействия на общественное сознание ввиду своей мультимодальной структуры, Интернет-мемы выступают эффективным манипулятивным инструментом политического влияния. Однако степень данного влияния на реальные политические процессы остается малоизученной ввиду отсутствия измеримых объективных показателей.

Тем не менее, анализ отдельных групп Интернет-мемов, отобранных методом сплошной выборки в популярной российской социальной сети ВКонтакте, позволил определить отношение пользователей сети к соци-

ально-политическим событиям последних лет. Также были рассмотрены манипулятивные контексты использования Интернет-мемов в исследуемых кейсах. Отмечен высокий дискредитирующий потенциал политических Интернет-мемов.

Обладая значительным воздействующим потенциалом, политические Интернет-мемы становятся эффективным инструментом реализации политики постправды, что требует всестороннего научного осмысления и выработки механизмов социальной регуляции. Кроме того, перспективным представляется исследование коммуникативной роли Интернет-мемов.

Список литературы

1. Адясова О.А., Ворошилова М.Б., Провкова А.Б. Интернет-мем как знак культуры виртуальных социальных сетей // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 3. С. 171–175.
2. Богоявленская Ю.В. Стратегия дискредитации чужих во французском дискурсе социальных медиа // Вопросы управления. 2021. № 5. С. 5–21.
3. Бочаров А.Б., Демидов М.О. Мемы, мем-вирусы: их сущность и распространение в инфосфере и медийном пространстве // Управленческое консультирование. 2020. № 9. С. 92–100.
4. Ворошилова М.Б. «Действуй»: интерпретация креолизованных текстов в практике судебной экспертизы // Медиалингвистика. 2019. № 6(2). С. 242–250. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.208>
5. Ворошилова М.Б. Методология, методы и методики анализа креолизованного текста // Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы: монография. Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2017. С. 125–199.
6. Гридина Т.А. Социокультурные аспекты восприятия игровых поликодовых текстов в пространстве современного города // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). С. 49–59. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_04.
7. Канашина С.В. Интернет-мем и политика // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 69–73.
8. Канашина С.В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): дис... канд. филол. наук. М., 2016. 27 с.
9. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. Вып. IV. / Под ред. Ю.И. Александра, В.Д. Соловьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 134–152.
10. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности / пер. с англ. Т.Ш. Адильбаева и И.В. Фомина // Политическая наука. 2016. № 3. С. 76–99.

11. Левченко М.Н., Изгаршева А.В. Креолизованный текст в системе «Интернет» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 12.02.2023).

12. Малёнова Е.Д. О методике анализа аудиовизуального текста (на материале аудиовизуальных поликодовых текстов социальной рекламы) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 4. С. 166–175.

13. Плотникова М.В. Воздействующий потенциал дискурса "новых медиа" в молодежной среде (на примере социальной сети TikTok) // Вопросы управления. 2021. № 2 (69). С. 16–30.

14. Плотникова М.В. Directed by Robert B. Weide: Манипулятивный потенциал политических Интернет-мемов в эпоху постправды // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Устойчивое развитие регионов: Материалы XVI Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 25–28 ноября 2020 г.): в 2 т. Т. 1 / науч. ред. М.Б. Ворошилова. Екатеринбург: Изд-во «Уральский институт управления – филиал РАНХиГС», 2020. С. 154–160.

15. «Политика постправды» и популизм / под ред. О.В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. 216 с.

16. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Монография. Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2004. 294 с.

17. Сковородников А.П. О сверхсильной речевой агрессии и ее модальном типе // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 12–21.

18. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступительная статья Н.С. Автономовой, СПб.: А-cad, 1994. 407 с.

19. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с

20. Baudrillard J. Le système des objets, Edité par Editions Gallimard, 1990. 288 p.

21. Bennett L.W., Segerberg A. The Logic of Connective Action // Information, Communication and Society 15. 2012. № 5. P. 739–768.

22. Dawkins R. The Selfish Gene // 40th Anniversary Edition, Oxford Landmark Science, 2016. 544 pp.

23. Haas P. Introduction: epistemic communities and international policy coordination // International Organization, 46.1992. № 1. P. 1–35.

24. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. Baltimore: University Park Press, 1978. 256 p.

25. Heiskanen B. Meme-ing Electoral Participation // European journal of American studies [Online], 12-2. 2017. document 8. Online since 02 August 2017, connection on 09 November 2020. URL: <http://journals.openedition.org/ejas/12158>; DOI: 10.4000/ejas.12158 (дата обращения: 12.02.2023).

26. Huntington, H. Menacing Memes? Affect and Effects of Political Internet Memes. AoIR Selected Papers of Internet Research. 2015. 5. Retrieved from <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/spir/article/view/8728> (дата обращения: 12.02.2023).
27. Jenkins H. Fans, bloggers, and gamers: Exploring participatory culture. New York: New University Press, 2006. 279 p.
28. Jenkins H., Kelley W. (with Katie Clinton, Jenna McWilliams, Ricardo Pitts-Wiley and Erin Reilly). Reading in a Participatory Culture: Remixing Moby-Dick for the English Literature Classroom. New York: Teachers College Press, 2013, 240 p.
29. Kasirye F. The effectiveness of political memes as a form of political participation amongst millennials in Uganda // International Journal Social Sciences and Education. 2019. № 13. P. 44–52.
30. Kulkarni A. Internet Meme and Political Discourse // A Study on the Impact of Internet Meme as a Tool in Communicating Political Satire. Journal of Content, Community and Communication. 2017. № 6. 13-17. DOI:10.2139/ssrn.3501366.
31. Rastogi S., Kashyap S. Political memes and perceptions: a study of memes as a political communication tool in the Indian context // Proceedings of the 5th World Conference on Media and Mass Communication. 2019. Vol. 5. Issue 1. P. 35–48 DOI:10.17501/24246778.2019.5104.
32. Shifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. 200 p.
33. Viltard Y. L'étrange carrière du concept foucauldien d'épistémè en science politique // Raisons politiques. 2006. № 23. P. 193–202.

С. В. Шустова¹

МИГРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Введение

Современное общество находится в постоянном движении, а миграция размывает традиционные границы между культурами, этническими группами и языками, вносит свой вклад в многообразие, культурное и экономическое богатство. Многими миграция воспринимается как вызов или даже угроза для механизмов прав человека, в том числе и мигрантов. При этом права мигрантов часто нарушаются [О Совете Европы: эл. ресурс]. В российском обществе отсутствует согласие не только относительно необходимости интеграции мигрантов, но и относительно самой иммиграции. Основные потоки людей, въезжающих в Россию, образуют выходцы из постсоветских стран. Большинство внешних мигрантов составляют люди, еще недавно принадлежавшие к единому социокультурному пространству [Малахов 2015: 10–12]. Использование термина *мигрант* таит две опасности: 1) мы начинаем рассматривать разных людей в качестве членов одной группы; 2) подводя различных индивидов под эту категорию мы невольно их стигматизируем. Воображение рисует смутное облако из потенциальных опасностей (болезней, преступлений, терактов), за которыми невозможно разглядеть людей. Еще более явной стигматизация становится, когда используются выражения *нелегальные мигранты*, *нелегалы* [там же: 16].

В связи с прибытием на территорию России и других стран большого количества мигрантов возникли проблемы с их социализацией и адаптацией. Одним из основных факторов социализации личности является образование, которое позволяет эффективнее интегрироваться в социальную среду общества. Для молодых людей, прибывших в другую страну, данный фактор становится важнейшим этапом в жизни, который влияет на их положение в обществе. Поэтому принимаются меры, позволяющие детям мигрантов посещать общеобразовательные школы, изучать язык страны происхождения и принимающей страны, а взрослым мигрантам получать

¹ Доктор филологических наук, профессор; Пермский государственный национальный исследовательский университет; г. Пермь, Россия.

высшее образование и также изучать язык нового общества. В этой связи необходимо изучать опыт других государств в области образования для мигрантов, чтобы перенимать наиболее успешные стратегии и программы, позволяющие помочь мигрантам интегрироваться в новое общество.

Основная часть

Формирование и развитие нового направления в лингвистической науке – миграционной лингвистики – тесно связано с усиливающимися миграционными процессами в мире [Gugenberger 2018; Krefeld 2004; Stehl 2011]. Данные процессы вместе с увеличением международных контактов привели к становлению миграционной лингвистики в качестве самостоятельного направления, где особую значимость приобретает изучение динамических языковых процессов в аспекте влияния языка принимающего общества на язык мигрантов и, наоборот. Данная связь объясняет необходимость теоретического обоснования процессов, возникающих в результате возросших темпов миграции населения и связанных с ней политических последствий, дополнительных способов языковой номинации [Шустова, Зубарева, Хорошева 2020: 9]. Миграционный дискурс рассматривается как вид социальной практики, поскольку его формируют социальные структуры, социальные агенты, участники, вовлеченные в социальные события [там же; см. также Собянина, Хохлова 2018]. Существует множество типов дискурса, поскольку тип дискурса оформляется в зависимости от сфер человеческой деятельности или любого значимого для человека и общества фактора [Кибрик 2003: 90; см. также Водак 2006; Дейк 2013; Иссерс 2015; Йоргансен, Филлипс 2008; Радченко 2005]. В этой связи становится возможным выделить миграционный дискурс как самостоятельный тип дискурса, учитывая влияние миграции на жизнь всего общества и большое количество участников.

Т. ван Дейк определяет миграционный дискурс как сложную структуру, включающую лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты, представленные разными жанрами, например, законопроектами, репортажами, статьями и другими [Dijk 2018]. Отсюда следует, что миграционный дискурс включает в себя широкое множество жанровых разновидностей, характерных для конкретных сфер жизни общества. В своем исследовании Е.О. Зубарева уточняет и предлагает расширенную жанровую модель миграционного дискурса, в которую входят различные модули:

причины миграции, интеграция, ксенофобия, миграционная политика, социальные агенты, законы о миграции и другие. Данные модули можно описать как семантические макроструктуры, состоящие из макропропозиций, включающие локальные значения дискурса [Зубарева 2019б: 67]. Согласно В.И. Карасику, миграционный дискурс – «это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение» [Карасик 2004: 194].

В рамках миграционного дискурса выделяют, например, мигрантский образовательный дискурс [Шустова 2021: 140]. Исследователи предлагают определить мигрантский образовательный дискурс как совокупность текстов, созданных мигрантами, для мигрантов и о мигрантах на тему их обучения и образования [Шустова, Костева, Хорошева 2019: 6]. Таким образом, в центре внимания мигрантского образовательного дискурса оказываются вопросы, связанные с языковой политикой, нормативно-правовыми актами, разработкой концепции оптимальной языковой адаптации мигрантов и подготовкой общества к принятию большого количества мигрантов [Шустова 2021: 140].

При когнитивном подходе дискурс выступает в качестве единства когнитивных и языковых структур, которые связаны, прежде всего, с передачей знаний, с оперированием знаниями и с созданием новых знаний [Зубарева 2019а: 71]. Раскрыть сущность и содержание дискурса помогут его ключевые концепты, которые выступают в качестве инструментов анализа дискурса. Согласно позиции исследователей-когнитивистов, концепты актуализируются в дискурсе и составляют содержательно-тематическое ядро коммуникации, определяя его характер и принципы организации [там же]. Другими словами, концепты актуализируют содержание коммуникативной ситуации, передают определенные знания, информацию и опыт, определяя характер ситуации с помощью языковых средств.

Когнитивный подход к изучению миграционного дискурса включает анализ актуализации содержания базовых концептов миграции или связанных с ними концептосферы в языковом сознании людей, которая отражает фрагмент языковой картины мира (например, *миграция*, *мигрант*, *дети-мигранты*, *родители-мигранты* и другие). Когнитивный подход предполагает изучение всех языковых репрезентантов в языковом сознании носителей языка, которыми представлен тот или иной базовый концепт [там

же; см. также Зубарева 2018, 2018а; Зубарева, Шустова, Исаева 2019]. Языковые репрезентанты концептов поля миграции актуализируют наиболее значимую информацию, отражающую определенные знания и опыт общества по отношению к определенному явлению окружающего мира.

Наряду с изучением концептосферы миграции в исследовательское поле миграционной лингвистики необходимо добавить изучение вопросов идентичности и аккультурации, роли социальных сетей и гибридизации. Идентичность рассматривается как психологическое соотнесение индивида с социальной группой или этносоциальной общностью, с которой он разделяет определенные нормы, ценности, групповые установки, а также то, как воспринимают человека окружающие, с какой из групп его соотносят [Словарь социолингвистических терминов 2006: 72–73]. К характерным признакам относится симбиоз этнического самосознания и сознания языкового. В сфере идентичности выделяются: актуальная, возрастная, локальная, классовая, конфессиональная, культурная, национальная, родоплеменная, субэтническая, этатическая [там же: 73]. Практически все разновидности идентичности могут быть частным предметом исследования в миграционной лингвистике.

Аккультурация (культурная адаптация) представляет собой процесс и результат взаимовлияния национальных культур и языков, заключающийся в приспособлении индивида или культурного сообщества в целом к инокультурному окружению. В результате аккультурации у коллектива (или индивида-реципиента) происходит формирование двойного культурно-языкового сознания и развивается билингвизм [Словарь социолингвистических терминов 2006: 20].

В. фон Гумбольдт относит язык к числу тех явлений, которые отражают характер этноса, его психический склад, образ мыслей, искусство, науку, философию, то есть весь комплекс интеллектуальных ценностей, что определяет «дух народа», его мировоззрение, отражающееся в языке. Апеллируя к духовному началу языка, В. фон Гумбольдт, одновременно, рассматривает его как продукт динамичный, созидающий, активность которого проявляется в воздействии языка как социального явления на индивидуум и чем сознательнее индивидуум пользуется языком в соответствии со своими внутренними и внешними потребностями, тем сильнее воздействует язык на его мышление [Гумбольдт 2000].

В аспекте анализа миграционного дискурса интерес представляет гибридизация, которая носит трансдисциплинарный характер и в целом означает продуктивное скрещивание, а, следовательно, возникновение объектов, с качественно новыми свойствами [Ирисханова 2010: 30–44]. В этой связи заслуживает внимания вопрос о роли социальных сетей в гибридизации языков, который можно ставить в аспекте важности их динамической составляющей в условиях глобализации. Развитие новых технических средств связи, каналов передачи информации, формирование глобальных информационных сетей, транснациональных мультимедийных образований способствует созданию общепланетарных коммуникативно-деятельностных систем [Сергеев 2009: 117–123].

Таким образом, на основе двух культурных и языковых референциальных систем развивается гибридная этнолингвистическая идентичность, которая актуализируется на языковом уровне в виде процессов гибридизации. Это приводит к существованию вариативности в аспекте контактной ситуации. С этим вопросом связан и вопрос об аккультурации.

Все больше исследователей И. Пиллер [Piller 2016], К. Силберайзен, П. Титцман [Silbereisen, Titzmann 2016], К. Дишер [Discher 2015] обращают внимание на тесную взаимосвязь миграционных процессов, влекущих неизбежные изменения титульного языка, и указывают на круг проблем, которые при этом возникают. Они считают, что миграция является неотъемлемой частью процесса межкультурной коммуникации. По словам Е.С. Ашнина, «увеличение миграционных потоков обострили уже существующие и создали новые проблемы... наиболее важными из которых являются обеспечение продуктивного межкультурного взаимодействия и построение мультикультурного общества» [Ашнин 2012: 136].

П. Керсвилл отмечает, что миграция является основной причиной изменения титульного языка того или иного этноса, вызванного многочисленными межкультурными контактами. Принимающее общество неизбежно вбирает те или иные черты повседневного быта, традиционные модели организации жизни, элементы художественной культуры и литературы, фольклора, духовные ценности, особенности этикета, языковые обороты, лексические и грамматические средства. Миграция формирует этнолингвистическое меньшинство <...> и трансформирует титульный язык [Kerswill 2006: 8].

Но при этом теория межкультурной коммуникации как наука не ставит перед собой задачу объяснить и решить проблемы, которые возникают в языке при больших миграционных потоках.

Миграционный дискурс существует в пространстве других дискурсов. В этом отношении актуальным считаем дефиницию дискурса, предложенную Ю.С. Степановым: «... дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс существует, прежде всего, и главным образом, в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – «возможный (альтернативный) мир в полном смысле этого логико-философского термина»» [Степанов 1995].

Дискурсивное пространство мыслится как среда сосуществования и функционирования определенных дискурсов, объединенных по какому-либо принципу. <...> Дискурсивное пространство понимается не как вместилище, в которое помещены дискурсы, в котором они «расположены», оно понимается как сложная система, параметры которой заданы возможностью объединения дискурсов [Плотникова 2018: 31–61].

В работе Т. ван Дейка приводится несколько дефиниций дискурса: дискурс – это форма и единица использования языка; дискурс – это упорядоченная последовательность слов, предложений или оборотов, каждый из которых имеет свою собственную структуру. Эти последовательности актуализируют локальные и глобальные значения в коммуникативном социальном контексте на основе речевых актов или других форм социального действия; дискурс – это форма коммуникации; дискурс – это мультимодальное сообщение (устное, письменное, изображение, звуки, музыка, жесты); дискурс может формировать социальные отношения (власть, доминирование, сопротивление); дискурс может быть политическим действием (выступление в парламенте, партийная пропаганда); дискурс – это культурный феномен (доклад на конференции, редакционная статья); дискурс – это экономический товар или ресурс (он может быть куплен или продан в виде газеты, книги) [Dijk 2018] (рис. 1).

Рис. 1. Модели дискурса (Т. ван Дейк)

Дискурс определяется как социальное взаимодействие. Существует множество жанров миграционного дискурса. Например, неформальные беседы, парламентские дебаты, выступления политиков, реклама, образование, в центре внимания в которых находятся проблемы миграции, мигрантов. Миграция, беженцы, иммигранты входят в общий социокультурный и языковой контекст жизни общества. Это обуславливает необходимость теоретического обоснования процессов, возникающих в результате возросших масштабов миграции населения и связанных с ней политических последствий, дополнительных способов языковой номинации и формирования некоторых акцентов на определенных фрагментах новой языковой реальности.

Анализ миграционного дискурса может базироваться на специфических определениях нескольких концептов: дискурс – использование языка как социальной практики; дискурсивное событие – пример использования языка, которое анализируют как текст, дискурсивную практику, социальную практику; текст – письменный или разговорный язык, воспроизведенный в дискурсивном событии; интердискурсивность – образование текста из разнообразия дискурсов и жанров; жанр – использование языка, связанное с определенной социальной деятельностью; порядок дискурса – сово-

купность дискурсивных практик определенного института и взаимоотношений между ними [Тиче, Мейе и др. 2017: 201–202].

Критический дискурс-анализ концептуализирует язык как форму социальной практики и направлен на то, чтобы показать, что язык и социальная структура влияют друг на друга.

Каждый жанр миграционного дискурса определяется и описывается в терминах свойств коммуникативной ситуации или контекста или в терминах структуры дискурса. Структура дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции. Миграционный дискурс представляет собой сложное лингвистическое, социальное, культурное и политическое пространство, в котором выделяются разнообразные жанры, актуализирующие миграцию населения в целом и связанные с ней явлениями: мигранты, дети мигрантов, родители-мигранты, автохтонные народы, причины миграции, мотивы миграции, интеграция, ксенофобия, дискриминация, расизм, миграционная политика.

Содержание дискурса в целом раскрывается не отдельными текстами, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов [Чернявская 2012].

Миграционный дискурс – коммуникативный процесс, участники которого, с одной стороны, стремятся адаптироваться в принимающей стране; принять законодательство страны; оставаться в своей конфессии или изменить вероисповедание; освоить язык принимающей страны; определить для себя и своей семьи выгоды от пребывания на территории этой страны; принять решение о пребывании самостоятельно; адаптироваться к условиям проживания в одиночку, семьей, группой; решить экономические вопросы жизнеобеспечения; дать детям образование; обеспечить семью медицинским обслуживанием; принять культуру титульной нации.

С другой стороны, создать анклав (экономический, политический); создать языковой анклав; создавать условия для укрепления и расширения своего вероисповедания; не осваивать язык титульной нации; определить для себя и своей семьи выгоды от пребывания на территории принимающей страны; принять решение под давлением (из-за страха, из-за угроз); решать экономические вопросы жизнеобеспечения; дать детям образование; обеспечить семью медицинским обслуживанием; игнорировать культуру титульной нации (насаждать свою культуру).

Миграционный дискурс характеризуется сложностью и многогранностью. Существование многочисленных жанров в миграционном дискурсе обусловлено референцией, то есть, о чем идет речь в отдельном случае: миграция как социальное, политическое, экономическое, историческое, медийное явление.

Медийный дискурс: новостные репортажи (пресса, телевидение, радио, Интернет); редакционные статьи; репортажи; карикатуры; письма в редакцию.

Политический дискурс: парламентские дебаты, законопроекты, программные документы, партийные программы, выступления политиков.

Юридический дискурс: законопроекты, законы; международные соглашения, договоры; дискурс полиции; сообщения о преступлениях; допросы; судебные процессы.

Образовательный дискурс: учебники, уроки; взаимодействие в классе; взаимодействие учителя и ученика.

Административный дискурс: взаимодействие с должностными лицами; документы; заявления.

Дискурс общественного движения: официальные заявления; митинги протеста; лозунги; беседы между членами общественных организаций.

Интернет-дискурс: веб-сайты, блоги.

Медицинский дискурс: взаимодействие с врачами; взаимодействие в больнице.

Художественный дискурс: романы; поэзия; театр; телешоу.

Личный дискурс: повседневные беседы; письма, сообщения по электронной почте; мессенджеры, социальные сети.

Рекламный дискурс: видеореклама; контекстная реклама; таргетированная реклама; ремаркетинг и ретаргетинг; email-рассылки; тизерная реклама; нативная реклама (рис. 2).

Миграционный дискурс в лингвистическом аспекте – это не просто форма использования языка, но и форма социального, политического и культурного взаимодействия [Зубарева 2019: 75–83; Лапина 2018: 31–42; Лапина, Ермаков 2018: 57–62; Черноусова 2020: 57–68].

Рис. 2. Дискурсивное пространство

Миграционный дискурс может быть изучен в рамках теории жанров М.М. Бахтина, которая была адаптирована к критическому дискурсу-анализу (КДА), основные принципы которого сводятся к следующим: КДА ориентирован на социальные проблемы. Он рассматривает не язык или использование языка как такового, а лингвистический характер социальных и культурных процессов и структур. КДА носит междисциплинарный характер; общество и культура диалектически связаны с дискурсом, они формируются дискурсом и в то же время конституируют дискурс. Каждый отдельный пример применения языка воспроизводит или трансформирует общество и культуру; использования языка может быть идеологическим. Чтобы определить это, необходимо проанализировать тексты и исследовать их интерпретацию, восприятие и социальное влияние.

Дискурсы не только встроены в определенную культуру, идеологию и историю, но и связаны интертекстуально с другими дискурсами. Дискурс-анализ – интерпретативный и объяснительный метод. Интерпретации всегда динамичны и открыты для новых контекстов и новой информации. Дискурс – это форма социального поведения. Важно подчеркнуть, что в век глобализации и тотальной информатизации современного общества с миграционной лингвистикой коррелирует медиалингвистика в аспекте

изучения медиатрансляции миграционных событий с целью информирования адресата и воздействия на него.

М.Р. Желтухина выделяет миграционную медиалингвистику, понимаемую как науку об отражении постоянного или временного процесса трансформации языка участников миграционного процесса, зависящего от пространственных, временных, мотивационных и социокультурных факторов, в массмедиа (печать, радио, телевидение, Интернет) [Желтухина 2019: 7–8]. Исследователь акцентирует внимание на том, что широта аудитории всегда будет ограничена языковым фактором, поскольку не все мигранты владеют в должной мере языком принимающей страны, как и не все жители принимающего государства владеют языком мигрантов. Данный аспект даёт возможность манипулирования массовым адресатом. По причине переводческих неточностей, неполноты перевода, использования выразительных средств и приемов, используемых в сообщении на языке одной из лингвокультур, с обеих сторон могут рождаться и тиражироваться слухи, возникать страхи или агрессия, которые, несомненно, могут «выходить за речевые рамки» [там же].

В миграционном дискурсе возникают агрессивные слухи с целью провокации агрессивных действий через запугивание [Желтухина, Рябова, 2011; Желтухина, Бородина, 2015]. Короткие, рубленые фразы сообщают о конкретных фактах, взывающих к отмщению, несут более сильный эмоционально-отрицательный заряд, реализуя бинарную оппозицию «мы – они» и вынуждают к ответной агрессии. Агрессивные слухи возникают там, где имеются напряжённые отношения между социальными группами, причём даже явно стихийные или вызванные собственной неразумной деятельностью бедствия часто усиливают ненависть к какой-либо группе или личности.

Plus d'un millier de Tunisiens qui avaient tenté d'émigrer vers l'Europe après le «printemps arabe» n'ont plus donné signe de vie. Sans preuve de leur disparition, les familles ne veulent pas croire à leur décès. Un drame au coeur du Forum social mondial qui s'ouvre à Tunis, fin mars. Il y a foule dans le corridor. Serrant dans leurs mains des photos et des papiers froissés à force d'être triturés, des hommes et des femmes se pressent devant les portes de la Ligue tunisienne des droits de l'homme, une association non gouvernementale née en mai 2011, au lendemain de la révolution, pour venir en aide aux migrants et aux réfugiés (Le Monde, 22.03.2013) [Желтухина 2019].

При помощи слуха нагнетается драматическая ситуация в момент проведения Всемирного общественного форума. Предоставляемая информация (точное количество пропавших, подтверждение факта эмиграции в страны Европы, доказательства исчезновения) никакими официальными источниками не подтверждается, тем не менее, сообщение оформляется таким образом, что вызывает негативные эмоции и протестные настроения. Под воздействием глобализационных процессов, политических и экономических действий, локальных войн, катастроф и эпидемий в мире наблюдается увеличение миграционных потоков с последующим созданием новых или обновлённых многонациональных, мультикультурных и мультиязыковых сообществ, которые в процессе интеграции и языкового взаимодействия демонстрируют трансформации языков (как родного, так и второго). Речевые интеракции в миграционной коммуникации характеризуются упрощением языковых средств и набора коммуникативных стратегий.

В результате анализа фактического материала установлено, что в миграционном медиадискурсе доминирует милитарная метафорическая модель [Веснина, 2010; Желтухина, Магомадова, 2015]. В массмедиа метафорическое представление миграции негативно окрашено (*орда мигрантов, армия мигрантов, наплыв мигрантов, нашествие мигрантов*) [Веснина 2010: 8].

Негативная составляющая в миграционном медиадискурсе актуализируется путем использования лексики отрицательной коннотации: *sterben, verhindern, sinken (тонуть), untergehen, beleidigen, hetzen, stürmen, kriminalisieren, erpressen, festnehmen, protestieren: Polen verspricht sich, so Grenzenübertritte von Migranten zu verhindern* (LC, 2022)²; *In deren Verlauf haben offenbar auch Migranten mit Steinen, Stöcken und Messern die angegriffen* (LC, 2022); *Bulgarien weist den Vorwurf zurück und spricht von aggressivem Verhalten von Migranten* (LC, ntv.de, 2022); *Immer wieder sterben Migranten an der libyschen Küste* (LC, bazonline.de, 2022); *Wie die örtlichen Behörden mitteilen, stürmten die Migranten auf den Grenzzaun zu* (LC, welt.de, 2022).

Образ мигранта ассоциируется со смертью: *ertrunkene Flüchtlinge, Leichenhalle, Leichen, Schiffbruch, Beerdigungen, Toten, Opfer, Bootsunglücke, die leblosen Körper, Dutzende angespülte Leichen, mehrere Ertrunkene.*

² Deutscher Wortschatz. Leipzig Corpora Collection. URL: <https://wortschatz.uni-leipzig.de/de> (дата обращения: 03.05.2021). Здесь и далее в тексте LC.

28.04.2023

Bootsunglücke im Mittelmeer

Offenbar Hunderte ertrunkene Flüchtlinge in tunesischer Leichenhalle

Seit Wochen häufen sich Meldungen über Schiffskatastrophen vor Tunesiens Küste. Offenbar gibt es so viele Tote, dass die Behörden mit den Beerdigungen nicht hinterherkommen.

Manchmal werden nur noch Leichen am Strand angespült: Seit Wochen ereignen sich vor der Küste Tunesiens immer wieder Unglücke mit Booten von Geflüchteten. Meistens erreichen die Tragödien Deutschland als einzelne Meldungen, wenn überhaupt – ein komplettes Bild der Situation ist schwer zu bekommen. Wie die Zustände in der tunesischen Küstenstadt Sfax offenbar sind, darüber hat nun Justizsprecher Faouzi Masmoudi der Nachrichtenagentur AFP Auskunft gegeben. »Am Dienstag hatten wir mehr als 200 Leichen, weit über die Kapazität des Krankenhauses hinaus«, sagte er den Angaben zufolge. »Wir wissen nicht, wer sie sind oder von welchem Schiffbruch sie stammen, und die Zahl steigt. «Die sanitäre Lage sei wegen der hohen Zahl an Leichen prekär. Es gebe »fast jeden Tag Beerdigungen«. Allein am 20. April seien mindestens 30 Menschen beerdigt worden, sagte Masmoudi. Vor der Beisetzung würden von jedem Toten DNA-Proben entnommen, um eine mögliche Identifizierung durch die Angehörigen zu erleichtern. Von weiteren Opfern berichtete unterdessen Tunesiens Nationalgarde: Die Marine habe nach Bootsunglücken in den vergangenen zehn Tagen mittlerweile 210 Leichen entdeckt. Die leblosen Körper wurden demnach in der Nähe verschiedener Küstenorte gefunden, neben Sfax etwa auch bei Mahdia. Die Opfer stammen den Angaben zufolge wahrscheinlich aus Ländern südlich der Sahara (Spiegel on-line).

Миграционный медиадискурс характеризуется речевой агрессией, проявляющейся в современном мультикультурном обществе в поле межэтнической вражды. Под *медиаязыком межэтнической вражды* понимается любое публичное вербальное или невербальное действие в СМИ, способствующее возбуждению национальной и религиозной вражды [Ашнин, Желтухина 2012; Hartmann, Husband 1974], реализующее конфликтную стратегию в миграционном медиадискурсе. Конфликтная стратегия в миграционном медиадискурсе имеет множественную адресную направленность: 1) субъект, подвергающийся агрессии; 2) читатель, слушатель, зритель, Интернет-пользователь, который может выступать субъектом агрес-

сии, соучастником, разделяющим позицию медиаадресанта, а также нейтральным сторонним наблюдателем [Желтухина 2019: 11–12].

Конфликтная стратегия проявляется в упоминании этнической или религиозной группы или её представителей как таковых в СМИ в унижительном или оскорбительном контексте, в утверждениях медиаадресата о моральных недостатках, криминальности той или иной этнической или религиозной группы, в создании негативного образа этнической или религиозной группы в сознании медиаадресата.

В результате анализа современных российских, английских, немецких и французских СМИ были отобраны и классифицированы высказывания с коннотацией враждебности по отношению к «чужим», к представителям других национальностей в России, Англии, Франции, Германии [Ашнин, Желтухина, 2012]. Полученные результаты показывают, что наиболее релевантными оказываются высказывания, нацеленные на отрицание гражданства лиц иной этнической принадлежности / идентификации (высказывания, в которых выражаются открытые заявления о том, что обычаи и культура отдельных национальностей являются чуждыми и не имеют никакого отношения к культуре общенациональной, призванной изначально служить скрепляющим фактором для всех представителей этнокультурного пространства).

21.04.2023

Anonyme Drohschreiben in Marburg

Polizeieinsatz bei Zuckerfest – Durchsuchungen und Sperrungen

Rund 2000 Menschen wollen im Marburger Stadion das Ende des Ramadan feiern. Doch die Polizei sperrt das Gelände über Stunden ab – zur Gefahrenabwehr nach dem Eingang anonymer Drohschreiben. Die Polizei in Hessen hat nach dem Eingang anonymer Drohschreiben bei mehreren Adressaten am Freitag im Marburger Stadion und in der Umgebung Straßen gesperrt und Durchsuchungen vorgenommen. Auch, weil die Schreiben nach Polizeiangaben als Bombendrohung interpretiert werden konnten, kamen Sprengstoffspürhunde zum Einsatz. Gegen Mittag konnten die Beamten den Einsatz demnach beenden. Gefährliche Gegenstände seien nicht gefunden worden, auch ein »schädigendes Ereignis« sei nicht eingetreten, hieß es in einer Mitteilung. In dem Stadion wollte die muslimische Gemeinde das traditionelle Zuckerfest am Ende des Fastenmonats Ramadan feiern. Schätzungen zufolge wollten rund 2000 Menschen an der Veranstaltung teilnehmen. Die Schreiben

waren nach Polizeiangaben per Post bei der Stadt Marburg, der »Oberhessischen Presse« und mehreren Behörden eingegangen. (Spiegel on-line).

Veranstaltung verlegt

Der Polizeieinsatz war daraufhin am Freitagmorgen angelaufen: Die Veranstaltung sei unterbrochen worden, um zu klären, ob tatsächlich eine Gefahr bestehe. Rund 50 Beamte seien im Einsatz gewesen. Sie sperrten Straßen ab und leiteten den Verkehr um. Zudem sei in Absprache mit dem Organisator ein Teil der Veranstaltung vorübergehend örtlich verlegt worden, damit der ursprüngliche Versammlungsort durchsucht werden konnte.

Augenzeugenberichten zufolge hatten sich die Menschen bereits in einer Halle am Stadion versammelt, als sie aufgefordert wurden, das Gebäude aus Sicherheitsgründen zu verlassen. Die Menschen seien verunsichert gewesen, aber auch ruhig geblieben. Die »Oberhessische Presse« berichtete, dass sie Gebetsteppiche auf dem Parkplatz ausbreiteten und gemeinsam sangen. Schließlich sei die geplante Feier im Stadion abgesagt worden. Das Zuckerfest wolle die muslimische Gemeinde nach dem Freitagsgebet in der Moschee nachholen. Der polizeiliche Staatsschutz ermittle wegen des Verdachts des Störens des öffentlichen Friedens durch Androhung von Straftaten in alle Richtungen, sagte ein Polizeisprecher. Darüber hinaus würden auch die Kosten des Einsatzes erhoben und dem oder den Urhebern der Schreiben in Rechnung gestellt, falls er oder sie ermittelt werden könnten. Der Einsatz habe mehr als drei Stunden gedauert. Im Ramadan, dem jährlichen Fastenmonat, verzichten viele gläubige Muslime von der Morgendämmerung bis zum Sonnenuntergang auf Essen, Trinken, Rauchen und Sex. Das Fasten gehört zu den sogenannten fünf Säulen des Islam. Vier Wochen, die ganz im Zeichen des Verzichts stehen. Im Anschluss findet das Zuckerfest statt, auch »Fest des Fastenbrechens« oder »Id al-Fitr« genannt. Die Feiertage beginnen in aller Regel mit einem gemeinsamen Gebet in einer Moschee, viele nutzen die Zeit auch, um auf einem Friedhof der Verstorbenen zu gedenken. Es folgen Besuche bei Verwandten und Freunden, den Höhepunkt bildet ein festliches Essen. Kinder und Jugendliche bekommen Geschenke, an Bedürftige soll gespendet werden. Je nach Land und Region – weltweit gibt es schätzungsweise rund zwei Milliarden Musliminnen und Muslime – unterscheidet sich die Festtradition ein wenig (Spiegel on-line).

В немецком медиадискурсе встречаются высказывания, создающие негативный образ иной этнической религиозной группы посредством об-

ращения к психологической аргументации. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что наиболее часто объектом критического отношения, транслируемого СМИ в современной Германии, Англии, Франции становятся люди именно мусульманского происхождения, поскольку именно они составляют большинство из всех проживающих в этих странах иммигрантов.

Психологическая аргументация рассматривается как аргументация, при которой используются аргументы, обращенные к человеку. В отличие от рациональной логической аргументации, предполагающей осмысление и сознательное принятие или отвержение аргументов, психологическая аргументация стремится действовать «в обход сознания», по выражению В.М. Бехтерева. «Внушать значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суждению». Внушение не требует каких-либо доказательств. В обыденной жизни внушение используется значительно чаще, нежели логика.

По характеру психологического воздействия выделяют прямое и косвенное. Прямое внушение выражается в многократном повторении либо императивных требований, либо ненавязчивых наставлений, рекомендаций. Косвенное внушение имплицитно ставит свою цель за рассуждением на сопутствующую отвлеченную тему. Косвенное внушение реализуется путем использования оценочной лексики *deskriminierend, bestrafen, verschärfwn, das Verbrechen, die Sittenpolizei, repressiv, restriktiv, repressive und drakonische Maßnahmen, geschlechtsspezifische Verfolgung, ein inakzeptabler Ausmaß der Verletzung von Rechten, Repressionen gegen Protestierende, ohne Gnade verfolgen, Peitscheschieben verfolgen, zu einer Haftstrafe beurteilen*.

В.А. Базанов исследует сопоставительные аспекты языковой адаптации переселенцев в Германии [Базанов 2013: 84–94]. Исследователь реализовал анализ 70 тематически структурированных интервью и включенного наблюдения в целях сравнения особенностей переселения двух групп, их поведения, отношения к СМИ и школам русского языка. В основе работы находятся результаты исследования, проведенного В.А. Базановым в Баварии в 2009–2012 гг. в рамках программы немецкой службы академических обменов. Обратимся к четвертой волне миграции. Миграция планирова-

лась Германией, ставилась проблема интеграции мигрантов в принимающее общество. Одно из основных требований программ переселения в рамках четвертой волны является знание немецкого языка. С 1 января 2005 г. знание основ немецкого языка является критерием переселения по программе «позднего переселения». Желающим вступить в брак с человеком, проживающим в Германии, и переехать в Германию необходимо сдавать тест на знание языка (жертвам нацистских преследований не требуется знание немецкого языка). Большинство респондентов отмечают недостаточность пройденных курсов, которые организовывались для подготовки к сдаче теста. «Русские немцы» должны были доказать «принадлежность к немецкому народу». Мигранты посещали мероприятия культурных центров, изучали историю Германии и историю своих семей.

Немецкий язык испытывает большое влияние со стороны мигрантов. Язык упрощается, расхождения между разговорной и письменной речью становятся все более заметными. Одной из основных причин влияния на немецкий язык является язык мигрантов. Собственно говоря, многоязычие, когда в повседневной жизни применяется два или более языков.

04.04.2023. 07:53³

У нас на кухне и на потолке и стене шimmelю. Мельдовались у фермитера. Пришел хаусмастер сказал что мы все покрасим. Сегодня приходил шimmel санирунг мерял прибором что потолок и стена мокрые. И хаусмастер должен найти причину. Позвонили хаусмастеру. Он сказал что мы должны сами оторвать кухонную мебель демонтировать.

12.04.2023. 01:26

Требование Miter selbstauskunft: Фермитер хочет сделать первичный отбор и запрашивает Митер селбстаускунфт. Интересующийся не хочет отсылать свои личные данные и хочет сначала увидеть квартиру.

19.02.23. 10:47

Все привет. Я получил Einbürgerung Urkunde. Мне предложили сделать Angleichung имени, теримн на бератунг есть (через месяц). Теперь ломаю голову, что включает в себя этот процесс и что мне разрешено брать или убрать в имени конкретно в моем примерер (букв. Schreibweise?). С именем проце (не буду менять). Брать еще Vornahme не думал.

³ Орфография сохранена. Германия по-русски. URL: https://foren.germany.ru/wwwthreads_unreg.pl

Носители немецкого языка специально в разговоре с иностранцами используют более простые речевые обороты, которые могут обеспечить достижение коммуникативной цели: «Komm, photo machen» (= göntgen). Из-за частого взаимодействия с мигрантами, представители титульной нации могут употреблять в речи заимствованные слова. Установлено огромное влияние арабизмов, которые первоначально вошли в молодежный сленг, в чуть позже стали общеупотребительными: Li-lak («ты – мне, я – тебе» – лексема, обозначающая один из молодежных сайтов о культуре), Fatime (девушка – часто используется в немецком медиадискурсе. К арабизмам в немецком языке относятся, например:

Admiral, m. 'офицер военно-морских сил в генеральском звании' переводится на арабский -- эмир 'полководец, князь' тыл (ср. Эмир). Арабское название первоначально появляется в латинизированной форме (адмиратус, аммиратус) в mlat. (около 800 г.); об афр. amirail, amiral, amirault, возможно, на арабском. амир аль-'али 'верховный лидер', он заимствован из mhd. как amiral, emeral, amiralt, amiralde 'халиф, князь'. Впервые слово было произнесено при нормандском дворе на Сицилии в XII в. В XVI–XVII вв. форма была принята в Германии. Слово происходит от глагола "восхищаться" лат. admīrārī.

Arsenal n. "оружейная палата, склад оружия". Самые ранние свидетельства (датируемые концом XV века) содержатся в описаниях путешествий и относятся к складу оружия и снаряжения в Венеции. Является заимствованием из арабского. дар аш-сина'а 'дом, где что-то производится', 'верфь'.

Арабизмы оказали влияние на немецкий язык, опосредованно, а именно, проникновение фиксируется через греческий, испанский, французский языки. Прежде всего это имеет отношение к таким областям знания как астрономия, математика, химия. По мнению С.Р. Исламова, в немецком языке [Duden. Deutsches Universalwörterbuch] зафиксировано 141 арабизм [см. также Unger 2007; Tazi 1998]. Приведем некоторые из них.

Admiral, r amir ar-rahl S. 104, Befehlshaber des Transports über frz. Admiral

Albatros, r al-qādūs S. 113, Schöpfkrug, über span. Alcatraz älter alcaquiz-Brunnenrohr

Alchimie, Alchemie, e Al-kimiyā S. 114, Kunst des Legierens, über frz. alchimie, über span. Alquimia

Alkoven, r Al-qubba S. 115, Kuppel, über frz. alcôve, über span. Alcoba

Berberitze, e barbarīs S. 262, über mlat. Berberis, Name einer Pflanze
Borretsch, Boretsch, r Abū 'araq S. 308, Schweißtreiber, Vater des Schweises, über frz. bourrache, über ital. borragine, über mlat. Borago, Gewürze

Burnus, r burnus S. 326, kurzer Mantel mit Kapuze, über frz. burnous, über griech. Birros, über lat. Birrus

Dinar, r dīnār S. 380, über serbokroat dinar, über abar. Dīnār, über griech. Denarion, über röm. Denar, über lat. Denarius

Dirham, Dirhem, r dirham S. 383, über arab dirham, über griech.

Estragon, r tarhūn S. 497, über frz. estragon, über mlat. Tarchon

Fakih, r faqīh S. 515, Lehrer, Kenner der Fikh

Fakir, r faqīr S. 515, arm Armer

Fedajīn, r fidāiyū S. 525, die sich Opfernden

Fellache, r fallāh S. 530, Pflüger

Fennek, Fener, r fanak S. 531, Wüstenfuchs

Hadsch, Haddsch, r haḡḡ S. 696, Wallfahrt nach Mekka und Kaaba

Hadschi, Haddschī, r haḡḡī S. 696, Ehrentitel für Personen, die Hadsch unternommen haben

Hafīs, r hāfīz S. 697, Ehrentitel für Personen, die Koran auswendig kennen

Hedschra, e hiḡra S. 731, Auswanderung

Henna, e hinnā S. 741, Kosmetikmittel

Huri, e hūr S. 809, über pers. Hūri, religiös, schöne, ewige Frau im Paradies

Imam, r imām S. 820, Vorsteher

Intarsie, Intarsia, e tarṣī S. 839, das Auslegen, Besetzen, über ital. intarsio, tarsia

Islam, r islām S. 848, völlige Hingabe an Allah

Kandis, r qandī S. 873, aus Rohrzucker, über ital. zucchero canditio, candi

Karaffe, e ḡarrāfa S. 877, bauchige Flasche, über frz. carafe, über ital. caraffa, überspan. Garrafa

Karat, s qīrāt S. 878, Hörnchen, Same des Johannesbrotbaumes, über frz. carat, über mlat. Carratus, über arab. Qīrāt, über griech. Keration

Karmesin, s qirmizī S. 879, roter Farbstoff des Schildlaus, über ital. carmesino – Hochrot

Kattun, r qutun S. 886, Baumwolle, über niederl. Katoen,

Kawass, Kawasse, r qāwwas S. 889, Bogenschütze, aus türk. Kavas

Kebab, r (şiş) kebāp S. 889 Spießbraten

Kermes, r qirmizī S. 893, aus span. Carmesí

Kif, r, kiffen, kayf S. 897, Wohlbefinden, aus engl. kif, kef

Kismet, s qismah S. 902, dem Menschen von Gott zugeteiltes Los, Limette, Limetta, Limonade aus Limone

Magazin, s mahāzin Pl. Von mahzan S. 1041, Warenlager, Vorratshaus, über ital magazzino

Moslem, r muslim S. 1102, der sich Gott unterwirft

Mosaraber, Pl. Musta'rib S. 1104, zum Araber geworden, über span. Mozarabe

Muchtar, r muhtār S. 1104, gewält, auserlesen, über türk. Muhtar, türkischer Dorfschulze, Ortsvorsteher

Mudschahed, r muğāhid S. 1104, Kämpfer

Orange, e nāranğ S. 1167, bittere Orange, niederl. Oranjeappel, frz. pomme d'orange, span. Naranja

Papagei, r babbağā S. 1180, tropischer Vogel, frz. papegai,

Racket, s rāhah S. 1268, Handfläche, engl. rækit, frz. raquette, Tennisschläger

Ramadan, Ramasan, r ramadān S. 1271, der heiße Monat

Razzia, e Ğāziyah zu ğazwah S. 1280, Kriegszug, frz. razzia

Realgar, r Rahğ al-ğār S. 1281, Staub der Höhle, Mineral

Satin, r zaytūni S. 1350, Seide aus Zaitun, mhd. Satin, afrz. Satin, span. Aceituni, GewebeStoffname 121. Schach, s šāh māta s. 1355, mhd.

Sofa, s šuffah S. 1464, Ruhebank, frz. sofa

Sufi, r šūfi zu šūf S. 1548, grober Wollstoff nach der Kleidung, Vertreter von Sufismus

Sultan, r sultān S.1548, Herrscher, mhd. Soldān, ital. soldano

Sunna, e sunnah S. 1549, Brauch, Satzung

Sure, e sūrah S. 1551, Kapitel des Korans

Tara, e Tarh zu taraha S. 1563, entfernen, beseitigen, ital. tara,

Talisman, r tilasm S. 1560, Zauberbild

Tanbur, Tambur, r tanbūr S. 1561, arabische Musikinstrument

Zucker, r sukkar S. 1865, gmahlener Zucker, Kieselsteine, mhd zuker, ital. zuchero

Релевантными, с нашей точки зрения, являются высказывания, создающие негативный образ той или иной этнической или религиозной группы посредством обращения к психологической аргументации путем манипулирования культурными ценностями, этническими символами, являющимися для мусульманской культуры значимыми и естественными.

Предлагаем рассмотреть такой элемент одежды как «хиджаб», который является маркером принадлежности к другой конфессии, другому этносу, в целом к мигрантам. Хиджаб (араб. бук. «преграда, завеса») – накидка, скрывающая тело или лицо, которую мусульманки надевают при выходе на улицу; вид мусульманской одежды; накидка, покрывающая все тело; атрибут мусульманской этики. В разных странах и регионах есть свои варианты хиджаба, закрывающие лицо и тело в разной степени: никаб, бурка, абайя, химар, чадра, паранджа.

В русском и немецком миграционном медиадискурсе отмечается высокая степень речевой агрессии по отношению к хиджабу, что эксплицируется в лексике: *запрещать, запрещать носить, попросить снять, заставлять носить, заставлять снять, не разрешать, преследовать (за хиджаб), обязывать носить, deskriminieren, verbieten, Verbot, aggressiv*: *В местной школе девочку попросили снять хиджаб на время уроков (LC); Мои собственные дочери, которые хиджаб носят, из-за этого не смогли учиться в Турции (LC); На этноконфессиональном совете губернатор Астраханской области Александр Жилкин достаточно жестко высказался по поводу хиджабов и других религиозных атрибутов в школах и вузах (LC, news.yandex.ru, 2013); Die ist etwas aggressiv und egoistisch, bedeckt sich vollständig mit einem Hijab (LC).*

Таблица 1. Ситуационная актуализация лексемы *хиджаб*

Общее количество контекстов в LC (корпус русского языка)	Запрет	Разрешение	Снять	Ношение	Запрет на ношение	Отмена запрета на ношение
2577	975	131	63	1203	198	7

На форуме русских немцев идёт оживлённая дискуссия о хиджабах: *... не хотите работать, то совет, одень платок-хиджаб и никто тебя не возьмет на работу; ... молятся на паузе и не смущаются, а мусульманки ходят в хиджабах, в т. ч. тимляйтерша; Пока командуют они, а не вы. Готовьтесь одевать хиджаб и соблюдать рамадан; ... бок о бок с криминальными персонажами в замотанной в хиджаб Германии???*; *Я видел чеченскую медсестер в хиджабе... (02.02.2023)⁴*;

⁴ Орфография сохранена.

Девушку задержали за «неправильное ношение хиджаба» и увезли в участок (04.12.2022);

Внутри Европы всю ее историю в том числе и недавнюю убивают девочек и мальчиков, маньяки, преступники, люди других культур, для которых девочки без хиджабов нарушают правила... (31.10.2022);

– Как в целом обстановка с беженцами в Дрездене? Страшно ходить по улицам? – Беженцев очень мало, но из-за этого они как бы «подсвечиваются» на улице, т.к. они сильно отличаются внешне от немцев, женщины носят хиджаб, на руках – 2–3 ребенка – не очень типичная ситуация для Германии. Особенно пожилые люди, немцы, смотрят на них с осуждением, открыто выказывают недовольств на лице (13.04.2021);

Если вы Дама и не хотите работать то совет, одень платок – хиджаб и никто тебя не возьмет на работу. Просто так за платок дома не отсидеться, полно работающих в кофтухах. Надо уж паранжду надевать и прикинуться неграмотной. Тогда может не возьмут (20.02.2020) (Германия по-русски⁵).

Отдельного обсуждения заслуживают дискуссии вокруг никаба – головного убора, полностью скрывающего лицо женщины. Этот наряд вызывает бурные дебаты в принимающем обществе.

... платочницы-никабницы куда ни плюнь – так мы их в никабах-то ущемим (Германия по-русски).

– Где купить в Штутгарте Никаб и Чадру?

– Вы еще про балалайку забыли спросить и домашних животных медведей.

– Да, я смотрю толерантность не наш конёк (Германия по-русски).

Für viele Muslime haben die Burka oder der Hijab in der Tat nichts zu tun mit dem Islam (LC).

Es gibt zu viele unterschiedliche Interpretationen, als dass man pauschal sagen könnte, der Hijab sei ein Symbol der Unterdrückung oder der Freiheit (LC).

Хиджаб становится предметом обсуждения в разных аспектах:

– как средство демонстрации принадлежности к исламу: Auslöser waren zwei Fälle in Wien, in denen Mädchen mit Hijab zum Unterricht erschienen waren (LC);

⁵ Германия по-русски. URL: https://foren.germany.ru/wwwthreads_unreg.pl

– как средство, с помощью которого можно открыто не демонстрировать своё отрицательное отношение к происходящим событиям в принимающей стране: *Die ist etwas aggressiv und egoistisch, bedeckt sich vollständig mit einem Hijab, sodass nur ihre Nase zu sehen ist, und macht sich genüsslich über sämtliche Missstände in unserer Gesellschaft* (LC);

– как элемент современной моды: *При этом каждая из четырех моделей Сары имеет в своем гардеробе неперемный белый хиджаб; Die Models zeigen, wie farbenfroh Mode für Hijab-Trägerinnen aussehen kann* (Spiegel); *Frauen, die Hijab tragen, sind immer noch eine Ausnahme in der Modewelt; Auf ihrem Instagram-Kanal erklärte Aden, warum sie künftig nicht mehr für Modenschauen zur Verfügung stehen wolle: “Sie könnten mich morgen anrufen, doch ich würde meinen Hijab nicht für zehn Millionen Dollar verraten”; Dabei folgen die beiden Studenten nicht nur dem Leitsatz “Be the Boss you want to be”, sondern setzen mit der Kombination aus Hijab und einem Hosenanzug von Hugo Boss auch ein Zeichen für Diversität; Halima Aden war eines von drei Models, die den Laufsteg mit einem Hijab betreten* (LC);

– как элемент полицейской формы, спортивной одежды: *Die neuseeländische Polizei wagt mit einer Reform einen wichtigen Schritt: Muslimische Polizistinnen können von nun an ihren Hijab als Teil der Uniform tragen* (LC); *Decathlon Hijab: Die Kopfbedeckung für muslimische Sportlerinnen war auf der Internetseite in Marokko am Mittwoch noch zu bestellen* (Spiegel); *Decathlon ist nicht der einzige Sporthersteller der Kopfbedeckungen für muslimische Athletinnen produziert und anbietet. Auch die US-amerikanische Firma Nike zum Beispiel entwickelte eine solche Kopfbedeckung und bietet sie nach wie vor auch noch zum Verkauf an* (Spiegel);

– как элемент одежды, фиксирующий принадлежность к этносу, конфессии: *Потому что хиджаб – это обязательный атрибут их веры, а веру нельзя разрешить или запретить сомнительными поправками к закону; Und wie war das für Sie als emanzipierte Frau aus dem Westen, ein Kopftuch, einen Hijab zu tragen; Später durften Frauen nur noch mit Hijab für staatliche Institutionen arbeiten und letztlich wurde der Tschador für alle Mädchen und Frauen ab neun Jahren verpflichtet eingeführt; Sie war nicht nur die erste Abgeordnete, die im Unterhaus einen Hijab trug, sondern auch die erste eingebürgerte Afrikanerin und eine der beiden ersten muslimischen Frauen, die im US-Parlament saßen; Was sagt sie über Zeine Nasser, Boxerin im Hijab?; Christen tragen ein Kreuz, Muslims den Hijab... (LC); In Westeuropa ist der*

Ausgangspunkt der Hidschab – das Kopftuch, das viele muslimische Frauen als Zeichen der Sittsamkeit tragen [Die Welt, 2000];

– как источник опасности: *Во всяком случае в глазах москвичей и жителей других крупных городов хиджаб уже прочно ассоциируется с поясом шахиды; Online kursiert ein von Oktoberrevolution Sujet, auf dem zu sehen ist, wie eine Frau mit Hijab einen Molotov-Cocktail in Richtung Sicherheitskräfte wirft (LC);*

– как средство популяризации этого элемента одежды среди детей: *Seit Mattel 2015 die Barbie Fashionistas auf den Markt brachte, ist die Linie auf mehr als 170 “diverse” Modelle angewachsen, 2017 führte man beispielsweise die erste Barbie mit Hijab ein (LC);*

– как средство популяризации поликультуризма: *Tommy Hilfiger bringt einen Hijab auf den Markt und will damit für interkulturelle Verständigung werben (LC);*

– как политическое средство: *США защищают право на хиджаб как проявление свободы вероисповедания; Существенно, чтобы право выбирать оставалось у всех – и тех, кто носит хиджаб, и тех, кто его не носит (LC);*

– как средство выражения угрозы: *На севере страны три девочки угрожали совершить самоубийство, если им не разрешат носить хиджаб в школе (LC);*

– как препятствие при устройстве на работу: *Полиция больше не преследует женщин за хиджаб, хотя закрытые женщины все еще испытывают трудности при трудоустройстве и при найме жилья (LC);*

– как причина введения запретительных мер: *В школах Ингушетии хиджаб носить не будут. Глава Республики Ингушетия Юнус-Бек Евкуров не собирается разрешать в школах девочкам носить хиджаб; Девочкам предложили два варианта или снять хиджаб, или перейти на домашнее образование (LC);*

– как причина проявления агрессии: *С нее попытались сорвать хиджаб, хотели даже побить (LC);*

– как средство недопуска к получению образования: *За и против: В вузах Таджикистана перед студентками поставлен выбор – либо учеба в университете, либо хиджаб; Директору школы пришлось принести извинения за попытку запрета на хиджаб; В статье прямо сказано – или хо-*

пошее школьное образование или хиджаб; В Чите мусульманки отказались ходить в школу из-за запрета на хиджаб (LC).

Хиджаб выступает как причина судебных разбирательств: *Polizisten sollen im Norden der USA eine Muslimin genötigt haben, für ein Foto ihre Kopfbedeckung abzunehmen – wegen eines Verkehrsdelikts. Die Frau verklagte die Behörden und erzielte einen Erfolg* (Spiegel).

В целях выявления особенностей языковой репрезентации концепта ХИДЖАБ в сознании носителей русского языка был реализован свободный ассоциативный эксперимент [об ассоциативном эксперименте см, например, Корлякова 2020; Курганова 2019]. Свободный ассоциативный эксперимент предполагает отсутствие каких-либо ограничений для испытуемых; на слово-стимул отвечают словом-реакцией. Испытуемыми выступили 69 человек от 18 до 70 лет, имеющие среднее и высшее образование, получающие высшее образование (студенты), проживающие в городах России (Пермь, Москва, Новосибирск, Ижевск, Астрахань, Екатеринбург и др.).

Информантам было предложено привести ассоциации на слово-стимул *хиджаб*. Таким образом мы пытались актуализировать концептуальное поле «Хиджаб» и его языковые репрезентации в наивном сознании носителей русского языка, другими словами – фрагмент образа мира, отражающего неосознаваемые носителями языка представления. Анализ смыслов, стоящих за определённым словом, позволяет выявить социально обусловленные, общие и различные компоненты в когнитивной базе коммуниканта как представителя социокультурной общности. В эксперименте принимали участие и женщины, и мужчины, но гендерная специфика не учитывалась, так как это не входит в задачи данного исследования.

Ассоциативный эксперимент давно признан надёжным способом изучения содержания языкового сознания носителя языка. Придерживаясь антропоцентрического подхода, мы считаем значение слова динамичным, подвижным образованием, модификации которого зависят от многих факторов. У слова всегда есть свойства разной соотнесённости: значение живого слова опосредованно системой общекультурных представлений, принятых в том или ином обществе, также – личностной системой и системой языка. Смысловое поле представляет собой неразрывное единство значений и смыслов, процессов и результатов когнитивно-дискурсивной деятельности индивидов и социума: одно не существует без другого, что

обеспечивает динамический континуальный характер значения слова. От каждого информанта, носителя русского языка, были получены от 1 до 20 реакций, общее количество ассоциаций составило 510.

В результате анализа были выделены следующие семантические модули:

1. Семантический модуль «КОНФЕССИЯ» (98): религия (19); ислам (15); мусульманство (13); мусульмане (12); мусульманка (8); вера (7); Коран (5); Аллах (1); Аль-Китаб (1); верующая женщина (1); другая культура и религия (1); женщина-мусульманка (1); исламская мода (1); Исламская революция (1); мечеть (1); мусульманки (1); мусульманская культура (1); мусульманская одежда (1); мусульманская этика (1); правоверная (1); религиозная идентичность (1); религиозное общество (1); религиозные ограничения (1); сильная вера (1); строгость (1); хиджаб как символ (1).

2. Семантический модуль «ЧЕЛОВЕК» (66):

2.1. Семантический микромодуль «ЖЕНЩИНА» (48): женщина (25); мусульманка (4); девушка (3); Жади (1); девушки (1); азиатская женщина (1); арабская женщина (1); восточная женщина (1); женщина в восточном мире и её права (1); женщина Востока (1); женская одежда (1); мусульманки (1); мусульманская женщина (1); насилие над женщиной (1); певица Сюзанна (1); права женщин (1); пояс смертницы (1); становление женщиной (1); шиитка (1).

2.2. Семантический микромодуль «ЭТНОС» (14): арабы (9); араб (1); арабская культура (1); арабский макияж (1); арабский парфюм (1); какой-то араб (1).

2.3. Семантический микромодуль «ДЕТИ» (2): дети (1); много детей (1).

2.4. Семантический микромодуль «ЛЮДИ» (4): басмачи (1); товарищ Сухов (1); Жади (1); певица Сюзанна (1).

3. Семантический модуль «ОДЕЖДА» (57): платок (18); накидка (7); одежда (5); паранджа (4); головной убор (4); ткань (3); предмет одежды (2); восточная женская одежда (1); головной убор женщины восточных стран (1); женская одежда (1); женский головной убор, закрывающий голову (1); закрытая одежда (1); мусульманская одежда (1); накидка на голову мусульманской женщины (1); наряд (1); покрывало (1); покрывать (1); разновидность хиджаба (1); сетка (1); чёрный хиджаб (1); традиционный убор (1)

4. Семантический модуль «СВОЙСТВО» (45): скрытность (7); скромность (4); целомудрие (3); загадочность (1); закрытость (2); повиновение

(2); послушание (2); вызывающий интерес (1); гигиена (1); душевная компрессия (1); загадочность (1); закрытая одежда (1); запах (1); мрачный (1); неприкосновенность (1); непорочность (1); неэстетичность (1); отсталость (1); повиновение (1); покорность (1); скрытая красота (1); смирение (1); строгие правила (1); строгость (1); таинственность (1); тайна (1); твердо стоять на ногах (1); уважение (1); условность (1); хорошо (1); чистота (1).

5. Семантический модуль «СОСТОЯНИЕ / ДЕЙСТВИЕ» (38): жарко (5); угнетение (2); борьба за права этнического меньшинства (1); выход на улицу (1); выделяться в толпе (1); закрыто (1); их становится всё больше вокруг (1); жалость (1); можно не укладывать волосы (1); настороженность (1); неудобство в ношении платка (1); носить хиджаб (1); надеть хиджаб (1); обман (1); обязанность (1); обязанность или добровольное желание носить? (1); ограничение (1); отстранение (1); подчинение (1); потеть (1); привлекает внимание (1); прикрытие (1); скрывание (1); страх бомбы (1); споры о ношении хиджаба (1); ограничение свободы (1); потеть (1); тепловой удар (1); скрывать лицо (1); сокрытие (1); спрятать (1); спрятать волосы (1); требование (1).

6. Семантический модуль «ЗАПРЕТ / ОГРАНИЧЕНИЯ» (31): запрет (10); ограничение (2); дискриминация (1); бесправие (1); закрытое общество (1); запреты (1); заставить (1); законный (1); запрет на ношение хиджаба (1); наказание (1); нарушение прав женщин (1); несвобода (1); ограничение (1); отслеживание по камерам видеонаблюдения (1); притеснения (1); подавление (1); ограниченность (1); ограничить (1); спрятать (1); тюрьма (1); харам (1).

7. Семантический модуль «ТЕРРОРИЗМ / ВОЙНА» (29): терроризм (6); теракт (2); бомба (4); басмачи (2); взрыв (2); война (1); ИГИЛ (1); конфликт (1); насилие (2); оружие (1); потенциальный терроризм (1); пояс смертницы (1); террорист (1); тревога (1); угроза (1); шахид (1); шийка (1).

8. Семантический модуль «ТРАДИЦИЯ» (22): традиция (14); восточные обычаи (1); обычай (3); строгие правила (1); обязательно носить на улице (1); традиционный хиджаб (1); традиционный убор (1).

9. Семантический модуль «СТРАНА» (21): Восток (7); Афганистан (2); Азия (1); арабские страны (1); Дагестан (1); Ирак (1); мусульманская страна (1); ОАЭ (1); Саудовская Аравия (1); Иран (1); Пакистан (1); страны Ближнего Востока (1); Средняя Азия (1); Таджикистан (1).

10. Семантический модуль «КУЛЬТУРА» (19): арабская культура (3); культура (3); чужая культура (2); восточная культура (1); держаться за традиции (1); другая культура (1); Жади (1); Коран (1); мусульманская этика (1); мусульманская этика (1); сохранить цивилизацию (1); товарищ Сухов (1); религиозная традиции (1); элемент средневековья в современной культуре (1).

11. Семантический модуль «ЦВЕТ» (18): чёрный (12); чёрный цвет (3); чёрные глаза (1); хиджабы различного цвета (1); цветной (1).

12. Семантический модуль «СТОРОНЫ СВЕТА» (16): Восток (9); восточная женщина (1); восточная женская одежда (1); восточная красота (1); восточные обычаи (1); женщина в восточном мире (1); страны Ближнего Востока (1); южные страны (1).

13. Семантический модуль «ОЦЕНКА» (12): достоинство (1); наказание (1); непривычно (1); неудобство (1); почему надо носить хиджаб в университете (1); отстой (1); пережиток (1); прошлое (1); разногласие (1); странно (1); толерантность (1); тюрьма (1);

14. Семантический модуль «ВНЕШНОСТЬ» (6): арабский макияж (1); восточная красота (1); выразительные глаза (1); красивые глаза (1); красота (1); черные глаза (1).

15. Семантический модуль «ГОЛОВА» (6): глаза (1); голова (1); лицо (1); покрытая голова (1); скрытое лицо (1); скрытые волосы (1).

16. Семантический модуль «СВОБОДА» (6): закрытость (4); несвобода (1); ограничение свободы (1).

17. Семантический модуль «ЧУЖОЙ» (5): чужая культура (2); другой (1); иностранец (1); чуждый (1).

18. Семантический модуль «ИСКУССТВО / ЛИТЕРАТУРА» (5): Гульчатай, покажи личико (1); «Волшебная лампа Алладина» (1); Жади (1); Сказки Шахерезады (1); товарищ Сухов (1).

19. Семантический модуль «СТАТУС» (3): беженец (1); иммигрант (1); мигранты (1).

20. Семантический модуль «ГОРОД» (3): Мекка (2); город (1);

21. Семантический модуль «ПРАВО» (2): женщина в восточном мире и её права (1); права женщин (1).

22. Семантический модуль «ИДЕЛОГИЧЕСКАЯ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ» (3): бесправие (1); защита (1); консерватизм (1).

23. Семантический модуль «МОЛИТВЕННОЕ АРХИТЕКТУРНОЕ

СООРУЖЕНИЕ» (2): мечеть (2).

24. Семантический модуль «ПРИРОДНАЯ ЗОНА» (2): оазис (1); пустыня (1).

25. Семантический модуль «МОДА» (2): исламская мода (1); стиль (1).

26. Семантический модуль «МИГРАЦИЯ» (1): миграция (1).

27. Семантический модуль «ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ» (1): патриархат (1).

28. Семантический модуль «СТОРОННИКИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ» (1): басмачи (1).

29. Семантический модуль «КОСМЕТИКА» (1): арабский парфюм (1).

30. Семантический модуль «КОНДИТЕРСКИЕ ИЗДЕЛИЯ» (1): сладости (1).

31. Семантический модуль «ЖИВОТНЫЕ» (1): верблюды (1).

32. Семантический модуль «ГОРНАЯ ПОРОДА» (1): песок (1).

33. Семантический модуль «КСЕНОФОБИЯ» (1): ксенофобия (1).

34. Семантический модуль «ИМЯ» (1): имя (1).

35. Семантический модуль «ИНФОРМАЦИЯ» (1): секрет (1).

Семантический модуль «АГРЕССИЯ» (1): насилие над женщиной (1) (рис. 3).

К ядру ассоциативно-вербального поля концепта ХИДЖАБ относятся реакции, представленные семантическими модулями КОНФЕССИЯ (98 реакции), ЧЕЛОВЕК (66), ОДЕЖДА (57), СВОЙСТВО (45), СОСТОЯНИЕ / ДЕЙСТВИЕ (45); к зоне ближней периферии относятся реакции, представленные семантическими модулями ЗАПРЕТ / ОГРАНИЧЕНИЯ (31), ТЕРРОРИЗМ / ВОЙНА (29), ТРАДИЦИИ (22), КУЛЬТУРА (19), ЦВЕТ (18), СТРАНА (16), ОЦЕНКА (12); зона крайней периферии представлена семантическими модулями, в которых зафиксировано от 6 до 1 реакции. Во внимание принимались слова, словосочетания, предложения.

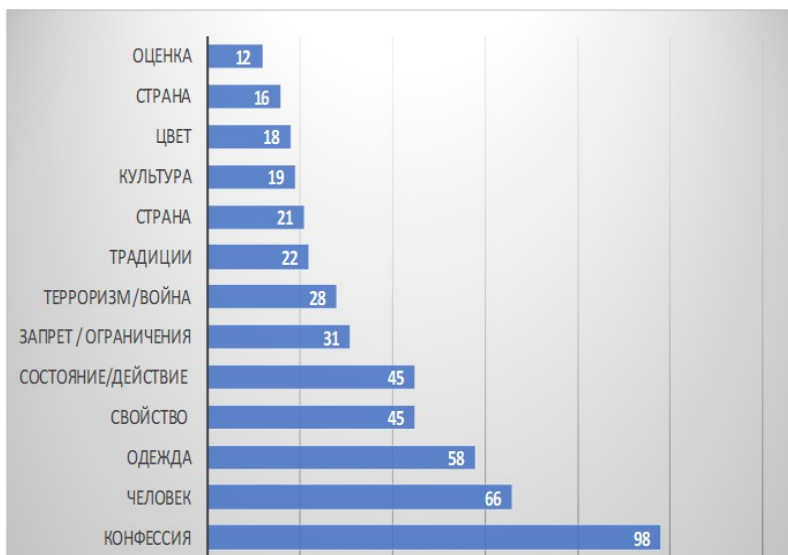

Рис. 3. Ассоциативно-вербальное поле концепта ХИДЖАБ

Парадигматические ассоциации представлены многочисленными номинациями: сладости, мечеть, настороженность, угнетение, платок, ограничение, мусульманство, религия, ислам, женщина, запрет, скромность, загадочность, таинственность, целомудрие, подчинение и другие. Синтагматические ассоциации актуализируются адъективными формами: восточная красота, арабская культура, религиозные ограничения, строгие правила, традиционный убор, мусульманская этика и другими; сочетаниями с глаголами: выделяться в толпе, скрывать лицо, спрятать волосы и другими; предложениями: их становится всё больше вокруг и другими. В результате анализа выделены ассоциации-оценки:

1) положительные ассоциации-оценки: арабская культура, арабский парфюм, восточная красота, скромность, выразительные глаза, красивые глаза, оазис, сладости и другие;

2) отрицательные ассоциации-оценки: угнетение, неудобство, обман, ограничение, подчинение, пояс смертницы, шиитки, мрачный, взрыв, чуждый, оружие, опасность и другие.

Ассоциации-оценки носят эмоциональный характер, у части информантов присутствует эмоционально-окрашенное отношение к хиджабу.

Доминируют отрицательные реакции, связанные с опасностью: пояса смерти, шийка, оружие, взрыв и другие.

Заключение

Базовым компонентом миграционного дискурса является *миграция*, актуализирующаяся в миграционном дискурсе как *наука*, как *бизнес*, как *перемещение (переселение, передвижение)*. Миграция рассматривается как инструмент обогащения культуры труда и становится в один ряд с туризмом, как феномен современной жизни, с одной стороны, как проблема глобальных масштабов, с другой стороны. Миграция соотносится с такими объектами-отношениями: *беженцы, интеграция, убежище, рост населения, диаспора, глобализация, мобильность, криминал, терроризм, торговля людьми, идентичность*.

Актуальность исследования обусловлена антропоцентрической направленностью современной лингвистики, центральное место в которой занимает человек и его знания о мире, отраженные в языке. По мере углубления процессов глобализации социальные, экономические и политические преобразования все больше влияют на нашу жизнь и опыт. В настоящее время во всем мире процесс миграции продолжает набирать обороты и все больше людей вынуждены менять свое место жительства в связи с политической или экономической ситуацией. Крупные события миграции и перемещения населения способствуют увеличению конфликтных ситуаций и речевой агрессии по отношению к мигрантам. Несмотря на тот факт, что общая концепция международной миграции может показаться простой и понятной, её сложность становится все более очевидной для современного общества. В связи с этим, не перестает снижаться значимость межкультурного взаимодействия во всех областях деятельности человека, что обуславливает актуальность исследования в сфере миграционной лингвистики. Исходя из концепции отражения действительности в языковом сознании отдельного индивида или целого общества, представляется возможным говорить о существовании особой концептосферы миграции.

Список литературы и источников материала

1. Ашнин Е.С. Социолингвистические аспекты межкультурной коммуникации в Германии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследование молодых ученых. 2012. № 10. С. 136–138.

2. Ашнин Е.С., Желтухина М.Р. Отражение межэтнической вражды в современном медиадискурсе // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения. Материал V Международной научно-практической конференции. М.: РУДН, 2012. С. 103–104.

3. Базанов В.А. Языковые навыки переселенцев с территории России (СССР) в Германию // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 4(18). С. 84–94.

4. Веснина Л.Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента). Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2010. 250 с.

5. Водак Р. Взаимосвязь «дискурс-общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу // Политическая лингвистика. 2006. № 19. С. 107–116.

6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.

7. Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации; пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Амадова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

8. Желтухина М.Р. Миграционная медиалингвистика: конфликт vs. кооперация в межкультурной коммуникации // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография / С.В. Шустова, М.Р. Желтухина, М.В. Дружинина и др.; науч. ред. А.М. Амадов. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2019. С. 6–21.

9. Желтухина М.Р., Бородина С.Н. Стратегии и тактики реализации слухов в иноязычных СМИ и прагматический аспект их воздействия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (96). С. 132–139.

10. Желтухина М.Р., Рябова О.А. Классификация слухов в современных американских печатных СМИ // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики. Материалы международной научной конференции, г. Волгоград, 8 февр. 2011 г. Волгоград: Изд-во «Волгоградский государственный университет», 2011. С. 51–55.

11. Желтухина М.Р., Магомадова Т.Д. Метафорические модели в рамках метафорического моделирования «ПОЛИТИКА» – «ВОЙНА» в английском, немецком и русском медиадискурсе XXI века // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 218–224.

12. Зубарева Е. О. Концепт «Мигрант» в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики: сетевой научный журнал. 2018. Т. 4. № 4. С. 29–41. URL: <http://rllinguistics.ru/journal/annotation/1549/> (дата обращения: 03.06.2021). DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-4.

13. Зубарева Е.О. Номинативное поле концепта «Мигрант» // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 420–422.
14. Зубарева Е.О., Шустова С.В., Исаева Е.В. Концептуальное поле в современной лингвистической парадигме // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 17–26
15. Зубарева Е.О. Понятийный компонент концепта «МИГРАЦИЯ» // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 2. С. 75–83.
16. Зубарева Е.О. Языковая репрезентация концепта МИГРАЦИЯ // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика: монография / С.В. Шустова, Е.О. Зубарева, Н.В. Хорошева и др.; науч. ред. О.А. Радченко; Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2020. С. 65–112.
17. Ирисханова О.К. О языковой гибридизации, лексических гибридах и фокусе внимания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Выпуск 24(603). С. 30–44.
18. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени; изд-е 2, испр. М.: ЛЕНАНД, 2015. 272 с.
19. Йоргансен М.В., Филлипс Л. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 350 с.
20. Калинин С.С. Категория пассивного залога в пиджинах и креольских языках: сопоставительное исследование. 2022. URL: <https://iling.spb.ru/conferences/2022/235> (дата обращения: 01.02.2023).
21. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Перемена, 2000. 520 с.
22. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.
23. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. М.: Институт языкознания РАН, 2003. 90 с.
24. Корлякова А.Ф. Значение слова: методы описания (на материале лингвистического эксперимента) // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 4. С. 49–56.
25. Курганова Н.И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 24–37.
26. Лапина Л.Г. Языковое сопровождение миграционных процессов в Германии // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 1. С. 36–41.
27. Лапина Л.Г., Ермаков М.М. Языковые и правовые аспекты европейской миграции // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 57–62.
28. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 272 с.
29. О Совете Европы // URL: <http://www.echr.ru/coe/> (дата обращения: апрель 2022 г.).

30. Плотникова С.Н. Дискурс и дискурсивное пространство // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. Отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 31–61.

31. Радченко О.А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1 (3). С. 60–66.

32. Сергеев Е.Ю. Средства массовой коммуникации в условиях глобализации // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 1. С. 117–123.

33. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, Институт иностранных языков, 2006. 312 с.

34. Собянина В.А., Хохлова И.В. Языковая репрезентация миграции в немецких СМИ: монография. М.: Изд-во «Московский государственный педагогический университет», 2018. 167 с.

35. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. Сборник статей. М.: Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 1995. 432 с.

36. Черноусова А.С. Образ города в сознании мужчин и женщин (по материалам ассоциативного эксперимента) // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 4. С. 57–68.

37. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, Наука, 2012. 128 с.

38. Шустова С.В., Зубарева Е.О., Хорошева Н.В. «Дети-мигранты» как социальные агенты миграционного дискурса // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика: монография / С.В. Шустова, Е.О. Зубарева, Н.В. Хорошева и др.; науч. ред. О.А. Радченко; Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2020. С. 5–35.

39. Шустова С.В., Костева В.М., Хорошева Н.В. Мигрантский образовательный дискурс: коммуникативные стратегии и тактики // Миграционная лингвистика. 2019. № 1. С. 4–22.

40. Шустова С.В. Лингвоконфликтogenность и лингвотолерантность в миграционном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 4. С. 21–29.

41. Dijk T. Discourse and Migration // Qualitative Research in European Migration Studies. 2018. P. 227–245. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-76861-8_13 (дата обращения: апрель 2023).

42. Discher C. Sprachkontakt, Migration und Variation: Die frankophone Integration von Rumänien in Paris nach 1989. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2015. 272 p.

43. Hartmann P., Husband C. Racism and the Mass Media: a study of the role of the mass media in the formation of white beliefs and attitudes in Britain. London: Davis-Poynter, 1974. 279 p.

44. Foren.germany.ru. URL: https://foren.germany.ru/wwwthreads_unreg.pl (дата обращения: апрель-май 2023).

45. Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. Wien: LiT Verlag, AG GmbH&Co.KG, 2018. 658 S.

46. Kerswill P. Migration and language // Klaus Mattheier, Ulrich Ammon & Peter Trudgill (eds.) Sociolinguistics / Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society. 2nd edn. Vol 3. Berlin: De Gruyter, 2006. P. 2271–2285.

47. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. 173 S.

48. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: апрель-май 2023).

49. Piller I. Language and Migration. London: Routledge, 2016. 1600 p.

50. Silbereisen K., Titzmann P.F. The Challenges of Diaspora Migration: Interdisciplinary Perspectives on Israel and Germany. London: Routledge, 2016. 354 p.

51. Stehl Th. Sprache und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen. Kommunikative Aspekte // Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migration-linguistik / Hrsg. T. Stehl, N. Franz, R. Kunow. Potsdam: Universitäts Verlag, 2011. S. 39–55.

52. Unger A. (unter Mitwirkung von Andreas Christian Islebe): Von Algebra bis Zucker. Arabische Wörter im Deutschen. Reclam, Stuttgart 2007.

53. Tazi R. Arabismen im Deutschen: Lexikalische Transferenzen vom Arabischen ins Deutsche. de Gruyter, Berlin/ New York 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Богоявленская Ю. В.	
ДИСКУРСИВНЫЕ ГРАНИ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ.....	4
Плотникова М. В.	
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИИ: МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ.....	76
Шустова С. В.	
МИГРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ	109

Научное издание

**Богоявленская Юлия Валерьевна
Плотникова Мария Вячеславовна
Шустова Светлана Викторовна**

**Дискурсивные практики:
коммуникативно-прагматический подход**

Монография

Издаётся в авторской редакции
Компьютерная вёрстка: *Л. Н. Голубцова*

Объем данных 4,36 Мб
Подписано к использованию 07.08.2023

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15